

Иванов С.В. (1864–1910). Переселенцы (1886)

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (14) / 2024

**ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ
ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ**

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ
И
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
№ 1 (14) / 2024**

**ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ
ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ**

Издается с 2020 г.

Выходит 4 раза в год

**Составитель номера –
*канд. геогр. наук М.А. Положихина***

**Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)**

**SOCIAL NOVELTIES
AND
SOCIAL SCIENCES**

Scholarly journal

№ 1 (14) / 2024

**FEATURES AND TRENDS
INTERNAL MIGRATIONS**

Published since 2020

Issued quarterly

Issue editor –

M.A. Polozhikhina (PhD in geography)

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: О.В. Большакова – д-р ист. наук

Заместитель главного редактора: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь: И.А. Чувычкина, PhD

Редакционная коллегия: *Борисоглебская Л.Н.* – д-р экон. наук, канд. техн. наук (Орел, Россия);
Быков А.А. – д-р экон. наук (Беларусь); *Гребениčkова Е.Г.* – д-р филос. наук (Москва, Россия); *Долгов А.Ю.* – канд. социол. наук (Москва, Россия); *Казакова А.Ю.* – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Коровникова Н.А.* – канд. полит. наук (Москва, Россия); *Манучарян М.Г.* – канд. экон. наук (Армения); *Мелешкина Е.Ю.* – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Николаева У.Г.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Погосян Г.А.* – д-р социол. наук, академик НАН РА (Армения); *Смирнов С.Н.* – д-р экон. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет: *Кузнецов А.В.* – член-корреспондент РАН, д-р экон. наук (Москва, Россия);
Ефременко Д.В. – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Акбердина В.И.* – член-корреспондент РАН, д-р экон. наук (Екатеринбург, Россия); *Алферова Е.В.* – канд. юрид. наук (Москва, Россия); *Батцэнгэл Хуухээ* – д-р экон. наук (Монголия); *Бровко Н.А.* – д-р экон. наук (Кыргызстан); *Додонов В.Ю.* – д-р экон. наук (Казахстан); *Кашенов А.В.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Лоскутова И.М.* – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Макашева Н.А.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Мысливец Н.Л.* – канд. социол. наук (Беларусь); *Петров В.Н.* – д-р социол. наук (Краснодар, Россия); *Покровский Н.Е.* – д-р социол. наук, канд. филос. наук (Москва, Россия); *Прокапало О.М.* – д-р экон. наук (Хабаровск, Россия); *Файзуллоев М.К.* – д-р экон. наук (Таджикистан); *Чепель С.В.* – д-р экон. наук (Узбекистан); *Чжан Шухуа* – PhD (Китай)

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2024.01.00

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Editorials

Editor-in-Chief:
Olga Bolshakova, DrS. (Hist. Sci.)

Deputy editor-in-chief:
Maria Polozhikhina, PhD (Geogr. Sci.)

Executive secretary:
Inna Chuvychkina, PhD

Editorial board: *Borisoglebskaya L.N.*, DrS Econ., PhD Tech. Sci. (Orel, Russia); *Bykov A.A.*, DrS Econ. Sci. (Belarus); *Grebenshchikova E.G.*, DrS Philos. Sci. (Moscow, Russia); *Dolgov A.Yu.*, PhD Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Kazakova A.Yu.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Korovnikova N.A.*, PhD Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Manucharyan M.D.*, PhD Econ. Sci. (Armenia); *Meleshkina E.Yu.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Nikolaeva U.G.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Pogosyan G.A.*, Academician of the Armenian National Academy of Sciences, DrS Soc. Sci. (Armenia); *Smirnov S.N.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia)

Advisory board: *Kuznetsov A.V.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Efremenko D.V.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Akberdina V.I.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Yekaterinburg, Russia); *Alferova E.V.*, PhD Law Sci. (Moscow, Russia); *Battsengel Huuhee*, DrS Econ. Sci. (Mongolia); *Brovko N.A.*, DrS Econ. Sci. (Kyrgyzstan); *Dodonov V.Yu.*, DrS Econ. Sci. (Kazakhstan); *Kashepov A.S.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Loskutova I.M.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Makasheva N.A.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Myshlivets N.L.*, PhD Soc. Sci. (Belarus); *Petrov V.N.*, DrS Soc. Sci. (Krasnodar, Russia); *Pokrovsky N.E.*, DrS Soc. Sci., PhD (Moscow, Russia); *Prokapalo O.M.*, DrS Econ. Sci. (Khabarovsk, Russia); *Fayzulloev M.K.*, DrS Econ. Sci. (Tajikistan); *Chepel S.V.*, DrS Econ. Sci. (Uzbekistan); *Zhang Shuhua*, PhD (China)

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2024.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	7
--------------------------	---

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

<i>Положихина Мария Анатольевна</i> Направления и проблемы изучения внутренней миграции в России (Обзор)	11
<i>Чувычкина Инна Александровна</i> Основные подходы зарубежных специалистов к изучению внутренних миграций (Обзор)	37
<i>Коровникова Наталья Александровна</i> Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы	50

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Смирнов Сергей Николаевич</i> Внутренняя миграция в Российской Федерации: оценка потоков и их структурных характеристик	65
<i>Норик Борис Вячеславович</i> Внутренняя миграция в Исламской Республике Иран: тенденции, причины и возможные стратегии контроля миграционных процессов	84
<i>Ридевский Геннадий Владимирович</i> Влияние агломерационных процессов на внутреннюю миграцию в Республике Беларусь	101
<i>Чухарев Андрей Владимирович</i> Динамика и особенности внутренних миграционных процессов в объединенной Германии	115

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

<i>Пряжникова Ольга Николаевна</i> Особенности миграции из сельской местности в города в Китае Рецензия на книгу: Kaufmann I. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021	127
---	-----

CONTENTS

Introducing the issue	7
-----------------------------	---

THE SPACE OF DISCOURSE

<i>Polozhikhina M.A.</i> Directions and problems of studying internal migration in Russia (Review)	11
<i>Chuvychkina I.A.</i> Labor migration in the Russian Federation regions: trends, potential, prospects (Review)	37
<i>Korovnikova N.A.</i> Labor migration in the Russian Federation regions: trends, potential, prospects	50

POINT OF VIEW

<i>Smirnov S.N.</i> Internal migration in the Russian Federation: assessment of flows and their structural characteristics	65
<i>Norik B.V.</i> Internal migration in the Islamic Republic of Iran: tendencies, causes and possible strategies for control of migration processes	84
<i>Ridevsky G.V.</i> The impact of agglomeration processes on internal migration in the Republic of Belarus	101
<i>Chukharev A.V.</i> Dynamics and features of internal migration processes in the reunified Germany	115

PROFESSIONAL VIEW

<i>Pryazhnikova O.N.</i> Features of rural-urban migration in China. A review of the book: Kaufmann L. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China	127
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Настоящий номер продолжает тему миграций населения, начатую в первом выпуске журнала «Социальные новации и социальные науки» за 2023 г. Однако теперь в фокусе внимания находятся внутренние (внутристрановые) миграции.

Внутренние миграции значимы для любой страны мира, так как во многом определяют демографическую структуру населения, формирование и изменение системы расселения, состояние и динамику рынка труда, а также многие другие важные аспекты жизни социума. Особую роль играют внутренние миграции в истории России, начиная с процессов хозяйственного освоения восточных и северных регионов, урбанизации, решения задачи аграрного перенаселения и т.д. И в настоящее время эта тема не потеряла своей актуальности, но уже в контексте снижения численности населения страны и его старения, депопуляции ряда сельских территорий, а также обострившихся проблем на рынках труда. При этом сами внутренние миграции остаются незатухающим и изменчивым процессом, который заслуживает постоянного мониторинга, анализа и оценки.

Традиционно первая рубрика номера – **«Пространство дискурса»** – посвящена историческим и теоретико-методологическим вопросам. Открывает ее обзор *М.А. Положихиной*, в котором представлена история изучения внутренних миграций в России во взаимосвязи с трансформацией самих миграционных процессов и преобразованиями институциональной среды. В хронологическом порядке рассматривается смена приоритетов и направлений миграционных исследований, приводятся наиболее показательные для каждого периода научные работы, их авторы и институты, демонстрируется изменение подходов специалистов. В заключение перечисляются основные проблемы изучения внутренних миграций в стране в настоящее время и перспективные области исследований.

В свою очередь, в обзоре *И.А. Чувычкиной* описываются основные подходы зарубежных специалистов к созданию и классификации теорий миграции населения. Многие положения из рассмотренных концепций хорошо знакомы отечественным специалистам. Однако представленный материал наглядно демонстрирует, насколько продвинулись в теоретическом осмыслении миграционной тематики зарубежные авторы, – что резко контрастирует с преобладанием приклад-

ных исследований в российском дискурсе. В обзоре также обсуждаются важные для всех ученых вопросы качества (полноты, достоверности, сопоставимости) статистических данных о миграциях и возможные направления их улучшения. Кроме того, на интересном эмпирическом материале иллюстрируется специфика внутренних миграций в разных странах мира и существующие в них проблемы с организацией сбора соответствующей информации.

Наконец, в статье *Н.А. Коровниковой* освещается трансформация в постсоветской России трудовой миграции (основного вида современных миграций населения). Автор подчеркивает такую важнейшую ее особенность, как переход от абсолютного преобладания внутренней трудовой миграции к доминированию внешней трудовой миграции. Особое внимание в работе уделено текущей миграционной обстановке в регионах Российской Федерации. Рассматривается миграционный потенциал российских регионов в методологическом измерении, а также дается эмпирическая оценка трудовой миграции на основании данных официальной статистики. Приводятся некоторые рассуждения и выводы относительно рисков и перспектив развития трудовой миграции в регионах России в обозримой перспективе.

В раздел журнала «Точка зрения» вошли работы, в которых исследуется состояние и динамика внутренних миграций в разных странах мира.

В статье *С.Н. Смирнова* на основе официальных статистических данных подробно анализируется структура внутривнутристрановой миграции в России в 2022 г. Основной акцент в работе сделан на межрегиональных миграциях, масштабы которых сопоставляются с уровнем социально-экономического развития регионов и их места в отечественных рейтингах по показателям, характеризующим качество жизни. Как показали проведенные расчеты, ситуация в России во многом совпадает с общемировыми трендами внутривнутристрановой миграции. Так, интенсивность миграции (доля мигрантов в общей численности населения различных возрастов) наиболее высока у лиц младших возрастных групп, мотивируемых к переезду стремлением получить качественное образование и перспективное рабочее место. В дальнейшем она постепенно снижается к самым низким показателям у лиц, которые вышли за пределы трудоспособного возраста. В свою очередь, регионы, занимающие наиболее высокие места в рейтинге качества жизни, как правило, характеризуются наибольшим потоком прибывающих внутренних мигрантов. С другой стороны, возможности выезда из регионов с низкими рейтингами во многих случаях являются ограниченными для потенциальных внутренних мигрантов.

Статья *Б.В. Норика* посвящена такой редкой для российского научного дискурса теме, как современная внутренняя миграция в Исламской Республике Иран. Отмечается, что за последние 50 лет потоки внутренних мигрантов в стране значительно изменились под влиянием экономических, социальных, культурных, демографических и прочих факторов. Эти изменения привели к нежелательным трансформациям структуры расселения и нарушению демографического баланса в

разных регионах Ирана. Сохранение существующих тенденций грозит усилением дисбаланса в территориальном размещении населения и экономической деятельности в региональном разрезе с тяжелыми социально-экономическими последствиями. Иранские специалисты предлагают целый ряд стратегий по разрешению возникшего кризиса, однако возможности их реализации представляются автору работы проблематичными.

Основной целью статьи *Г.В. Ридевского* является оценка взаимного влияния агломерационных процессов (т.е. процессов формирования и развития городских агломераций) и миграции населения внутри Республики Беларусь. Работа служит продолжением исследований автора в области географии населения (в том числе таких аспектов, как изменения в системе расселения) и включает расчеты миграционного прироста населения белорусских регионов за период 2011–2018 гг. Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам: внутренние миграционные процессы служат основной причиной третьего демографического перехода в стране; внутренние миграционные потоки в современной Беларуси способствуют ее переходу к моноцентричному развитию. Возможность преодоления последней негативной тенденции автор видит в развитии городских агломераций помимо Минской. По его мнению, примененная методология может быть также полезна для проведения исследований в другие временные периоды или для других стран и территорий.

В статье *А.В. Чухарева* рассматривается изменение численности и структуры населения Германии после ее объединения в 1990 г. в контексте характерной для страны региональной дихотомии «Восток–Запад». Важную роль в этих процессах сыграла внутренняя миграция, которая была направлена главным образом с востока на запад. Эта миграция также стала причиной нарушения демографического и социально-экономического баланса между старыми и новыми землями объединенной Германии. В работе прослеживается динамика и определяются ключевые особенности оттока населения из Восточной Германии, анализируются социально-экономические причины этого явления и предпринятые государством меры по их устранению.

В последнем разделе номера – **«Профессиональный взгляд»**, – представлена рецензия *О.Н. Пряжниковой* на монографию Л. Кауфманн (L. Kaufmann) «Миграция из сельской местности в города и агротехнологические изменения в постреформенном Китае» (Rural-urban migration and agro-technological change in post-reform China), опубликованную в 2021 г. издательством Amsterdam University Press. В основу монографии легла обширная этнографическая полевая работа, проведенная Л. Кауфманн в 2007–2008 и 2010–2011 гг. в сельской местности провинции Хунань, а также данные, собранные ею в 2012–2017 гг. посредством переписки и видеоконференций с жителями сельской провинции Аньхой и мигрантами, которые покинули ее, переехав в Шанхай.

Как отмечает автор рецензии, уникальность исследования заключается в анализе обширного эмпирического и этнографического материала, позволившего расширить представление о том, что

можно назвать «происхождением» мигрантов, и подробно изучить «сельский фактор» миграции китайцев в города. Благодаря акценту на роли сельскохозяйственных угодий (прежде всего рисовых полей) в принятии решений о миграции, рассматриваемая работа предлагает новый взгляд на изучение стратегий миграций как с точки зрения самих мигрантов, так и тех, кто остается в сельской местности. Этот комплексный подход новаторски расширяет тематику исследований миграций.

Материалы, собранные в настоящем выпуске, еще раз демонстрируют многогранность миграций как объекта исследований, в изучение которого вовлечены представители всех общественных дисциплин, и даже естественно-научных. Широкий круг и множественность исследовательских работ оборачивается их раздробленностью и разобщенностью, что ставит задачу синтеза и обобщения результатов. Хочется надеяться, что предложенный номер будет способствовать знакомству специалистов с достижениями коллег и, в итоге, поможет дальнейшему развитию исследований в области миграции населения.

М.А. Положихина

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

УДК 314.72:001.891(470+571)

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ (Обзор)

Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия;
polozhikhina2@mail.ru

***Аннотация.** В обзоре представлена история изучения в России миграций (прежде всего внутренних) во взаимосвязи с трансформацией самих миграционных процессов и преобразованиями институциональной среды. В хронологическом порядке рассматривается смена приоритетов и направлений миграционных исследований, приводятся наиболее показательные для каждого периода научно-исследовательские работы, их авторы и институты, демонстрируется изменение подходов специалистов. В заключении перечисляются основные проблемы изучения внутренних миграций в стране в настоящее время и перспективные области исследований.*

***Ключевые слова:** внутренние миграции; Россия; научные исследования; миграциология; государственная миграционная политика.*

***Для цитирования:** Положихина М.А. Направления и проблемы изучения внутренней миграции в России // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 11–36.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi:10.31249/snsn/2024.01.01

Рукопись поступила 18.03.2024

Принята к печати 27.03.2024

Введение

Миграции представляют собой явление столь же древнее, как и само человечество; более того, миграционный процесс служит одним из механизмов формирования цивилизации, наций и государств. Несмотря на то, что массовые перемещения людей из одних регионов мира в другие существовали всегда и издавна привлекали внимание ученых, непосредственное изучение миграций началось сравнительно недавно. Современные научные представления о миграциях начали складываться в конце XIX в., и объектом исследований стали прежде всего внутренние миграции. Первая и классическая работа английского ученого немецкого происхождения Э.Г. Равенштейна (1834–1913) «The laws of migration» (1885) была написана на материалах внутренней миграции в Великобритании [Абдуллаев, 2019, с. 96; Василенко, 2014, с. 40–41]. И это не случайно, так как само явление очень наглядно, а фактический материал о нем доступнее по сравнению с внешними миграциями.

Следует отметить, что внутренние миграции имели особое значение для Российской империи (страны, «которая колонизируется»¹), а также для СССР в период ускоренной урбанизации и освоения северных и восточных регионов. Длительное преобладание внутристрановой миграции в истории России обусловило преимущественный интерес отечественных исследователей именно к внутренним перемещениям населения.

История изучения миграций в России достаточно хорошо известна, так как самостоятельной темой они стали тоже в конце XIX в.² Общепринятой в настоящее время является периодизация данного процесса, предложенная Л.Л. Рыбаковским [Рыбаковский, 2003], которую продолжают уточнять и дополнять. Ведь развитие миграций не останавливается, что определяет появление новых направлений и аспектов изучения, а также потребности в релевантных регуляторных действиях.

Специалисты подчеркивают, что «внутренняя миграция оказывает влияние на соотношение городского и сельского населения, плотность населения, половозрастную структуру, национальный состав. Изменения, происходящие во внутрироссийских миграционных потоках, вызванные

¹ «Это высказывание, впервые произнесенное историком С. Соловьевым в 1840-х годах, получило широкую известность благодаря труду по истории России под авторством В. Ключевского, опубликованному в 1911 г., и до сих пор является одним из самых известных афоризмов, касающихся российской истории» [Моррисон, 2022; Положихина, 2023].

² Обзор отечественных исследователей, занимавшихся миграционной тематикой, нередко начинают с М.В. Ломоносова. Последний, будучи энциклопедистом, интересовался и вопросами народонаселения («сохранения и приращения подданных Российской империи» [Василенко, 2014]), однако больше аспектами внешних миграций (в современной трактовке), а не внутренних.

растущими масштабами перемещения населения из периферийных территорий в столичные центры, а также из сельской местности, малых и средних городов в крупные города, заставляют по-новому взглянуть на миграционную политику с учетом проблем внутренней миграции» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 222].

Интерес к миграциям со стороны отечественных ученых то усиливается, то ослабевает (в зависимости от обстоятельств), но само явление остается актуальным объектом исследований (как и постоянным предметом государственной политики). Поэтому мы продолжаем возвращаться к теме изучения миграций – с целью обсуждения методических вопросов и решения новых, только появившихся проблем. Кроме того, дополнительного осмысления требует исторический контекст изучения миграций в России, а также влияние на этот процесс институционально-организационной составляющей.

История изучения внутренней миграции в России

Л.Л. Рыбаковский выделил следующие периоды в истории изучения миграций в России: до-революционный, 1920–1930-е годы XX в., послевоенный, с начала 1990-х годов до наших дней [Рыбаковский, 2003]. Последующее изложение в целом придерживается этого разграничения. Однако дополнительно рассматривается этап 1930–1950-х годов как очень важный с точки зрения внутренних миграций в стране. Кроме того, в связи с продолжением развития миграционных процессов в России, современный период (по Л.Л. Рыбаковскому) продлен до 2020-х годов и разделен на две части: постсоветский (1991–2022) и современный, в том числе этап 2002–2014 гг. и с 2014 г. по настоящее время.

Можно заметить, что этапы изучения миграций не совсем совпадают с развитием самого явления. «Так, Е.А. Ионцева миграционные процессы XVII – начала XX в. разделила на три этапа: XVII в. – середина XVIII в., миграции эпохи правления Екатерины II, миграции XIX – начала XX в. Региональные исследования (Сибирь, Дальний Восток, Урал, Европейский север и т.д.) содержат собственную периодизацию, характерную для выбранной территории и временного периода» [Василенко, 2014]. Следует признать, что теоретическое и научное осмысление миграционного процесса в России (как, впрочем, и во всем мире) запаздывало по отношению к его динамике. Более того, им сначала интересовались совсем не ученые, а администраторы и управленцы-практики. Безусловно, это наложило свой отпечаток на ход изучения миграционных процессов и на миграционную политику, определив разрыв между теорией и практикой.

Дореволюционный период (до 1917 г.). Внутренние миграции в Российской империи (и ранее) представляли собой в основном переселенческое движение крестьян (стихийное и организованное) из центральных районов страны на Кавказ и Причерноморье, Сибирь и Дальний Восток, Среднюю Азию, которое активизировалось с начала XIX в. В этот период аграрная колонизация

являлась главным инструментом хозяйственного освоения территории. «Чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев... Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, дававшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики» [Савоскул, 2014, с. 29–30].

Например, переселением в Причерноморье и на Кубань выходцев из украинских губерний (казаков) в 1821–1826 гг. занимался специально созданный Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска под председательством его атамана. «В обязанности чиновников входило “объезжать порученные им селения и узнавать нужды переселенцев, какие они имеют и о болезнях их, в случае, где окажутся больные требовать медицинских чиновников для пользования и всеми мерами не допускать до смертности”... Кроме того, чиновники должны были строго следить за тем, чтобы переселенцы не испытывали недостатка в земельном обеспечении, привлекать “к трудолюбию и хозяйственным работам и отнюдь не допускать их до тунеядства”. Офицеров и казаков, живущих в подведомственных селениях и хуторах, необходимо было привлечь к пожертвованиям в пользу беднейших переселенцев» [Самовтор, 2008].

С 1840-х годов добровольным переселением крестьян занималось Министерство государственных имуществ, преобразованное в 1894 г. в Министерство земледелия, а в 1905 г. – в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗЗ)¹. Это ведомство стало главным государственным органом по вопросам крестьянской миграции; в его ведение было передано учрежденное в 1896 г. Переселенческое управление МВД. Кроме того, поощрением и организацией переселения в Сибирь занимался Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905) [Зубков, 2014; Ноздрин, 2024].

Научное изучение миграционных процессов началось во второй половине XIX в., когда накопился определенный фактический материал. «Основным источником информации по вопросам миграции служили так называемые переселенческие пункты, где скапливалась информация о мигрантах» [Самофалова, с. 80–81], а также непосредственные полевые наблюдения, которые принимали различные исследователи.

«По мнению Л.Л. Рыбаковского, первоначально миграции населения оказались в центре внимания географов и статистиков, а после этого – демографов и социологов²... Проблемы коло-

¹ С 1915 по 1917 гг. – Министерство земледелия.

² Примерами могут служить: Анучин Д.Н. (1843–1923, первый в России профессор географии) «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» (Тобольск, 1866); Григорьев В.Н. (1852–1925, один из известных специалистов, работавший в системе губернской статистики) «Программа для исследования переселенческого движения на местах выхо-

низации и переселений ... исследовались в органической связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами. Значительное количество работ было посвящено отхожим промыслам крестьян, что обусловлено отменой крепостного права и началом стадии активной урбанизации в России» [Савоскул, 2014, с. 29–30].

В конце XIX – начале XX в. стали появляться работы, обобщающие опыт организации переселенческого движения. В них анализировались причины переселения и приживаемость новоселов, а также обсуждались вопросы управления. Одной из первых стала работа А.А. Исаева (1851–1924)¹ «Переселения в русском народном хозяйстве» (1891), в которой среди прочего рассматривались «причины выезда русских крестьян из центральных губерний в Сибирь, социально-экономический состав переселенцев, условия жизни в пути, их взаимоотношения с местным населением, образ жизни и отношение к труду приезжих и старожилов» [Кравченко, 2010].

В 1905 г. выходит монография А.А. Кауфмана (1864–1919)² «Переселение и колонизация» (Санкт-Петербург), объединяющая «основные отечественные изыскания по этому поводу» [Самофалова, с. 80–81]. В частности, «А.А. Кауфман предлагал правильный, с его точки зрения, набор необходимых качеств переселенца для успешной колонизации». Также он считал, что колонизация «являлась одним из важнейших способов развития человечества, и с ее помощью распространялась культура из одних частей света в другие (тогда как А.А. Исаев был сторонником государственного управления колонизационным делом)» [Долгов, 2015, с. 29]. Наконец, появляются работы И.Л. Ямзина (1882–1934)³: «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян» (Киев, 1912) и «Переселенческая статистика и хозяйственное положение переселенцев по ис-

да переселенцев» (Москва, 1884), «Переселение крестьян Рязанской губернии» (Москва, 1885); Гурвич И.А. (1860–1924, экономист и публицист, социал-демократ, в 1881–1885 гг. находился в ссылке в Сибири, в 1889 г. эмигрировал из России и жил в США) «Переселение крестьян в Сибирь» (Москва, 1888) и др. [Савоскул, 2014, с. 29–30; Григорьев Василий Николаевич, 2024; Гурвич Исаак Аронович, 2024].

¹ Один из крупнейших российских экономистов и социологов, имевший опыт работы статистиком в Московском губернском земстве и стажировавшийся в Германии; преподаватель Санкт-Петербургского университета; инициатор создания Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам в 1890 г. Являлся сторонником кооперативного социализма, идеи которого до и после революции защищали два других отечественных ученых – М. Туган-Барановский и А. Чаянов. Статистическими данными и выводами А.А. Исаева многократно пользовался В.И. Ленин [Кравченко, 2010].

² Экономист, «статистик-теоретик с европейским именем», «автор работ по вопросам землепользования и землеустройства в Сибири, аграрным общинам и переселенческим вопросам». Один из организаторов и лидеров конституционно-демократической партии (кадетов). После завершения образования в 1887 г. работал в Министерстве государственных имуществ (по направлению поземельного обустройства и переселенческому делу в Сибири), в 1905 г. «составил подробный проект закона о дополнительном наделении» крестьян землей, который, однако, не был официально поддержан. Не желая «при создавшихся условиях продолжать службу», в 1906 г. вышел в отставку и занимался «подготовкой проекта новой аграрной реформы» уже в партии кадетов. После 1907 г. полностью переключился на преподавательскую и научную деятельность [Дэн, 1919; Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16].

³ Экономист, научная деятельность которого в значительной была «посвящена изучению вопросов внутренней колонизации и переселений» в России. Окончил Киевский университет (1912), участвовал в революционном движении. В 1913–1922 гг. преподавал в вузах Воронежа. В 1922–1926 гг. был заместителем директора Государственного НИИ землеустройства и переселений, затем работал в центральных плановых органах СССР [Ямзин, 2024].

следованию Переселенческого управления» (1913), в которых анализируются «миграционные процессы за период с момента освобождения крестьян до 1912 г.» [Беляева, 2023].

«В самом общем виде все подходы к переселенческой политике в Сибири и на Дальнем Востоке Российской империи условно разделяются на концепции, относящиеся, во-первых, к выбору районов выхода переселенцев, во-вторых, к подбору состава переселенцев и, в-третьих, к стимулированию переселений» [Воробьева, Рыбаковский Л., Рыбаковский О., 2016, с. 187]. «Теоретические исследования сводились к изучению особенностей процесса колонизации в Российской империи и в колониальных странах Западной Европы» [Долгов, 2015, с. 30]. «Мнения ученых, занимавшихся данным вопросом, в целом сводились к следующим принципам: а) колонизация – это позитивный опыт на этапах развития человечества, позволяющий развивать сельское хозяйство и наращивать военную мощь страны; б) возможное переселение ... должно происходить поэтапно, желательно в близлежащие районы или необжитые места; в) благотворительные меры для стимулирования миграции пагубны, так как это способствует миграции более слабого, экономически незащищенного населения» [Самофалова, с. 80–81].

Как отмечается, «выработанные научно обоснованные концептуальные подходы к политике переселения позволили выстроить систему экономических и административных мер и инструментов их применения, ... достигнуть главной цели переселенческой политики: увеличить численность и плотность населения, ввести в хозяйственный оборот природные ресурсы [новых] регионов, создать экономический потенциал для их дальнейшего развития» [Воробьева, Рыбаковский Л., Рыбаковский О., 2016, с. 187].

Анализируя историю крестьянской миграции, современный отечественный историк И.В. Зубков приводит следующие данные. «Всего в 1861–1917 гг. за Урал проследовало (без учета вернувшихся обратно) около 5,3 млн человек. Благодаря этому численность населения Сибири в 1897–1916 г. удвоилась (рост с 5,8 до 11 млн человек). В 1908 г. переселенческий поток в Сибирь достиг максимума в истории страны – 665 тыс. человек. ... Они получили и освоили около 33 млн га земли, их наделы на родине были куплены односельчанами. Не смогли устроиться на новом месте и вернулись обратно около 17 % переселенцев, главным образом “самовольных”. С началом Первой мировой войны переселенчество резко сократилось (в 1913 за Урал переселились 337 тыс. человек, в 1914 – 232 тыс. человек, в 1915 – 15 тыс. человек и в 1916 – 2,6 тыс. человек) и полностью прекратилось в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.» [Зубков, 2014].

Советский период. В течение этого периода в России / СССР происходили серьезные трансформации внутренней миграции населения, а также ее институциональных условий. Менялись и подходы к изучению миграций, хотя процесс этот был не очень быстрым и даже драматичным:

а) довоенный этап (1920-х – начало 1930-х гг.). В конце Гражданской войны снова началась интенсивная (стихийная) миграция населения из центра страны, в том числе на восток (в связи с

разразившимся в 1921 г. голодом). Однако сначала сил и средств контролировать этот процесс у новой власти не хватало. Тем не менее, стало возобновляться и организованное переселение крестьян. Первоначально Совет Народных Комиссаров (СНК) возложил руководство переселенческими мероприятиями на учреждения, созданные в регионах в период функционирования Временного правительства. «Контроль над их деятельностью осуществляло Переселенческое управление, которое было преобразовано в один из отделов Наркомата земледелия¹». Уже «в 1924 г., на III съезде Советов, было принято решение о переселении “избыточного” крестьянского населения из наиболее малоземельных районов на восточные окраины. ... 17 октября 1924 г., впервые при советской власти, были сформулированы основные положения и намечены главнейшие задачи колонизации и переселения, создана первая региональная переселенческая организация — Поволжская колонизационная экспедиция. ... в 1925 г. ... в стране было вновь открыто массовое плановое переселение. Руководство переселением возлагалось на вновь созданный Центральный колонизационный комитет (1924), преобразованный в 1925 г. во Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК СССР) при ЦИК СССР. На местах бывшие отделы Переселенческого управления были трансформированы в районные управления» [Занданова, 2007]. «... в связи с необходимостью укрепления восточных границ и освоения богатых природных ресурсов снова были предприняты попытки направить миграционные потоки на Дальний Восток. Во второй половине 1920-х гг. на данную территорию мигрировали 147,3 тыс. чел. (1/3 общего числа внутрироссийской миграции того времени)» [Логонова, Понукалина, 2015, с. 224].

В 1930 г. Всесоюзный переселенческий комитет был упразднен, и его опять заменил переселенческий сектор Наркомата земледелия СССР (похожие функции выполняли и другие его подразделения, в том числе зерновое и хлопковое управления). С 1931 г. был также введен «организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства, в том числе на восточные территории страны» [Беляева, 2023, с. 22], который осуществлялся различными министерствами и ведомствами.

В целях развития научного сопровождения переселения «в 1922 г. был создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (Госколонит), преобразованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения. Институт провел ряд исследований в Сибири, на Урале, других районах. Но просуществовал он недолго – всего 8 лет, и был расформирован в 1930 г.» [Беляева, 2023, с. 22; Суворова, Филимонов, 2020]. «По мнению Л.Л. Рыбаковского, в этот период еще продолжают традиции изучения ми-

¹ Входил в структуру Совета Народных Комиссаров (СНК) – первого советского правительства, утвержденного на II Всероссийском съезде Советов в ноябре 1917 г.

грации населения, заложенные в дореволюционное время, что отчасти связано с продолжающимся переселенческим движением» [Савоскул, 2014, с. 30].

Вместе с тем статистические «исследования 1920-х годов обнаружили новые тенденции в миграционных процессах – большой приток населения в города и рост числа городов на востоке страны» [Беляева, 2023, с. 22]. «Знаковой работой данного периода по миграции стало пособие для вузов И.Л. Ямзина и В.П. Воцинина (1926), в которой авторы рассматривали» не только организацию «переселения из малоземельных регионов в многоземельные», но и «приток сельского населения в города» [Долгов, 2015, с. 30]. Как и труд А.А. Кауфмана, это пособие носило «не столько научно-фундаментальный характер, сколько прикладной», но уже имело «принципиальное отличие в целеполагании – в первом случае, это решение аграрного вопроса, во втором, проведение индустриализации» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16].

В эти же годы проблемами миграции начинают интересоваться Л.Е. Минц (1893–1979)¹ и С.Г. Струмилин (1877–1974)² в контексте составления балансов трудовых ресурсов: «перераспределения трудовых ресурсов между городом и селом и между отраслями народного хозяйства». В частности, С.Г. Струмилин анализировал «экономические причины и последствия миграции – ее связь с уровнем цен, оплатой труда, емкостью потребительского рынка» [Беляева, 2023, с. 22; Савоскул, 2014, с. 30; Долгов, 2015, с. 30].

Таким образом, в данный период при интенсификации миграционного движения населения в стране происходили резкие преобразования системы его государственного регулирования³, а также «скачки» масштабов миграций. Согласно переписи населения 1926 г., «в территориальных перемещениях принял участие каждый четвертый житель России». По данным исследования В.М. Моисеенко, максимальный миграционный прирост в городах СССР в 1928–1935 гг. приходился на 1931 г. (4 100 тыс. человек), а минимальный – на 1933 г. (772 тыс. человек) [Беляева, 2023, с. 22]. По мере развития новых форм / направлений миграции населения появляются и новые аспекты ее изучения, связанные с урбанизацией и планированием размещения производительных

¹ Видный советский ученый – экономист и статистик, д-р экон. наук. В 1920–1930 гг. работал на посту заведующего Отделом статистики труда Народного комиссариата труда СССР, являлся членом Статплана СССР (1929–1930). В этот период были опубликованы его известные работы в области статистики труда и баланса трудовых ресурсов, в том числе «Отход крестьянского населения на заработки» (1926) и «Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР» (1929). В 1930-е годы Л.Е. Минц был репрессирован и реабилитирован в 1950-е годы. В 1959–1962 гг. он возглавлял Лабораторию экономико-математических методов Совета по изучению производительных сил АН СССР, а с 1963 г. и до последних дней жизни работал заведующим лабораторией и старшим научным сотрудником в ЦЭМИ АН СССР [115 лет ... , 2008].

² Ведущий советский экономист, статистик и демограф, академик, руководитель разработки первой в мире системы материальных балансов и один из авторов пятилетних планов индустриализации СССР. Участник революционного движения. В 1930-е годы был заместителем председателя Госплана СССР; в 1932–1934 гг. – заместителем начальника ЦУНХУ (ныне – Росстат); в 1931–1957 гг. – членом и заместителем председателя Совета по изучению производительных сил страны АН СССР [Станислав Густавович Струмилин, 2004].

³ В 1933 г. в СССР была введена единая паспортная система и обязательная прописка по месту жительства для жителей городов, рабочих поселков и новостроек, а также работников совхозов. Колхозники и крестьяне-единоличники паспортов не имели и не могли переезжать в город без разрешения.

сил. Но, несмотря на произошедшие изменения, «на концептуальном уровне, по сравнению с прошлым этапом, ничего нового разработано не было» [Долгов, 2015, с. 30]. Возможно, для этого не хватило фактического материала и времени на его осмысление.

Кроме того, сыграли свою роль и идеологические ограничения, накладывавшиеся советской властью: «возникает тенденция к замкнутости русскоязычных ученых от ученых буржуазного мира... Пытаясь найти ответы на волнующие государство экономические и социальные вопросы, каждый из исследователей замыкается на поставленной ему задаче. В итоге замкнутость на поставленных задачах, в сочетании с небольшими объемами данных о перемещениях не позволяет авторам ввести в научную дискуссию фундаментальные обобщения о миграции, выделять и формулировать миграционные законы (как Э. Равенштайн или С. Стаффер), то есть делать то, что делали классики англоязычной традиции изучения миграционных исследований... Вместе с тем преобразования, вызванные революцией 1917 г., положили конец надеждам на возможную преемственность между дореволюционной и советской традицией изучения миграции. Настроенным на форсированную индустриализацию советским исследователям стала неинтересна аграрная тематика, доминировавшая в исследованиях дореволюционных ученых. Исследования этих двух эпох русского мира не совместимы, так как направлены на выполнение двух принципиально разных прикладных социальных заказов (аграрный вопрос и индустриализация). В результате сложившихся обстоятельств русскоязычная школа изучения миграций так и не состоялась» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 16–17, 20].

б) *этап 1930–1950-х гг.*, считается временем «полного забвения и коллапса миграционной науки» в России / СССР [Савоскул, 2014, с. 30]. Вместе с тем это был период самых массовых и разнообразных миграций в истории страны.

Так, в конце 1920-х годов «организованное добровольное переселение крестьянства» (в прежнем понимании) было прекращено. «Плановое [добровольное] организованное переселение в 1930–1933 гг. осуществлялось только в виде переселения красноармейцев и их семей в восточные районы ... Переселенцев-красноармейцев направляли в основном на Дальний Восток, но небольшую их часть приняли также в ряде районов Алтайского края, Средней Азии, Кубани и Восточной Сибири ... Руководила всеми мероприятиями (до 1931 г.) созданная при Далькрайисполкоме комиссия по переселению. В последующем руководство красноармейским переселением находилось в ведении сектора красноармейских колхозов при Колхозсоюзе¹, а строительство, связанное с переселением, курировал Дальстрой (в составе Главного управления лагерей НКВД СССР – ГУЛАГа)» [Занданова, 2007, с. 32].

¹ Другие названия – Колхозцентр, Всесоюзный союз сельскохозяйственных коллективов СССР.

Одновременно в стране растут масштабы насильственного переселения. В частности, «в период проведения массовой коллективизации переселенческие органы [на местах] стали частью репрессивной системы – они были привлечены к принудительному выселению кулацких семей» [Занданова, 2007, с. 32], которое проводило ОГПУ. Кроме того, с 1936 г. «существовал Переселенческий отдел при ГУЛАГе, на который возлагалась задача по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также в других главных стройках Советского Союза» [Сон, 2017]. Эта структура осуществляла «перемещение огромной армии бесплатной рабочей силы в Сибирь и на Дальний Восток» [Занданова, 2007, с. 34], а также в другие слабозаселенные районы страны.

«Новый этап переселения крестьянства начался в середине 1930-х гг. в связи с интенсивной индустриализацией Сибири и оттоком сельского населения в города. По ходатайству Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в 1935 г. было вновь открыто плановое переселение колхозников из малоземельных районов Центральной России в восточно-сибирские районы ... В 1936 г. взамен ранее существовавших структур была создана единая общесоюзная организация – Переселенческое управление при СНК СССР ... Деятельность ... в основном была направлена на переселение целых колхозов и отдельных семей колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные, в том числе и с земель, используемых под строительство промышленных предприятий, железнодорожных магистралей, гидростанций и т.д.» [Занданова, 2007, с. 33–34].

Специалисты отмечают, что «советская миграционная политика была преемницей дореволюционной системы, часто осуществляла регулирование миграционных потоков репрессивными методами» [Беляева, 2023, с. 16]. Вместе с тем, в 1930-е годы аграрное перенаселение страны было ликвидировано (благодаря высоким темпам индустриализации и урбанизации). «Миграция стала оцениваться как важный фактор размещения производительных сил» [Долгов, 2015, с. 30].

Начало Великой Отечественной войны в 1941 г. вызвало новый гигантский поток внутренних мигрантов (беженцев и эвакуированных). «3 июля 1941 г. был создан Совет по эвакуации, в связи с этим Переселенческое управление было преобразовано в Управление по эвакуации населения. В январе 1942 г. оно было ликвидировано, а для осуществления указанных задач был создан Отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения с переселенческим сектором. Благодаря этой деятельности в 1941–1945 гг. ... 148 237 семей плановых переселенцев из 37 западных областей были приняты в тыловых районах. Всего в годы войны удалось вывезти и разместить в восточных районах около 8 млн жителей из оккупированных и прифронтовых территорий¹. Одновременно в 1944–1945 гг. Отдел по хозяйственному устройству

¹ В данном случае не рассматриваются и не учитываются насильственные этнические переселения (депортации) 11 народов (корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, осетины, ингуши, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы).

эвакуированного населения был привлечен к приему и размещению репатриированных советских граждан, интернированию на родину граждан польской национальности и ингерманландского происхождения... В сентябре 1945 г. он был преобразован в самостоятельное Переселенческое управление при правительстве (Совете Министров) РСФСР. На него было возложено переселение колхозников малоземельных областей в многоземельные (т.н. межобластное), переселение внутри областей, а также переселения по особым распоряжениям правительства (репатриация и реэвакуации советских граждан)» [Занданова, 2007, с. 36–37]. В частности, в 1946–1947 гг. управление организовывало заселение Саратовской, Крымской, Южно-Сахалинской и Калининградской областей.

В 1950-е годы Переселенческое управление несколько раз реорганизовывалось и переименовалось, но наиболее значительным было преобразование 1956 г., когда Главное переселенческое управление и Главное управление организованного набора рабочих были объединены в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР [Занданова, 2007, с. 37–41]. Такая реорганизация была связана в том числе с последним крупным направлением в истории организованного переселенческого движения в России / СССР – массовым освоением целинных и залежных земель в Сибири и Казахстане в 1954–1965 гг. Определенные «меры по оказанию содействия целинникам, в том числе льготы для переселенцев», а также «патриотический подъем, охвативший значительную часть населения страны в этот период, способствовал тому, что в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан прибыло сверхплановое число новоселов... Основной заботой переселенческих органов стало создание новоселам в короткие сроки нормальных жилищно-бытовых условий и строительство жилья» [Занданова, 2007, с. 41].

Несмотря на такие масштабные и разнообразные внутренние миграционные процессы в стране, «1930–1950-е гг. характеризуются резким снижением внимания [отечественных] ученых к миграционной тематике» [Савоскул, 2014, с. 30]. И тому есть ряд причин. К их числу относится, как уже отмечалось, вынужденный отказ от дореволюционного наследия (из-за различного целеполагания) и обособление от зарубежных исследований (по идеологическим причинам). Во-вторых, существовала проблема с фактическим материалом из-за разгрома отечественной статистики после переписи населения 1935 г., а также засекреченности многих данных.

Наконец, понятийный аппарат и концепции колонизации / переселенчества не соответствовали «базовым» постулатам марксизма-ленинизма, в том числе идеям интернационализма и поддержки национально-освободительного движения за рубежом (особенно в колониях), подъему и развитию национальных окраин внутри страны. Этот теоретический диссонанс необходимо было преодолеть, предложив другие подходы, не противоречащие советской идеологии и не «подпитывающие» местный национализм. Неслучайно, что параллельно обширной практике по организации переселений в это время «шли теоретические споры по поводу определения ключевых понятий: “миграция”, “переселение”, “факторы миграции” и т.д.» [Самофалова, 2019, с. 81; Суворова,

Филимонов, 2020]. Уже в конце 1940-х годов «появляются исследования миграции населения географа В.В. Покшишевского (1905–1984), заложившего многие традиции изучения миграции населения в [современной отечественной] географической науке». Именно В.В. Покшишевский¹ ввел в оборот и стал активно применять термин «миграция населения» вместо распространенного ранее понятия «переселение» [Савоскул, 2014, с. 30].

Преодоление перечисленных выше проблем обеспечило последующий ренессанс миграционных исследований в России. Однако нельзя не обратить внимания на следующий факт. Хотя научные исследования внутренних миграций в 1930–1950-е годы практически не велись, а ссылаться на прежние авторитеты было небезопасно², но оставались те, кто у них учился (многие дореволюционные специалисты в области переселения активно занимались преподавательской деятельностью). Более того, сами «переселенческие органы трансформировались из одного в другой, сохраняя при этом преемственность традиций» [Занданова, 2007, с. 44]. Поэтому остается открытым вопрос – влияли ли идеи (теоретические подходы) предшественников на организацию переселений в этот период?

в) *послевоенный этап* (конец 1960-х и до начала 1990-х годов). «К середине 1960-х годов, с завершением этапа массового освоения целинных и залежных земель, резко сократились и масштабы [организованных] переселений. В связи со сложившейся ситуацией постановлением Совета Министров РСФСР от 11 февраля 1967 г. “О мерах по улучшению использования трудовых ресурсов” Главное управление переселения и организованного набора рабочих было упразднено. В дальнейшем вопросами, связанными с переселением, ведал соответствующий отдел Государственного комитета по труду» [Занданова, 2007, с. 43].

Тем не менее организованные наборы рабочих на заводы и стройки в разных регионах страны продолжались. Примером могут служить комсомольские «строительные десанты» на Байкало-Амурской магистрали в 1974–1984 гг., которая была объявлена Всесоюзной комсомольской ударной стройкой³ [Байкалов, 2022, с. 106–112; От мечты до стройки ... , 2024]. Одновременно получило распространение такое явление, как «лимитчики» – иногородние работники предприятий, проживающие в специальных общежитиях (например, данная категория была широко представлена в г. Москве). Но гораздо большее значение имело разрешение выдавать паспорта всем гражданам СССР (с 16-ти лет), включая сельских жителей и колхозников, принятое в 1974 г. (согласно

¹ В 1949 г. защитил докторскую диссертацию на тему «География миграций населения в СССР».

² «Часть экспертов [сотрудников Госколонита с богатым практическим опытом, знанием разнообразных региональных колонизационных программ и сильной научной подготовкой] расстреляют в 1930-е годы (В.Р. Берг, В.В. Барышевцев, Н.В. Билевич, В.Ч. Дорогостайский, Н.Е. Ишмаев и др.), часть – арестуют и отправят в ссылку (М.И. Альтшуллер, В.П. Воцинин, Н.П. Огановский, А.М. Ярмош)» [Суворова, Филимонов, 2020, с. 47], с последующей реабилитацией в 1950-х годах.

³ Одновременно при прокладке путей широко использовался труд заключенных и военно-строительных формирований.

постановлению Совета Министров СССР от 28.08.1974 № 677). В результате в стране начала развиваться стихийная внутренняя миграция населения, величина которой быстро превысила масштабы организованных перемещений.

Также «с 1960-х годов начала восстанавливаться прерванная традиция изучения проблем миграций населения [в т.ч. в восточные регионы страны]» [Беляева, 2023, с. 24]. Этому способствовало появление доступных статистических данных (особенно материалов переписи населения 1956 г., а потом и 1970 г.) и открывшиеся возможности для отечественных специалистов знакомиться с работами иностранных ученых (хотя и ограниченные).

В 1957 г. было создано Сибирское отделение АН СССР (СО АН СССР), в котором возникла научная школа изучения миграций социологического уклона. «Основным направлением работы школы было развитие теории миграции и ее социологическое изучение. Исследования проводились преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. Лидер школы В.И. Переведенцев опубликовал в 1965 г. монографию “Современная миграция населения Западной Сибири”, в которой рассматривается история заселения Западной Сибири выходцами из различных районов России» [Беляева, 2023, с. 24]. Вторым стал московский центр миграционных исследований. Изучением внутренних миграций занимались, прежде всего, на географическом (в контексте рационального размещения населения и процесса урбанизации) и экономическом (в рамках демографического подхода¹) факультетах МГУ им. Ломоносова, а также в Институте социологии РАН (организован в 1968 г.).

Тема миграции постепенно выходит из «подчиненного» состояния и обретает свою «самостоятельность» в научных работах. Период 1970–1980-х годов можно считать наиболее продуктивным с точки зрения изучения внутренних миграций в СССР, ознаменовавшимся целым «шквалом работ» [Рыбаковский, 2017, с. 102]. «Это время активизации и появления различных направлений в исследовании миграций населения. Значительная часть работ посвящена основным тенденциям в миграционном поведении населения, в том числе безвозвратным миграциям, методам анализа миграционной подвижности, вопросам методологии и классификации миграций. Фокус работ в этот период направлен на межрегиональные внутренние миграции населения СССР, на анализ миграции село–город в условиях активной урбанизации. Отдельной немаловажной темой стала проблематика приживаемости новоселов в регионах нового освоения и решение кадровых проблем в связи с оттоком населения из сельской местности. Именно в этот период появляются работы, посвященные анализу маятниковых миграций» [Савоскул, 2014, с. 30]. «Большое количество работ было посвящено миграционной политике в СССР. Исследуются такие ранее не изучае-

¹ Прежде всего, в Центре по изучению проблем народонаселения под руководством д-ра экон. наук, проф. Д.И. Валентя (1922–1994).

мые проблемы, как миграция молодежи и пожилых людей, а также брачная и учебная, ... влияние на качественный и количественный состав населения, на рост столичных городов союзных республик; взаимосвязь с жилищными условиями и уровнем жизни» [Долгов, 2015, с. 30–31]. Вопросами миграций занимаются Т.И. Заславская и Ж.А. Зайончковская, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек, А.В. Топилин, Л.Л. Рыбаковский, В.И. Моисеенко, О.В. Воробьева и многие другие ученые [Рыбаковский, 2017, с. 102; Самофалова, 2019, с. 82].

Помимо интенсивных эмпирических исследований начинаются теоретические изыскания в данном направлении. «Одни [ученые] непосредственно занимались разработкой теоретических и методологических вопросов. Например, И.С. Матлин рассмотрел возможность математического моделирования миграции, а Л.Л. Рыбаковский предложил стандартизированные по двум основаниям (относительно районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМС). Другие пытались теоретически интерпретировать региональный эмпирический материал, например В.И. Переведенцев» [Долгов, 2015, с. 30–31].

Вкладом советских ученых в развитие теории миграции можно считать «1) создание нового подхода к изучению миграционных проблем, получившего название проблемного; 2) развитие теории трехстадийности миграционного процесса; 3) развитие теории миграционного поведения» [Долгов, 2015, с. 30–31]. Более того, в конце 1980-х годов была предпринята попытка создания миграциологии¹ – «научного направления, изучающего миграционное движение населения во всем многообразии его видов и форм, наиболее полно воплощающее в себе необходимость комплексного подхода к его изучению». В 1987 г. на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова читался специальный курс «Миграциология», а в 1989 г. в издательстве МГУ было выпущено соответствующее учебное пособие (авторы М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев) [Ионцев, 1999, с. 72]. Однако дальнейшие события не позволили развиваться этому направлению, несмотря на наличие сторонников и последователей (см., например: [Кирсанов, Волох, Очиров, 2012]).

Постсоветский период (1991–2002) стал временем резкой смены тематики и характера миграционных исследований, произошедшей вслед за кардинальными переменами в жизни страны.

Во-первых, началась активная внешняя миграция населения, причем как эмиграция (традиционная для России), так и иммиграция (совершенно новое для страны явление), которая быстро превратилась в доминирующее направление миграционных потоков. Во-вторых, «после распада СССР в конце 1991 г. на постсоветском пространстве миграция приобрела вынужденный характер и ярко выраженную этническую окраску. Стали развиваться новые ее виды: [внешняя] трудовая, коммерческая (или “челночная”), нелегальная, вынужденная и др.» [Савоскул, 2014, с. 31]. В-третьих, «в постсоветских условиях количество внутренних мигрантов резко сократилось [по сравне-

¹ Термин предложен д-ром геогр. наук, проф. Б.С. Хоревым (1932–2003).

нию с высоким уровнем внутренней миграции на протяжении всего советского периода вплоть до конца 1980-х гг.]. Так, по оценке Н.В. Мкртчяна, в среднем за 2000-е гг. ... во внутренней миграции ежегодно участвовали примерно 2 млн россиян. Это свидетельствует об относительно невысоком уровне миграционной мобильности по сравнению с советским периодом, когда число внутренних мигрантов составляло около 5 млн. Эксперты объясняют это [в том числе] недостатками статистического учета внутренней миграции, а также ростом временных форм внутренней миграции (без смены места жительства), замещающих постоянную форму миграции (со сменой места жительства)» [Логонова, Понукалина, 2015, с. 224].

Для решения возникших проблем переселенцев и беженцев из «горячих точек», а также регулирования притока внешних трудовых мигрантов был создан ряд государственных структур, в том числе Федеральная миграционная служба России (в 1992 г.)¹ – на базе Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения РФ. Одновременно значительно увеличился объем доступной статистической и научной информации по миграционной тематике за счет рассекречивания отечественных архивных материалов и открывшегося широкого доступа к зарубежным источникам. Кроме того, имело значение присоединение России к деятельности соответствующих международных организаций, в том числе Международной организации по миграции и Международной организации труда.

«Исследователи миграции населения быстро отреагировали на данные перемены» [Долгов, 2015, с. 31]. По словам Ж.А. Зайончковской, в 1990-е годы «произошел перелом в направлениях исследований ... Он затронул весь исследовательский комплекс, включая тематику исследований, актуальные акценты, методы исследований и территориальный охват, а также почти полностью привел к смене авторов. Только отдельные авторы являются носителями преемственности в миграционной сфере знаний и этот мостик преемственности очень узок и хрупок» [Методология и методы изучения ... , 2007, с. 12].

На фоне резкого роста миграционных потоков и повышения их разнообразия миграционной проблематикой стали заниматься многие научно-исследовательские организации экономического, юридического и исторического профиля (а не только географического, демографического и социологического): Институт народнохозяйственного прогнозирования, Институт социально-политических исследований, Институт экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Институт российской истории, Институт этнологии и антропологии и др., – а также исследовательские группы в рамках некоммерческих (общественных) организаций (НКО)². На-

¹ В 2016 г. упразднена, а ее функции переданы в Главное управление по вопросам миграции МВД РФ.

² В частности, исследование миграций поддерживали Фонд Макартуров (действовал в России с 1991 по 2015 г., когда его благотворительность была признана «нежелательной на территории РФ»), Фонд Форда (действовал в России с 1996 по 2015 г.) и Московский центр Карнеги (действовал в России с 1994 по 2022 г., был признан иноагентом).

пример, в 1997 г. в Москве были созданы Центр изучения вынужденной миграции в СНГ¹ (в 2003 г. преобразован в Центр изучения миграций) и Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии².

«Для этого этапа самыми популярными в изучении миграции населения становятся следующие темы: вынужденная миграция на постсоветском пространстве (Г.С. Витковская, Е.И. Филиппова), миграция русскоязычного населения (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская), эмиграция (В.В. Степанов, Р.А. Варданян, В.Д. Войнова), принудительные миграции (П.М. Полян, В.Н. Земсков), “утечка умов” (И.Г. Ушкалов)» [Савоскул, 2014, с. 31], историческая демография и движение населения (В.М. Кабузан), сельская и городская миграция (Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский и др.). При этом отечественные специалисты активно знакомятся и осваивают западные концепции миграций, так как теперь Россия участвует в международном миграционном движении наравне с другими развитыми странами (сблизившись с ними по проблематике). В связи с этим следует отметить работу В.А. Ионцева «Международная миграция населения: теория и история изучения» (1999), в которой была приведена классификация 17-ти научных подходов к изучению миграции населения в мире [Ионцев, 1999, с. 106–133].

Вместе с тем «происходит сокращение числа работ по маятниковым миграциям, практически не затрагиваются теоретические и методические вопросы изучения миграций населения» [Савоскул, 2014, с. 31]. Крайне мало в 1990-е годы было работ по миграции населения в региональном разрезе [Долгов, 2015, с. 31].

Таким образом, в данный период снова произошел определенный разрыв отечественных исследователей миграций с их предшественниками – как в плане эмпирического материала, так и теоретических подходов, прежде всего из-за очередного изменения предмета изучения и институциональных преобразований. Одновременно проблематика изучения миграций в России стала во многом совпадать с направлениями их исследования в других странах мира, а отечественные специалисты вошли в мировой дискурс по миграционным вопросам.

Современный период изучения миграций в России

«В 2000-х гг. исследования миграции населения начали новый виток развития» [Долгов, 2015, с. 33]. Продолжая периодизацию Л.Л. Рыбаковского, здесь можно выделить следующие два этапа, границы которых определяет изменение миграционных потоков.

¹ «У истоков деятельности Центра стоял д-р Артур Хелтон, директор Программ по вынужденной миграции Института “Открытое общество”, безвременно погибший при взрыве здания ООН в Багдаде в августе 2003 г.» [История создания, 2024].

² «Создан по инициативе Лаборатории миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, чтобы предотвратить деградацию миграционного научного сообщества после распада СССР» [История создания, 2024].

а) 2002 г. – 2014 гг. В России «... четко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны, прежде всего в регионы с развитой социальной сферой, наличием хорошо оплачиваемых рабочих мест, благоприятными климатическими условиями...» [Беляева, 2023, с. 14]. Кроме того, «в 2000-х гг. произошло сокращение стрессовых миграций, связанных с распадом СССР. Основной мигрантский поток в Россию составили трудовые мигранты» [Долгов, 2015, с. 32].

Наконец, «в 2011 г. произошли изменения в порядке учета миграции. Росстат стал учитывать не только тех, кто зарегистрировался по месту пребывания на срок более 1 года, но и на срок 9 месяцев и более. В результате масштабы межрегиональной миграции в России резко выросли. Так, если в 2010 г. (до изменений в порядке учета миграции) численность населения, выехавшего за пределы своего субъекта в поисках работы, достигла 1,8 млн человек (2,6% от общей численности занятого населения в стране), то в 2011 г. количество внутрироссийских миграций уже составило 3,1 млн человек. По данным статистики, в 2014 г. число внутренних мигрантов в пределах страны составило 4,1 млн человек, в т.ч. 3,0 млн — это граждане трудоспособного возраста. Межрегиональные миграционные потоки распределяются в пользу наиболее динамично развивающихся федеральных округов» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 224].

Важным событием стало принятие в 2012 г. первой Концепции миграционной политики РФ на период до 2025 г., в которой были определены цели государственной миграционной политики (в том числе обеспечение национальной безопасности, стабилизация и увеличение численности постоянного населения страны, содействие удовлетворению потребности экономики в рабочей силе), а также ряд основных понятий (временная и постоянная миграция; трудовая, образовательная и академическая миграция и т.д.) [Концепция ... , 2012; Силантьев, 2020, с. 146–147].

В 2007 г. создается Институт демографии (ИДЭМ)¹ в НИУ-ВШЭ, и в него переходит Центр демографии и экологии человека (создан в 1988 г. в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН). В результате ИДЭМ быстро превращается в один из крупнейших центров изучения миграций в России. Исследования по миграционной проблематике традиционно продолжают в других отечественных вузах (в том числе в МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ и др.) и академических институтах. Причем круг научных дисциплин, в которых начинают изучаться вопросы, связанные с миграциями населения, резко расширяется (к исследованиям присоединяются политологи, культурологи, педагоги, психологи, генетики и т.д.).

Для данного этапа «характерна очередная смена тематики исследований и рост разнообразия используемых методов. Преобладающими темами в исследованиях стали внешние трудовые миграции (Ю.Ф. Флоринская, Ж.А. Зайончковская), внутренние трудовые миграции (Ю.М. Плюс-

¹ В 2021 г. присвоено имя А.Г. Вишневого (1935–2021).

нин), этнические миграции (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, В.С. Белозеров), адаптация трудовых мигрантов в России (В.Н. Петров), миграционная политика в мире и России (В.И. Мукомель, И.В. Ивахнюк), гендерные аспекты миграции (Е.В. Тюрюканова). Также появляются работы по обобщению теорий миграции в России и мире (Т.Н. Юдина, М.С. Блинова). Увеличивается число работ по миграциям населения в зарубежных странах (С.В. Рязанцев)» [Савоскул, 2014, с. 31], включая «анализ расселения мигрантов на внутригородском уровне» [Карачурина, Мкртчян, Савоскул, 2022].

«В 2000-е гг. исследователи миграции уже более основательно продолжили изучение наметившихся в прошлое десятилетие разнообразных проблем. Появились качественные региональные исследования. Большое количество публикаций концентрируется на правовом регулировании миграции населения. По сравнению с прошлым десятилетием увеличилось количество теоретических исследований. В.И. Мукомель рассмотрел теоретические и практические аспекты интеграции мигрантов в новое общество. В.М. Моисеенко критически оценивает недостатки методик учета миграции в различных ведомствах России. Во многих исследованиях рассматриваются вопросы методологии и методики анализа разных видов миграции» [Долгов, 2015, с. 32]. Нельзя не отметить также вышедшие в этот период работы по истории изучения миграций в России / СССР В.М. Моисеенко и Л.Л. Рыбаковского, направление исследований которых в дальнейшем продолжили М.С. Савоскул, Н.В. Мкртчян, П.П. Лисицын, П.В. Василенко, Л.А. Беляева и др.

Основными подходами к изучению миграций в России становятся демографический, экономико-географический, социологический, этнокультурный, политический и структурно-функциональный [Абдуллаев, 2019]. Одновременно предпринимаются попытки сохранения преемственности исследований и даже восстановления связи с работами дореволюционных авторов (путем знакомства и переоценки их наследия).

б) *после 2014 г. и до н. времени.* Международные события после присоединения Крыма к России, пандемия COVID-2019 и особенно начало Специальной военной операции на Украине (СВО) серьезно повлияли на мировые миграционные потоки, обусловив нестабильность иммиграции в Россию и рост эмиграции из страны. В связи с этим вновь повысилось значение внутренней миграции населения, а также обострился ряд проблем внешней миграции (в том числе вопросы привлечения мигрантов и безопасной миграции¹, адаптации мигрантов и их инклюзии в российское общество). Все большее внимание стали привлекать миграционные процессы на региональном и даже муниципальном уровне (см., например: [Пациорковский, Симагин, Муртузалиева, 2019]). «Детализация информационной базы» и появление «принципиально новых данных – сетей

¹ Безопасная миграция в трактовке ООН подразумевает упорядоченную, хорошо управляемую и легальную миграцию, т.е. организованную (подробнее см.: [Пряжникова, 2023, с. 151–152]).

сотовых операторов» – позволяют исследовать миграции на уровне муниципальных образований, а также «изучать временные циклы пространственной мобильности населения» [Карачурина, Мкртчян, Савоскул, 2022].

В 2018 г. принимается новая Концепция государственной миграционной политики на период 2019–2025 гг. – «в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции» [Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622]. Документ демонстрирует «переосмысление и переформатирование приоритетов миграционной политики ближайшего будущего: теперь миграционную политику определяют как вспомогательное средство для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» страны [Силантьев, 2020, с. 147]. Однако, как и в Концепции 2012 г., основное внимание в ней уделяется вопросам внешних миграций и иммигрантов в России. В 2023 г. в Концепцию 2018 г. были внесены изменения, в том числе для создания «привлекательных финансовых, социальных и иных механизмов сохранения человеческого капитала, снижения оттока населения Российской Федерации за рубеж», а также поддержки жителей Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, вынужденных переселиться в другие субъекты РФ из-за СВО [Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342]. Продолжается совершенствование отечественного миграционного законодательства (включая введение понятия «репатриант»), но опять преимущественно по направлению регулирования иммиграции [Горбачев, 2023].

Одновременно происходит изменение взглядов на формирование политики субъектов федерации по отношению к внутренней миграции. «Региональные власти должны осознать, что межрегиональная миграция – это не только перемещение человеческого ресурса из одного региона в другой, но и перемещение человеческого капитала, особого интеллектуально-информационного ресурса, потери которого дорого обходятся региональной экономике. В таком понимании миграционная трудовая мобильность становится сопоставимой с потоками финансового капитала... Одной из задач внутренней миграционной политики региона должно стать сохранение, развитие и эффективное использование собственного человеческого потенциала. От миграционной политики регионов можно ожидать положительных результатов только при условии создания лучших условий для труда и жизни по сравнению с соседними регионами. [Поэтому] необходимо проводить активную работу по формированию имиджа региона, привлекательного для потенциальных мигрантов» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 228].

Происходящие изменения ставят новые задачи и отрывают новые возможности перед исследователями миграций в России.

Перспективные направления изучения миграций

Современная тематика изучения миграций в России весьма обширна и разносторонняя, однако в ней существуют и пробелы, и недостаточно развитые направления. Перспективными для дальнейших исследований можно считать следующие.

Миграции в России, начиная с советского периода, рассматривались в основном с демографической точки зрения и с позиции обеспечения страны трудовыми ресурсами, а главным объектом исследований служила трудовая миграция. Однако в настоящее время все большее значение приобретает *образовательная миграция*. Нельзя сказать, что этот вид миграции в России не анализировался. Е.И. Самофалова отмечает следующие аспекты его изучения отечественными специалистами: а) статистико-демографические (Центр социального прогнозирования, в частности, работы Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьева), а также «прикладные исследования различных национальных групп мигрантов»; б) философско-теоретические, в том числе «различные подходы к изучению феномена, роли миграции в жизни индивида или принимающего региона, разработка терминологии и различных методик для исследования, исследования в области социологии управления» (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская, Е.Е. Письменная, В.И. Мукомель); в) политические, т.е. «влияние миграционной политики России на иностранных студентов, а также различные последствия образовательных реформ и различные правовые аспекты образовательной политики по отношению к мигрантам» (Е.Н. Алексеева, О.Д. Выхованец, С.В. Дементьева, М.В. Дюжакова, Д.Н. Митин); г) психолого-педагогические, касающиеся «адаптации образовательных мигрантов на новом месте обучения и к новым условиям жизни (России в целом, региону, конкретному населенному пункту)» – С.В. Дементьева, С.В. Бондаренко, Е.В. Афолина, Л.И. Бутенко, Д.В. Василенко, М.А. Иванова, Е.А. Нагайцева, Л. Тьерри, Д.А. Соколов, А.С. Ильина, В.П. Филиппова и др. [Самофалова, 2019, с. 83–84]. Представляется, что исследования образовательной миграции могут получить дополнительный импульс в связи с ее оценкой в качестве инструмента «мягкой силы» для укрепления международных позиций России (см., например: [Ростовская, Скоробогатова, Васильева, 2023]), а также источника дополнительных трудовых ресурсов для регионов (во время и после завершения образования).

Изучение миграций из сельской местности в городскую является традиционным направлением миграционных исследований. Вместе с тем в последние годы в России, во-первых, наметилась тенденция снижения миграции из села в город¹ и, наоборот, усилилось обратное движение (из городской в сельскую местность), во-вторых, обострилась проблема депопуляции населения ряда территорий (северных и восточных регионов в целом, а также сельских муниципалитетов в запад-

¹ «Так, в 2014 г. сельскую местность покинули 137,9 тыс. человек, тогда как в 2011, 2012 и 2013 гг. – 231,0, 235,2, 177,2 тыс. человек соответственно, при этом устойчиво 2/3 потерь обеспечивала межрегиональная миграция» [Логинова, Понукалина, 2015, с. 225].

ных и центральных районах страны). В связи с этим *сельская миграция* и вопросы *привлечения мигрантов* (на региональном и муниципальном уровнях) заслуживают большего внимания со стороны отечественных ученых.

«В современной России проблемы депопуляции населения большинства регионов в значительной мере рождаются миграционными процессами, а не только за счет естественной убыли населения, которая характерна для большинства территорий. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселенности мегаполисов европейской части страны, а также обезлюдения удаленных территорий. Но, как показывает государственная статистика, скорее всего заниженная, этот процесс пока только затормозился, но не прекратился... По мнению специалистов, решение проблемы переселения в восточные и северные регионы требует специально разработанных программ привлечения внутренних мигрантов. Очевидно, что для прекращения «оттока» и для дальнейшего «миграционного разворота» необходимо выстраивание социокультурной инфраструктуры территорий, приближение стандартов социальных, медицинских, образовательных услуг к столичным образцам, расширение рынка труда за счет новых, интеллектуальных профессий, которые будут привлекательны для молодежи и людей средних возрастов, задерживая их от миграции» [Беляева, 2023, с. 14, 15]. Нельзя не согласиться с утверждением, что «решение современных проблем сохранения и прироста человеческого капитала [территорий] требует комплексного междисциплинарного анализа» [Беляева, 2023, с. 25].

Относительно новым объектом изучения для исследователей является *климатическая (экологическая) миграция* (подробнее см., например: [Зворыкина, Тетерятников, 2019]). Практическая польза от работ данного направления возрастает в связи с участвовавшими в последние годы стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями, вызванными природными факторами.

Новые возможности открываются также для исследователей *исторических миграций*, благодаря применению современных цифровых и биотехнологий. По нашему мнению, это направление является на сегодняшний день недооцененным, и по мере продолжения научных работ можно ожидать интересные находки.

Важным ракурсом изучения миграций становится *социолого-культурологический* (поведенческий), связанный с изучением вопросов адаптации мигрантов, взаимоотношений с местным населением и культурного переноса. Без прояснения этих аспектов трудно избежать возникновения напряжения в социальных отношениях на региональном уровне и обеспечить адекватное регулирование миграционных процессов.

Отечественные эксперты неоднократно высказывали опасения, что мигранты станут конкурентами для местного населения на рынке труда. Однако такие предположения в значительной степени не оправдались, так как мигранты занимают прежде всего свободные места и малопривлекательные ниши (хотя в ряде отраслей и регионов приток мигрантов негативно сказался на вели-

чине и росте заработной платы). Наибольшие сложности, связанные с мигрантами, возникают в социально-бытовой сфере, в том числе из-за роста нагрузки на неподготовленные социальные институты (особенно учреждения здравоохранения и образования) и разницы в культурных стереотипах поведения. Также нельзя игнорировать проблему собственно положения мигрантов в России – как в плане юридической защиты их прав и социального обеспечения (включая условия проживания и труда, охрану здоровья), так и в разрезе криминальной (нелегальной) миграции и миграционной преступности. Относительно последней существуют диаметрально противоположные взгляды (см.: [Баранов, 2023; Зайнашев, 2023]), поэтому необходимо проведение глубоких и обширных научных исследований, для того чтобы составить объективную картину и обосновать соответствующие меры реагирования.

Наконец, огромный пласт научных исследований, прежде всего в области правоведения (но не только), связан с формированием и корректировкой *государственной миграционной политики и регулирования миграции*. Безусловно, эти работы продолжают оставаться актуальными в современных условиях (подробнее см.: [Силантьев, 2020; Городнов, 2022; Горбачев, 2023]).

Развитие исследований в области миграций населения невозможно без совершенствования их *статистического обеспечения* и повышения качества (полноты и достоверности) официальной информации. В частности, большие сомнения у экспертов вызывают данные о миграциях по республикам Северного Кавказа [Александров, 2021]. Но это только часть проблемы.

«Статистика миграции населения, воспринимаемая как часть демографической статистики, на самом деле занимает в ней достаточно маргинальное положение. Проблема в том, что показатели, обычно применяемые для исчисления населения, дают представление лишь об отдельных, не всегда важных сторонах миграционных процессов... при формировании исследовательского нарратива о внутрироссийской миграции ... исследователь постоянно вынужден решать для себя проблему неполноты статистических данных. Она особенно актуальна в отношении миграционных потоков и лишь отчасти компенсируется сведениями о контингентах... Другая проблема – необходимость апеллировать исключительно к агрегированным, обобщенным данным. Удобные для анализа количественных сведений, они дают скудную и весьма избирательную информацию о качественных характеристиках мигрантов. С другой стороны, имеется очень немного номинативных источников, позволяющих реконструировать конкретные жизненные сюжеты. ... Таким образом, опираясь преимущественно на статистику миграции, исследователь неизбежно вынужден играть по правилам историков-демографов. Но и это невероятно сложно, учитывая скудость доступных данных. Если же мы пытаемся определить «человеческое лицо» миграции, то при обращении к источникам о качественных характеристиках миграции сталкиваемся с опасностью утраты общей картины; возникают проблемы с формализацией и верификацией доступных данных» [Горбачев, 2022, с. 37–39, 42–43].

Вопрос обеспечения исходной информацией (статистическими данными) наиболее значим для изучения эмиграции из России, маятниковой и циркулярной внутрироссийской миграции, а также диаспор мигрантов (иностраннных граждан внутри страны и русскоязычных мигрантов за границей). Решение этой проблемы видится в расширении использования альтернативных источников информации, например данных стран – доноров мигрантов для России и стран – реципиентов русскоязычных мигрантов, транспортной статистики и данных сотовых операторов, а также в проведении более разнообразных и глубоких социологических исследований.

В связи с этим особую актуальность приобретают работы *теоретико-методологического направления*. Необходимость комплексного подхода к миграциям населения предполагает развитие методологии и методик изучения миграционных процессов (включая правомерное использование методов одних социальных наук в других и совершенствование информационного обеспечения), расширение сотрудничества в сфере изучения миграции между специалистами из разных регионов России, а также продолжение их взаимодействия с иностранными коллегами.

Заключение

Изучение миграций населения в России, фактически начавшееся в XIX в., имеет весьма заметные специфические особенности. Во-первых, оно характеризуется прерывистостью и слабой преемственностью. Как отмечают специалисты, «у большинства русскоязычных исследователей позднего советского (раннего российского) периодов сложно найти ссылки на работы по миграции русскоязычных авторов дореволюционного или довоенного времени, не говоря уже об использовании ими методологии того времени. В общем виде преемственность в [современных] миграционных русскоязычных исследованиях начинается только с 1970-х годов»¹ [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 15].

Во-вторых, отечественная научная мысль в области изучения миграции долго развивалась обособленно от мирового научного сообщества и по тематике исследований во многом от него отличалась. Однако «период изоляции русскоязычных исследователей» не послужил «катализатором появления национальной традиции изучения миграции». Более того, «развиваясь параллельно и, по большей части автономно, исследования дореволюционного времени, а также исследования более позднего периода во многом перекликаются с результатами исследований англоязычных авторов начала и середины 20 века» [Лисицын, Гибазов, 2022, с. 15]. Возможно, именно поэтому в 1990-е годы российские ученые достаточно легко вошли в русло мирового научного дискурса по проблемам миграции, включая восприятие большинства зарубежных теоретических концепций.

¹ Хотя следует признать, что работы 1920-х годов во многом продолжали дореволюционные традиции изучения миграции населения.

В настоящее время изучение миграций является в России весьма популярной областью научных знаний и привлекает широкий круг специалистов из практически всех общественных (социально-гуманитарных) дисциплин. Вместе с тем это подразумевает значительную обособленность проводимых исследований и разрозненность получаемых результатов, требуя их синтеза и обобщения.

Наконец, изучение миграций в России во многом определяет исторический контекст (институциональные условия). Сами исследования отличаются сильным практическим уклоном и нередко осуществляются вне рамок научных организаций. В свою очередь, это обуславливает недостаточное теоретическое и философское осмысление миграционных процессов, откуда проистекает широко распространенный метод «проб и ошибок» при их регулировании.

Представляется, что осознание сильных (практико-ориентированность, широта и разнообразие) и слабых сторон (недостаточное развитие теоретико-методологического направления) в изучении миграций отечественными специалистами будет способствовать совершенствованию проводимых исследований и достижению значимых научных результатов.

Список литературы

1. Абдуллаев А.А. Особенности изучения внутренней миграции в политической науке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2019. – № 2. – С. 96–103.
2. Александров А. Загадки внутренней миграции: какие вопросы рожают новые данные Росстата // NEWS. ru. – 2021. – 25.08. – URL: <https://news.ru/society/zagadki-vnutrennij-migracii-kakie-voprosy-rozhdayut-novye-dannye-rosstat/> (дата обращения 10.02.2024).
3. Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. – 332 с.
4. Баранов О. Мигранты и преступность: анализ статистики и объективная картина // Media-MIG. Все о трудовой миграции. Закон. – 2023. – 10.07. – URL: <https://media-mig.ru/zakonodatelstvo/real-no-li-rastet-kolichestvo-prestuplenii-soversh/> (дата обращения 11.03.2024).
5. Беляева Л.А. Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в. // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14, № 1. – С. 13–28.
6. Василенко П.В. Основные этапы и направления исследования миграции населения в отечественной науке // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 40–52.
7. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с.
8. Горбачев Е. Изменения в миграционном законодательстве за 2023 г. // АГ-эксперт. Отношения с органами государственной и муниципальной власти. – 2023. – 28.12. – URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/izmeneniya-v-migratsionnom-zakonodatelstve-za-2023-god/> (дата обращения 11.03.2024).
9. Горбачев О.В. Изучение внутренней российской миграции в XX в.: проблема формирования исследовательского нарратива // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 36–43. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/119715> (дата обращения 24.02.2024).
10. Городнов А.В. Миграционные процессы в контексте социально-демографической ситуации в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социология науки. – 2022. – № 4 (68). – С. 142–153.
11. Григорьев Василий Николаевич // Научное наследие России. – URL: <http://www.e-heritage.ru/Catalog/ShowPers/3387> (дата обращения 22.02.2024).
12. Гурвич Исаак Аронович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гурвич,_Исаак_Аронович (дата обращения 22.02.2024).
13. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. – Москва : МГУ, 1989. – 96 с.
14. Долгов А.А. Основные направления исследования миграции населения в отечественной науке // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 29–35.

15. Дэн В.Э. Памяти Александра Аркадьевича Кауфмана // Галерея экономистов. – 1919. – URL: https://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=.ru/kaufman/biogr/kaufman_b1.txt&name=kaufman&img=brief.gif (дата обращения 20.02.2024).
16. Жирнов Е. «Не имеют права на паспорт 37 процентов населения» // Коммерсант Власть. – 2009. – 13.04. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1147485> (дата обращения 04.03.2024).
17. Зайнашев Ю. Почему мигранты стали совершать больше преступлений // Взгляд. Деловая газета. – 2023. – 11.04. – URL: <https://vz.ru/society/2023/4/11/1206938.html> (дата обращения 11.03.2024).
18. Занданова Л.В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2007. – С. 27–45.
19. Зворыкина Ю.В., Тетерятников К.С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Труды ВЭО России. – 2019. – Т. 216, № 2. – С. 236–256.
20. Зубков И.В. Переселенчество // Большая российская энциклопедия. – 2014. – URL: <https://bigenc.ru/c/pereselenchestvo-84a5b2> (дата обращения 28.02.2024).
21. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
22. История создания // Центр миграционных исследований. Деятельность. – URL: <https://web.archive.org/web/20180905140954/http://migrocenter.ru/center-history> (дата обращения 11.03.2024).
23. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. – 2022. – Т. 86, № 3. – С. 353–373.
24. Кирсанов К.А., Волох В.А., Очиров А.В. Базовые модели миграциологии // Наукоеведение. – 2012. – № 4 (13) : Экономика и менеджмент. – URL: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-4-12-economy-management> (дата обращения 22.02.2024).
25. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ 13.06.2021) // Совет безопасности РФ. Государственная и общественная безопасность. – 2012. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document116/> (дата обращения 11.03.2024).
26. Кравченко А.И. Исаев Андрей Алексеевич / Энциклопедия. Фонд знаний «Ломоносов». – 2010. – 15.12. – URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128796:article> (дата обращения 22.02.2024).
27. Лисицын П.П., Гибазов Р.Р. Начало изучения миграции в России: поиски русского Равенштайна // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – № 3 (7). – С. 14–21.
28. Логинова Л.В., Понукалина О.В. Межрегиональные миграционные процессы в современной России: тенденции и проблемы управления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 222–229.
29. Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учебное пособие / под. ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля ; Центр миграционных исследований. – Москва : Изд-во товарищества «Адамант», 2007. – 370 с.
30. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И. Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения / РАНХиГС. – Москва : Издательский дом «Дело», 2020. – 76 с.
31. Моисеенко В.М. Очерки изучения миграции населения России во второй половине XIX – начале XX столетия. – Москва : ТЭИС, 2008. – 272 с.
32. Моррисон А. Аллергия России на свое колониальное прошлое // ИНОСМИ. – 2022. – 18.01. – URL: <https://inosmi.ru/20170102/238450798.html> (дата обращения 21.02.2024).
33. Ноздрин Г.А. Переселенческое управление // Библиотека сибирского краеведения. – URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/pereselencheskoe-upravlenie> (дата обращения 28.02.2024).
34. От мечты до стройки века: история байкальских магистралей // Интерфакс. История. – URL: <https://baikalrail.interfax.ru/history.php> (дата обращения 03.03.2024).
35. Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. – 2019. – Том 10, № 3. – С. 59–77.
36. Положихина М.А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 20–37.
37. Пряжников О.Н. Безопасная миграция. Рец. на кн.: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 228 p // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 150–159.
38. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Васильева Е.Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов. – Москва : Проспект, 2023. – 128 с.
39. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 2. Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – Москва : Изд-во «ЭконИнформ», 2017. – 234 с.
40. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – Москва : ИПИ РАН, 2003. – 238 с.
41. Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования // Региональные исследования. – 2014. – № 4 (46). – С. 28–39.

42. Самовтор С.В. Переселенческий комитет Черноморского казачьего войска (1821–1826) // Козацька спадщина : альманах Нікопольського регіонального відділення Науково- дослідного інституту козацтва Інституту історії України / НАН України. – Дніпропетровськ : Пороги, 2008. – Вип. 4. – С. 142–146.
43. Самофалова Е.И. Методология анализа образовательной миграции в социальной философии в отечественной мысли // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 50. – С. 75–87.
44. Силантьев В.А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. – 2020. – № 4. – С. 146–151.
45. Сон Ж.Г. Союз ССР в 1930-е годы: добровольное и принудительное переселение на примере корейцев // Корё Сарам = Записки о корейцах. – 2017. – 21.06. – URL: <https://koryo-saram.site/soyuz-ssr-v-1930-e-gody-dobrovolnoe-i-prinuditelnoe-pereseleniya-na-primere-korejtcsev/> (дата обращения 29.02.2024).
46. Станислав Густавович Струмилин. К 30-летию со дня смерти // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 145–146. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0145/nauka01.php> (дата обращения 29.02.2024).
47. 115 лет со дня рождения Льва Ефимовича Минца // Демоскоп Weekly. – 2008. – № 317–318. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/nauka01.php> (дата обращения 29.02.2024).
48. Суворова Н.Г., Филимонов А.В. Советская колонизация в терминологических дискуссиях раннесоветских экспертов // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 1 (25). – С. 45–57.
49. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы» // Президент России. События. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 11.03.2024).
50. Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622» // Президент России. Документы. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49202> (дата обращения 11.03.2024).
51. Юдина Т.Н. Социология миграции : учебное пособие для вузов. – Москва : Академический проект, 2006. – 272 с.
52. Ямзин // Демографический энциклопедический словарь. – URL: <https://demography.academic.ru/2791/ЯМЗИН> (дата обращения 20.02.2024).

DIRECTIONS AND PROBLEMS OF STUDYING INTERNAL MIGRATION IN RUSSIA (Review)

Maria Polozhikhina

PhD (Geograp. Sci.), Leading researcher of the Department of Economics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia); polozhihina2@mail.ru

Abstract. *The review presents the history of the study of migration in Russia (primarily internal) in connection with the transformation of migration processes themselves and the transformation of the institutional environment. The change of priorities and directions of migration research is considered in chronological order, the most significant research works for each period, their authors and institutes are presented, and the change in the approaches of specialists is demonstrated. In conclusion, the main problems of studying internal migration in the country at the present time and promising areas of research are listed.*

Keywords: *internal migration; Russia; scientific research; migrationology; state migration policy.*

For citation: Polozhikhina M.A. Directions and problems of studying internal migration in Russia (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – No. 1. – P. 11–36.

УДК 314.72

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ К ИЗУЧЕНИЮ ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ (Обзор)

Чувычкина Инна Александровна

PhD, научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); chuvyckina@yandex.ru

***Аннотация.** Изучение внутренних миграций предоставляет богатый эмпирический материал о последствиях пространственного перемещения людей для социально-экономического развития стран. Однако, несмотря на длительную историю исследований миграционных процессов, построить единую комплексную теорию для них пока не удастся в силу разнообразного характера миграций. В настоящей работе описываются различные подходы зарубежных специалистов к созданию и классификации теорий миграции населения. Помимо этого, обсуждаются методические аспекты изучения миграций. Особо подчеркивается проблема отсутствия гармонизированных и стандартизированных показателей для оценки международных перемещений населения и сопоставимых данных для компаративного анализа внутренних миграций. В заключении на примере ряда зарубежных стран и России рассматриваются особенности внутренних миграций населения, а также сложности организации статистического учета внутренних мигрантов.*

***Ключевые слова:** внутренняя миграция; теории миграций; изучение миграций; миграционная статистика; национальные особенности миграций.*

***Для цитирования:** Чувычкина И.А. Основные подходы зарубежных специалистов к изучению внутренних миграций (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 37–49.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi:10.31249/snsn/2024.01.02

Рукопись поступила 20.03.2024

Принята к печати 27.03.2024

Введение

Миграции населения весьма разнообразны по мотивам, времени, расстоянию и направлению перемещений, а также по составу их участников. По типу миграции различаются на внутреннюю (внутристрановую) и внешнюю (международную, трансграничную). Некоторые исследователи и органы официальной статистики выделяют также местную (региональную) миграцию (внутри локальных территорий) и межрегиональную.

Изучение миграции как многомерного явления включает в себя исследование причин, движущих сил и притягивающих факторов при перемещении людей из мест своего проживания в новые районы. Несмотря на достаточно длительный период проведения исследований в области миграций, их единой комплексной и универсальной теории не существует, как не создано и отдельных теорий для внутристрановой и международной миграции. Каждая из современных теорий фокусируется на определенной форме миграции и ее основе, а также различается по своему подходу и акценту на побуждающие и притягивающие факторы (push factors / pull factors).

Теории миграции, выдвинутые зарубежными специалистами

Исходя из классификации на основе дисциплинарного подхода, зарубежные специалисты выделяют следующие ключевые теории миграции: пространственные, экономические, поведенческие и социальные [Rajan, Bhagat, 2022, p. 21]¹.

Пространственные теории нацелены на объяснение пространственных закономерностей и базируются на географическом подходе к пониманию миграции и человеческой мобильности. Родоначальником данного направления является британский картограф и статистик Э. Равенштейн, который в 1880-х годах впервые сформулировал основные законы миграции, во многом актуальные даже в настоящее время. В частности, он отмечал, что большинство мигрантов перемещаются на короткие расстояния, и определил, что доминирующим направлением внутренней миграции является направление к центрам торговли и промышленности. Исследователь особо подчеркивал, что женщины мигрируют активнее, чем мужчины. Однако это наблюдение справедливо, если речь идет о внутренних перемещениях. Во внешних миграциях картина, как позднее в своей работе отмечал Э. Равенштейн, прямо противоположная. При этом жители городов менее предрасположены

¹ Следует отметить, что отечественный ученый В.А. Ионцев выделил 17 научных подходов к изучению миграции населения (подробнее см.: [Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – С. 106–133]).

к миграции, чем сельские жители. В целом, масштаб миграционных потоков растет с развитием промышленности, торговли и транспорта, а основными причинами миграции выступают экономические соображения [Ravenstein, 1885; Ravenstein, 1889].

Э. Равенштейн также заложил основы развития гравитационных моделей миграции, в рамках которых рассматриваются взаимосвязи между миграцией и расстоянием. Гравитационная модель Э. Равенштейна предполагает восприятие привлекательности района перемещения при принятии миграционных решений на основе данных о плотности населения. Помимо прочего, его модель дает представление о том, как решения влияют на пространственные закономерности в распределении населения. Так, по мере увеличения экономической значимости одного или обоих районов перемещения возрастает количество передвижений между ними. Однако чем дальше друг от друга находятся эти районы, тем меньше будет развито сообщение между ними. Это явление в дальнейшем получило название «затухание расстояния» (distance decay). Вместе с тем следует отметить, что Э. Равенштейн сосредоточил свое внимание на миграции в конкретных местах (Великобритании), тогда как современные исследователи описывают миграционные потоки, используя типологии территорий и стремясь к пространственной общности [Rees, Lomax, 2019, p. 351–352].

Появление в 1970-х годах гипотезы американского географа В. Зелинского о мобильном переходе послужило началом систематического изучения вопросов миграционного поведения, обусловленных демографической структурой населения. Данный исследователь связывал уровень и направление миграций с разными этапами демографического перехода¹ и утверждал, что существуют «определенные закономерности в росте личной мобильности в пространстве-времени, и эти закономерности составляют существенный компонент процесса модернизации» [Zelinsky, 1971, p. 221–222; Василенко, 2013]. В. Зелинский рассматривал изменения не только в масштабах миграции, но и в направлении потоков, сопрягая каждую фазу мобильного перехода с различными формами миграции. Согласно разработанной им модели, первая фаза мобильного перехода включает традиционное общество с минимальной миграцией, происходящей в целях сбыта сельскохозяйственной продукции, при изменении землепользования, а также по религиозным мотивам. Миграция в раннем переходном обществе во второй фазе связана с перемещением из сельской местности в города, а также с приграничными перемещениями внутри стран и эмиграцией в привлекательные зарубежные страны. В рамках третьей фазы в позднем переходном обществе темпы миграции из села в город, эмиграции и приграничной миграции постепенно сокращаются. Вместе с тем происходит усложнение структуры циркуляции населения, возрастает маятниковая и циркулярная миграции. В развитом обществе на четвертой фазе миграция из села в город находится на

¹ Демографический переход – коренные демографические преобразования в истории человечества, включающие «переход от относительного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» (подробнее см.: [Вишневский, Захаров, 2022]).

минимальном уровне, но при этом происходит рост миграции между городами и внутри городских агломераций, а также возникает обратный отток населения из города в сельскую местность. К тому же отмечается масштабная иммиграция неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих из менее развитых стран, значительная международная миграция или циркуляция квалифицированных мигрантов и специалистов [Василенко, 2013]. В сверхразвитом обществе в рамках пятой фазы мобильного перехода наблюдается улучшение коммуникаций и появление их новых форм, которые способствуют снижению миграции населения. При этом большая часть внутренней миграции является междугородной или внутригородской. Вместе с тем продолжается иммиграция неквалифицированной рабочей силы из менее развитых стран при жестком политическом контроле в принимающих развитых странах [Zelinsky, 1971; Василенко, 2013].

Классические и неоклассические *экономические теории* миграции основаны на изучении взаимосвязи между перемещениями людей и трудовой занятостью. Классические экономические теории миграции (преобладавшие вплоть до конца первой половины XIX в.) обосновывали свои концепции, исходя из существовавшей двухсекторной модели экономики: натурального сельскохозяйственного сектора, с одной стороны, и несельскохозяйственного капиталистического сектора, с другой. В связи с тем, что капитал и новая техника повышали производительность сельского хозяйства и высвобождали занятую в нем рабочую силу, люди были вынуждены переезжать в города. Это, в свою очередь, способствовало повышению уровня безработицы (особенно среди молодежи) в городских районах и подталкивало их жителей (прежде всего, молодое трудоспособное поколение) мигрировать в страны с более развитой экономикой [Rajan, Bhagat, 2022, p. 26].

В отличие от классической интерпретации перемещения рабочей силы, неоклассические экономические концепции (возникшие во второй половине XIX в.) подчеркивают принципы максимизации полезности и рационального выбора. Согласно этому подходу, миграционные потоки мотивированы неравным распределением богатства между богатым ядром и бедной периферией. В данном случае международная миграция находится под влиянием исторически сформировавшихся акторов мирового уровня; по своей сути она является эксплуататорской и самовоспроизводящейся, а также ведет к сохранению отсталости в районах происхождения мигрантов [King, 2012].

С точки зрения неоклассических экономических теорий спрос на рынках труда является основным механизмом, с помощью которого стимулируются международные потоки рабочей силы. Международная миграция рабочей силы вызвана различиями в уровне заработной платы между странами, а устранение данного различия прервет движение рабочей силы. При этом способ, с помощью которого правительства могут контролировать миграционные потоки, заключается в регулировании или влиянии на рынки труда в отправляющих и / или принимающих странах [Theories of International Migration, 1993, p. 434].

Основное предположение неоклассических теорий заключается в том, что рынки труда стремятся к равновесию посредством торговли и миграции. Поскольку мигранты рациональны, они будут перемещаться из стран с избытком рабочей силы и низкой заработной платой в страны с ограниченной рабочей силой, в которых заработная плата относительно выше (принимая во внимание стоимость переселения на индивидуальном уровне для мигрантов). Такой подход обеспечивает более содержательное понимание факторов отталкивания и притяжения мигрантов, которые объясняются экономическими причинами. В целом, неоклассическая экономическая модель и ее варианты рассматривают миграцию как акт максимизации заработка, определяемый спросом и предложением рабочей силы, а также различиями в заработной плате между отправляющими и принимающими регионами [Rajan, Bhagat, 2022, p. 27–29].

Поведенческие теории (появившиеся в начале XX в. и ставшие очень популярными с 1950-х годов) делают акцент на психологических факторах при изучении миграционных потоков. К ним относятся эмоции, когнитивные предубеждения и собственная идентичность, восприятие выгод и издержек, а также стресс и стремления, которые отличаются в зависимости от возраста, пола и образования людей.

Например, применяемая к вопросам миграции теория запланированного поведения (предложена американским социологом И. Айзенем в 1991 г.) изучает влияние благоприятствующих и ограничивающих факторов на принятие миграционных решений, которые могут различаться на разных этапах этого процесса. Согласно данной теории, отношение человека к миграции и его субъективные нормы, связанные с миграцией (т.е. представления индивида о соответствующем поведении), а также контролирующие убеждения и воспринимаемый поведенческий контроль могут сказываться на намерении мигрировать и во многом определяют миграционное поведение. Личные качества (такие как настойчивость в достижении собственных желаний), жизненные события (окончание школы или получение места для учебы / прохождения практики), социальные связи (желание партнера переехать или отъезд друзей) и ресурсы человека (финансовая стабильность, навыки и сети поддержки) могут способствовать реализации миграционных планов. В то же время к ограничивающим факторам, влияющим на принятие миграционных решений и поведение, относятся экономические условия (ограниченность финансовых ресурсов или отсутствие перспектив трудоустройства), социальные (семейные обязательства или связи с данным сообществом), правовые (визовые требования или иммиграционная политика), культурные и психологические основания (страх перед неизвестным или привязанность к своей родной стране) [Kley, 2017].

Социально-психологическая теория запланированного поведения также применяется к вопросам миграции для объяснения поведенческих паттернов. Исходя из данной теории, такие социально-демографические факторы, как возраст, уровень образования и пол, влияют на принятие решения о смене места жительства. К примеру, люди в младших возрастных когортах с большей

вероятностью, чем в старших возрастных группах, участвуют в незапланированной мобильности. Люди с низким уровнем образования более склонны к непреднамеренной мобильности, чем хорошо образованные люди. Однако люди с хорошим образованием имеют некоторое преимущество перед малообразованными в реализации своих намерений переехать. Касательно гендерного эффекта установлено, что женщины с большей вероятностью переедут без каких-либо предварительных намерений, чем мужчины [Lu, 1999].

В *социальных теориях* (которые появились с начала XX в.) миграция предопределяется ролью семьи, друзей и социальных сетей. Создаваемые социальные связи в рамках международной миграции обуславливаются ролью диаспор. Формирование сообщества мигрантов в пункте перемещения увеличивает вероятность последующей миграции. При этом следует отметить, что социальная сеть снижает экономические, социальные и психологические издержки миграции. Этот процесс становится кумулятивным и известен как теория кумулятивной причинно-следственной связи миграции [Gentili, Ferretti, 2013]. В рамках внутренней миграции личные семейные связи, другие родственники и друзья, кастовые и религиозные группы, а также близость к родному городу играют важную роль в формировании социальных сетей, стимулируя миграцию [Rajan, Bhagat, 2022, p. 33].

В целом приведенная классификация теорий миграции населения является достаточно условной. Помимо группировки по дисциплинарной принадлежности, некоторые исследователи разделяют теории миграции на функционалистские и историко-структурные. Неоклассические экономические модели равновесия, анализ побуждающих и притягивающих факторов и теории миграционных систем (в основном из области географии и демографии), а также доминирующие интерпретации теорий сетей мигрантов (в первую очередь из социологии) являются частью функционалистской парадигмы. Согласно этому подходу, миграция, по большому счету, является стратегией оптимизации отдельных лиц или семей, производящих расчеты с точки зрения затрат и выгод. К историко-структурной парадигме исследования миграции относят неомарксистскую теорию конфликта, теорию зависимости, теорию мировых систем, теорию двойного рынка труда и критическую теорию глобализации. Данная парадигма исходит из того, что драйверами миграции выступают различные формы угнетения и эксплуатации бедных и уязвимых групп людей элитами. При этом имеет значение, как капитал вербует и эксплуатирует рабочую силу, а также то, что идеология и религия играют ключевую роль в оправдании эксплуатации и несправедливости [Haas de, 2021, p. 4].

Помимо этого, существует также классификация по трем основным уровням исследований: а) макроуровень, в рамках которого изучаются различия в миграционных процессах в пространстве и времени; б) мезоуровень, на котором исследуются социальные сети и семейные связи; в) микроуровень, для которого единицей анализа являются отдельные лица. Макроуровень лучше под-

ходит для выявления и понимания межнациональных различий в миграции, предоставляя объяснение миграционных процессов на уровне населения отдельных стран по целому ряду показателей. Вместе с тем внутренние миграции на макроуровне происходят в результате регионального неравенства в развитии и централизации объектов, тогда как семейные стратегии и социальные сети обуславливают миграцию на мезоуровне. Микроуровень отражает роль личных решений в ответ на жизненные ожидания, с учетом текущих потребностей и планов на будущее [Internal Migration in ... , 2020].

Следует отметить, что несмотря на различные подходы к объяснению миграций, выдвинутые теории не противоречат, а скорее взаимодополняют друг друга. Их совместное применение способно обеспечить содержательный анализ и создать более полную картину миграционного поведения и миграционных процессов на различных уровнях.

Статистика внутренних миграций: методические проблемы и возможности их преодоления

Первичные данные о внутренних миграциях, как правило, собираются государственными органами с помощью переписей населения и выборочных обследований. Информация переписей содержит демографические, социальные и экономические показатели, характеризующие население страны или некоторой ее части в определенный момент времени. Данные переписи считаются важным источником для измерения или оценки внутренней миграции в конкретной стране и имеют преимущество перед данными опросов, поскольку обеспечивают более высокую степень точности (в отличие от оценочных представлений выборочных обследований) [Rajan, Bhagat, 2022, p. 38–39]. Вместе с тем специалисты особо подчеркивают, что для получения четкого представления о внутренней миграции данные переписи должны быть дополнены углубленными исследованиями [Zachariah, 1977].

Собираемая в ходе переписей населения информация, касающаяся миграций, представляет собой главным образом данные о месте рождения, месте и продолжительности проживания, месте проживания в определенное время. Однако не каждая страна собирает данные о внутренней миграции с помощью переписей населения. Некоторые страны используют для этого обследования, информацию реестра населения или их комбинацию [Zachariah, 1977]. На сегодняшний день для измерения внутренней миграции обращаются также к альтернативным источникам информации: данным о мигрантах с фиксированными интервалами, полученным в результате опросов; непрерывным записям о миграции из регистров и «большим данным» от телекоммуникационных и интернет-компаний [Rees, Lomax, 2019, p. 351].

Данные переписей используются не только для оценки внутренней миграции в каждой отдельной стране, но и для проведения исследований международной миграции, а также для сравни-

тельного межстранового анализа внутренней миграции. В силу отсутствия принятой единой гармонизированной системы сбора данных изучение международной миграции и компаративный анализ внутренней миграции сопряжены со значительными трудностями.

При существовании миграционной статистики на национальном уровне на сегодняшний момент не выработана система для получения гармонизированных показателей международных миграционных потоков. Наиболее доступными и достоверными данными в настоящее время являются национальные показатели переписи мигрантов по стране проживания и стране рождения, собираемые Статистическим отделом ООН и публикуемые Международной организацией ООН по миграции (МОМ или International Organization for Migration, IOM) [Rees, Lomax, 2019].

Впрочем, на уровне ЕС были предприняты попытки конструирования модели для оценки международных миграционных потоков между государствами – членами ЕС и странами Европейской ассоциации свободной торговли, а также потоков в остальной мир и из него. В рамках данного проекта были разработаны и применялись методы статистического моделирования для оценки недостающих данных о миграционных потоках и численности иностранного населения. Для создания общей картины перемещения населения учитывались многочисленные различия в определениях, качестве и источниках имеющихся данных о миграции, а также оценивались недостающие данные. Разработанная модель сочетает в себе процедуру гармонизации, которая работает от наиболее до наименее надежных оценок, со структурой лог-линейного моделирования [Raymer, Abel, 2008]. Помимо этого на внутриевропейском уровне были разработаны методы оценки и моделирования миграции с использованием частотного и байесовского подходов для планирования, объяснения миграционных процессов и улучшения миграционной политики [Raymer, Willekens, 2008].

Сравнительный анализ внутренней миграции между странами сопряжен в основном с трудностями сопоставимости статистических показателей и с различиями в способах сбора данных о миграции. В целом, выделяются четыре основных препятствия для межнациональных сопоставлений миграции, обусловленные (1) способом измерения миграции, (2) продолжительностью интервала наблюдения, (3) количеством и пространственным расположением географических единиц, на которые страны разделены, и (4) вопросами временной сопоставимости, охвата населения и качества данных [Cross-national comparison ... , 2002, p. 436–437].

Способы измерения миграции касаются, к примеру, интервала сбора данных о миграции, которые варьируют в разных странах от годового до пятилетнего и десятилетнего периода. Так, Австрия и Испания ежегодно собирают данные о миграции. Великобритания и США собирают данные каждые пять лет, тогда как такие страны, как Индия и Португалия, собирают данные каждые десять лет. Переписи населения в разных странах также могут различаться по ключевым определениям и по способам обращения с некоторыми группами в отношении миграции. Под миграцией, как правило, понимается долговременное изменение обычного места жительства, но само обычное

место жительства может различно определяться в разных странах. В Австралии, например, место обычного проживания человека определяется как адрес, по которому он проживал или намеревался проживать на протяжении шести или более месяцев в течение переписного года. В Великобритании, напротив, обычный адрес – это просто тот адрес, по которому проживает респондент [Cross-national comparison ... , 2002, p. 437].

Разница в административных единицах измерения также усложняет проведение сравнительного анализа внутренних миграций. К примеру, Индия собирает данные переписи населения по всей стране на уровне штатов и округов, а Великобритания собирает данные по регионам, графствам, округам и сектору почтовых индексов [Rajan, Bhagat, 2022, p. 59]. Кроме того, неоднородность в методах сбора данных затрудняет их стандартизацию и межстрановые исследования.

Преодоление методических проблем при межстрановых сравнениях внутренней миграции соотносится с такими решениями, как сбор данных по единой согласованной структуре географических единиц и скоординированно по времени всеми странами, применение наиболее подходящих статистических показателей и моделирование недостающих данных, кодирование переменных к наименьшему общему знаменателю [Champion, Cooke, Shuttleworth, 2018].

Страновые особенности внутренней миграции

Внутренняя миграция в разных странах обусловлена различными социальноэкономическими факторами, различается по интенсивности, характеристикам, пространственным особенностям и последствиям. Ниже представлены достаточно яркие тому подтверждения.

Например, Китай собирает данные о миграции с середины 1980-х годов, в основном о миграции между провинциями. При этом данные о миграционных потоках на территориях ниже уровня провинции обычно недоступны. Отмечается, что в целом перемещение населения внутри страны значительно возросло с начала 1980-х годов. Между переписями 2000 и 2010 гг. количество перемещений и общая интенсивность межпровинциальной (межрегиональной, в отечественной терминологии) миграции удвоились. Согласно данным о миграции по месту регистрации, в 2010 г. в Китае мигрантов-мужчин было несколько больше, чем мигрантов-женщин. Внутривинциальные (или внутрирегиональные) мигранты имели гораздо более высокий уровень образования по сравнению как с межпровинциальными мигрантами, так и со средним уровнем образования населения в стране. В свою очередь, и межпровинциальные мигранты имели немного более высокий уровень образования, чем все население в среднем, причем большая часть имела среднее образование. Основными причинами миграции для мужчин и для женщин были работа и бизнес (39–50%), переезд в качестве иждивенцев (11–17%), учеба и профессиональная подготовка (10–12%), переезд в связи со сносом дома (9%). Большая часть миграции принимает форму временной миграции из деревни в город (особенно в прибрежные города), а также между провинциями, и отчет-

ливо свидетельствует о быстром процессе урбанизации в Китае в последние десятилетия [Internal Migration in ... , 2020, p. 72–73].

Напротив, в Японии интенсивность внутренней миграции снижается, что, вероятно, связано со старением населения в сочетании с уменьшением доли населения трудоспособного возраста. С 1980-х годов наблюдается монополярная концентрация жителей в Токио, причем в стране до настоящего времени продолжается процесс урбанизации. Между тем, в большинстве периферийных префектур наблюдается серьезная депопуляция населения. Растущие пространственные диспропорции негативно сказываются на сбалансированности развития национальной территории и являются предметом для поиска политических решений. Многообещающими кажутся такие политические меры, как поддержка миграции пенсионеров в сельскую местность и других форм миграции, при которых люди покидают крупные мегаполисы и переезжают в периферийные регионы. На этом фоне растет число случаев отсутствия ответов на вопросы переписи населения. Если этот показатель продолжит расти, то качество данных в стране еще больше ухудшится, что будет отрицательно влиять на исследования миграций. Другой проблемой является задержка в изучении влияния стихийных бедствий на внутреннюю миграцию. Например, авария на атомной электростанции Фукусима привела к тому, что люди в ряде районов покинули свои дома и не могут в них вернуться, вынужденные жить как эвакуированные [Internal Migration in ... , 2020, p. 132–133].

Анализ собранных данных о внутренних перемещениях в Индии показывает неполноценность сведений о временной, сезонной и циркулярной миграции, что затрудняет понимание тенденций и моделей миграции, одновременно создавая картину низкой мобильности в стране. Тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о росте перемещений между штатами (т.е. развитии межрегиональной миграции). При этом внутренняя миграция становится более феминизированной, в первую очередь за счет брачной миграции. Кроме того, наряду с миграцией из села в город растет миграция из города в город, что соответствует теории перехода мобильности. Вместе с тем государственная политика поддержки миграции отсутствует, а общее восприятие мигрантов является негативным и враждебным [Internal Migration in ... , 2020, p. 225–226].

С отказом от регулирования внутренних перемещений в постсоветский период в России возникло право на свободную миграцию. В настоящее время во внутренних миграциях в стране ежегодно участвуют миллионы человек, что составляет значительную долю от общего количества мигрантов. Одновременно изменились региональные модели миграции – в силу того, что сейчас происходит заметный отток населения из российского Дальнего Востока и Севера. Статистические данные показывают, что на процесс внутренней миграции влияют региональные экономические характеристики, уровень урбанизации, пол и возраст человека [Wegren, Drury, 2001].

При этом трудовая миграция превратилась в наиболее значимый вид внутренней миграции в России, а временная миграция стала нормой. Увеличение постоянной миграции женщин в города предопределяется ростом числа образованных женщин, стремящихся сделать карьеру в городе, и указывает на то, что среди молодого поколения россиян отношение к гендерным ролям может меняться. Наконец, влияние мировых технологических разработок трансформирует временную миграцию, предоставляя отечественным домохозяйствам возможность существовать в двух местах (например, жить то в городе, то за городом), а большую часть трудовой миграции превращая в регулярные короткие поездки в город (т.е. в маятниковую миграцию) [White, 2007, p. 908].

По мнению некоторых специалистов, качество последней проведенной переписи населения в России в 2020–2021 гг. может быть самым низким в истории страны вследствие рекордно низкого охвата населения и неподходящего времени проведения, пришедшегося на пик самой сильной волны пандемии коронавируса и повлекшего за собой снижение реального участия в переписи [Качество переписи ... , 2021]. Безусловно, снижение качества и полноты фактического материала неблагоприятно скажется на точности проводимых в России исследований миграции.

Заключение

Изучение внутренней миграции формирует знание о закономерностях, причинах и последствиях перемещения людей внутри страны. В свою очередь, использование результатов анализа моделей миграции, характеристик мигрантов и миграционных потоков позволяет обеспечивать социальную безопасность внутри стран и регионов. Адекватное представление о внутренней миграции также способствует решению проблем, связанных с урбанизацией и перенаселением, развитием рынков труда, систем образования и здравоохранения, совершенствованием путей сообщения. Кроме того, исследования внутренней миграции помогают лучше понять динамику региональной и местной экономики, а также социальные и экологические последствия миграции. Это дает возможность целенаправленно и адресно внедрять различные механизмы государственной поддержки, обеспечивая тем самым устойчивое социально-экономическое развитие как отдельных территорий, так и страны в целом.

Список литературы

1. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 36–42.
2. Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографический переход // Большая российская энциклопедия. – 2022. – 13.12. – URL: <https://bigenc.ru/c/demograficheskii-perekhod-a3b9d7> (дата обращения 22.03.2024).
3. Качество переписи, возможно, будет самым низким в истории страны // Коммерсант. – 2021. – 05.11. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5063173> (дата обращения 01.03.2024).
4. Champion T., Cooke T., Shuttleworth I. Internal Migration in the Developed World. Are we becoming less mobile? – London : Routledge, 2018. – 326 p.
5. Cross-national comparison of internal migration: Issues and measures / Bell M., Blake M., Boyle P., Duke-Williams O., Rees P., Stillwell J., Hugo G. // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (Statistics in Society). – 2002. – Vol. 165, Issue 3. – P. 435–464.

6. Haas de H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. – 2021. – Vol. 9. – P. 1–35.
7. Gentili A., Ferretti L. Cumulative Causation at Work: Intergenerational Transfers and Social Capital in a Spatially Varied Economy // Quaderni DSE Working Paper. – 2013. – N 868, 14.02. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2217425> (дата обращения 01.03.2024).
8. Internal Migration in the Countries of Asia. A Cross-national Comparison / Bell M., Bernard A., Charles-Edwards E., Zhu Y. – Springer, 2020. – 431 p.
9. King R. Theories and typologies of migration: an overview and a primer // Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. – 2012. – Vol.3, Issue 12. – P. 1–41.
10. Kley S. Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process // Population Studies. – 2017. – Vol. 71, Issue 1. – P. 35–49.
11. Lu M. Do People Move When They Say They Will? Inconsistencies in Individual Migration Behavior // Population and Environment. – 1999. – Vol. 20, N 5. – P. 467–488.
12. Rajan S.I., Bhagat R.B. Researching Internal Migration. – Routledge India, 2022. – 172 p.
13. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. – 1885. – № 46. – P. 167–235.
14. Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society. – 1889. – № 52. – P. 241–305.
15. Raymer J., Abel G. The MIMOSA model for estimating international migration flows in the European Union // UNECE/Eurostat work session on migration statistics Working papers. – 2008. – № 8. – URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2008/wp.8.e.pdf> (дата обращения 01.03.2024).
16. Raymer J., Willekens F. International Migration in Europe: Data, Models and Estimates. – Chichester, UK : John Wiley and Sons Ltd, 2008. – 385 p.
17. Rees P., Lomax N. Ravenstein Revisited: The Analysis of Migration, Then and Now // Comparative Population Studies. – 2019. – Vol. 44. – P. 351–412.
18. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / Massey D.S., Arango J., Graeme Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. // Population and Development Review. – 1993. – Vol. 19, N 3. – P. 431–466.
19. Wegren S., Drury C. Patterns of Internal Migration During the Russian Transition // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2001. – Vol. 17, Issue 4. – P. 15–42.
20. White A. Internal Migration Trends in Soviet and Post-Soviet European Russia // Europe-Asia Studies. – 2007. – Vol. 59, Issue 6. – P. 887–911.
21. Zachariah K.C. Measurement of internal migration from census data // Internal Migration: A Comparative Perspective / Berliner J., Brown A., Neuberger E. (eds.). – Academic Press, 1977. – P. 121–134.
22. Zelinsky W. The Hypothesis of the Mobility Transition // Geographical Review. – 1971. – Vol. 61, N 2. – P. 219–249.

THE MAIN APPROACHES OF FOREIGN SPECIALISTS TO STUDYING INTERNAL MIGRATION (Review)

Inna Chuvychkina

PhD, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); chuvychkina@yandex.ru

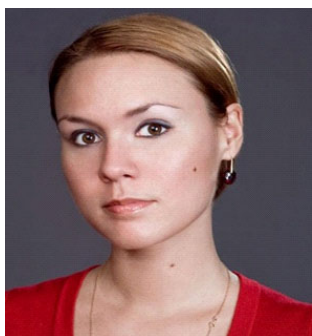
Abstract. *The study of internal migration provides a wealth of empirical material on the effects of spatial movement of people on the socio-economic development of countries. However, despite the long history of research on migration processes, it has not yet been possible to build a single comprehensive theory for them due to the diverse nature of migrations. This paper describes various approaches of foreign experts to the creation and classification of theories of population migration. In addition, methodological aspects of migration studies are discussed. The problem of the lack of harmonized and standardized indicators for assessing international population movements and comparable data for comparative analysis of internal migrations is emphasized. In conclusion, using the example of some foreign countries and Russia, the features of internal migration of the population are considered, as well as the difficulties of organizing statistical accounting of internal migrants.*

Keywords: *internal migration; theories of migration; migration studies; migration statistics; national migration characteristics.*

For citation: Chuvyichkina I.A. The main approaches of foreign specialists to studying internal migration (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 37–49.

УДК 331.556.4+314.748

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПОТЕНЦИАЛ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия;
natalia.kor@list.ru

***Аннотация.** В настоящей работе описаны трансформации трудовой миграции в постсоветской России. Особое внимание уделено текущей миграционной обстановке в регионах Российской Федерации. С одной стороны, миграционный потенциал российских регионов осмысливается в его методологическом измерении. С другой стороны, дается эмпирическая оценка трудовой миграции на основании данных официальной статистики. Приводятся некоторые рассуждения и выводы относительно рисков и перспектив развития миграционных процессов в регионах России в обозримой перспективе.*

***Ключевые слова:** миграционные процессы; миграционный потенциал; трудовая миграция: Россия; регионы.*

***Для цитирования:** Коровникова Н.А. Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 50–64.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi: 10.31249/snsn/2024.01.03

Рукопись поступила 22.02.2024

Принята к печати 10.03.2024

Введение

Во всем мире вопросы трудовой миграции приобрели особую остроту в кризисный (пост)пандемийный период. Это было связано с тем, что локдауны и иные ограничительные меры по борьбе с COVID-19 повсеместно привели к существенному снижению интенсивности миграционных потоков, а трудовые мигранты столкнулись с целым рядом серьезных проблем, как-то: угроза депортации и увольнения, нарушение стандартов безопасности труда, недоступность надлежащего медицинского обслуживания, отсутствие социальных пособий и помощи при депортации и пр. [Нестерова, 2020].

Следует отметить, что в советский период трудовая миграция в России была исключительно внутренней. Однако в дальнейшем на первый план вышла внешняя трудовая миграция, а значение внутренней трудовой миграции снизилось. Данную трансформацию трудовой миграции можно считать самой важной тенденцией развития миграции в России в целом.

Влияние пандемии сильно сказалось на современной миграционной ситуации в стране, так как внешние мигранты впервые за весь постсоветский период перестали быть традиционным источником восполнения естественных демографических потерь. По некоторым данным, по итогам 2020 г. (в целом) миграционный прирост в России составил всего 106,5 тыс. человек, даже г. Москва получила феноменально «мизерный миграционный прирост» в 1,6 тыс. человек [Рязанцев, Храмова, Гневашева, 2022, с. 13]. Все это привело к дефициту рабочей силы и отрицательно повлияло на отечественную экономику.

Для устранения указанных негативных последствий в Российской Федерации в срочном порядке были приняты меры по адаптации миграционного законодательства, а также по привлечению и социальному обеспечению трудовых мигрантов, в первую очередь из стран постсоветского ареала. В результате уже в 2021 г. ситуация начала выравниваться: за этот год численность трудовых мигрантов достигла 9,5 млн человек, что оказалось в 4 раза больше по сравнению с кризисным 2020 г. и даже в 1,7 раза выше допандемийного показателя 2019 г. [Красинец, Шевцова, 2022, с. 896].

Проблема трудовой миграции в России вновь обострилась с началом в феврале 2022 г. Специальной военной операции (СВО) на Украине, за которой последовала череда санкционных и ограничительных мер стран «коллективного Запада» и контрмер со стороны России, неминуемо сказавшихся на мировой и региональной миграционной обстановке. На текущий момент миграционная проблематика нисколько не теряет своей значимости. Напротив, она получает все

большой резонанс вследствие возрастающих масштабов миграций¹ и их усиливающегося влияния на «демографическую динамику, рынки труда и социально-экономические процессы» [Полетаев, Коробков, 2022, с. 3] во всех странах – реципиентах и донорах миграционных ресурсов, многие из которых оказались в положении взаимного противостояния, а также масштабной трансформации мирового порядка, качественно деформирующей международные миграционные потоки.

Нарастающая напряженность международной обстановки, в эпицентре которой находится Российская Федерация, во многом определяет характер миграционных процессов и на уровне российских регионов. Принимая во внимание значимость трудовых мигрантов для российской экономики, в настоящее время актуализируются вопросы правового обеспечения и регулирования миграционных потоков, определения потребностей в кадрах региональных рынков труда и рационального использования миграционных ресурсов в согласовании с поддержанием на должном уровне национальной безопасности российского общества и государства.

Тенденции трудовой миграции в постсоветской России

Очевидно, что распад Советского Союза стал своего рода катализатором для трансформации прежних и формирования новых потоков трудовых мигрантов на всем постсоветском пространстве в целом и в Российской Федерации в частности. Поэтому для лучшего понимания текущей миграционной ситуации в российских регионах, а также миграционной политики, реализуемой на федеральном и региональном уровнях, представляется целесообразным проследить эволюцию и определить характер миграционных процессов в постсоветской России.

На сегодняшний день специалисты выделяют следующие семь этапов развития миграционных процессов в РФ с 1989 г., институционально-правовые особенности каждого из которых были детерминированы изменениями внутренней социально-экономической динамики и внешнеполитического курса страны на протяжении последних 35-ти лет [Попова, Яник, Карпова, 2023, с. 27–30]:

1) 1989–1992 – этап «либерализации миграционной политики», когда, с одной стороны, росло число русских эмигрантов (в основном в страны дальнего зарубежья), с другой стороны, существенную поддержку получила миграция в Россию беженцев и вынужденных переселенцев со всего постсоветского пространства (в первую очередь из стран СНГ); в числе знаковых событий этого этапа – создание Федеральной миграционной службы (ФМС, 1992 г.) и принятие Закона «О гражданстве Российской Федерации» (28.11.1991 № 1948-1);

2) 1993–2001 – этап «умеренно жесткой стратегии» ограничений внешней миграции ввиду сокращения выезда за рубеж россиян и заметного увеличения прибывающих мигрантов; для реа-

¹ По некоторым данным на 2022 г., в процессы международной миграции оказались вовлечены более 281 млн человек (около 3,6% населения Земли), что на 128 млн человек (более чем в 2 раза) больше, чем в 1990 г. [Полетаев, Коробков, 2022, с. 3].

лизации целей данного этапа был принят Федеральный закон о порядке въезда и выезда (15.08.1996 № 114-ФЗ), а также утверждена первая Федеральная миграционная программа 1996 г. (утратила силу на основании указа Президента РФ от 07.12.2016 № 656);

3) 2001–2006 – «переход к практике селективного отбора партнеров» (в том числе в рамках СНГ); миграционный контроль реализуется в целях обеспечения национальной безопасности, для чего была впервые разработана Концепция регулирования миграционных процессов в РФ (распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 N 256-р);

4) 2007–2012 – «поворот к умеренно жесткой миграционной политике» для решения социально-экономических проблем и обеспечения национальных интересов в условиях демографического кризиса и кадрового дефицита на основе принятых на этом этапе Концепций демографической (указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351) и миграционной политики (утв. Президентом РФ 13.06.2012 № Пр-1490);

5) 2013–2018 – «жесткая миграционная стратегия», в основе которой заложены «охранительные тенденции» и централизованное регулирование миграционных процессов; в условиях санкций, характерных для этого периода, миграция начинает рассматриваться как угроза национальной безопасности, но остается «инструментом решения демографических проблем». В связи с этим была досрочно принята новая Концепция государственной миграционной политики России до 2025 г. (указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622), а также утверждена Стратегия национальной безопасности РФ (указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683);

6) 2019–2022 – «синтез жесткого и умеренно жесткого подходов» на основе государственного регулирования миграционных потоков с повсеместным внедрением цифровых технологий; для достижения целей повышения эффективности государственного контроля и оптимизации управления миграционными процессами с применением информационно-коммуникационных технологий создается специальная рабочая группа для реализации Концепции миграционной политики (распоряжение Президента РФ от 06.03.2019 № 58-рп);

7) 2022 г. – по настоящее время – «поиск баланса» между экономическими потребностями и национальной безопасностью государства; реализация адаптивной миграционной политики «при особой поддержке носителей русского языка»¹; новые миграционные тенденции нашли свое отражение в изменениях, которые были внесены в Концепцию миграционной политики на 2019–2025 гг. (указ Президента РФ от 12.05.2023 № 342).

¹ Вопрос об инклюзии трудовых мигрантов в пространство российских регионов в зависимости от степени владения русским языком, но с учетом их этничности, очевидно, требует более детальной проработки в ходе дальнейших миграционных исследований. В частности, определенную эвристическую ценность может иметь конструктивистский подход, в рамках которого интеграция мигранта трактуется как «рекатегоризация» в системе «мигрант – местный». Более подробно см.: [Варшавер, 2023].

Учитывая, что на текущий момент миграционные процессы в российских регионах протекают в крайне сложных геополитических и геоэкономических условиях, становится очевидной необходимость дополнительных адаптивных мер в миграционной сфере, для того чтобы учесть «новые глобальные и региональные факторы, влияющие на миграционную сферу», отразить «весь комплекс как существующих, так и потенциальных вызовов» [Попова, Яник, Карпова, 2023, с. 38]. Для этого в оперативном порядке корректируется и уточняется правовое регулирование трудовой деятельности мигрантов. Такие действия, с одной стороны, способствуют привлечению и эффективному распределению трудовых миграционных ресурсов, с другой – позволяют осуществлять постоянный государственный контроль за миграционными потоками и соблюдать национальные интересы граждан РФ.

Отдельного внимания в данной связи заслуживают следующие события и решения:

а) разработка структурами МВД РФ нововведений в миграционное законодательство, которые предполагают введение единого документа для мигрантов, регулируют правила визового и безвизового въезда иностранных граждан, а также вопросы оказания медицинской и иных видов социальной помощи (в частности, возможность подключения трудовых мигрантов к системе обязательного медицинского страхования (ОМС) с 1 января 2023 г.) [Новый закон о миграции ... , 2024];

б) внедрение цифровых профилей мигрантов, которые будут аккумулировать данные, содержащиеся в различных ведомственных системах учета (согласно плану, входящему в Концепцию миграционной политики с 2024 по 2025 г.) [Горошилова, 2024];

в) замена наказания в формате «выдворения» на штраф в индивидуальном порядке в случае уплаты налогов и наличия жилья у мигранта (Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 25.12.2023 № 649-ФЗ);

д) предоставление разрешения на временное проживание для получения образования в РФ (РВПО) «на весь срок обучения иностранного студента» и дальнейшая возможность получения выпускником вида на жительство в России [Новые законы для мигрантов ... , 2024].

Ожидается, что эти и ряд других институционально-правовых мер¹ позволят преодолеть диспропорции и обеспечат эффективное регулирование миграционных процессов на территории российских регионов в ближайшей перспективе.

Миграционный потенциал российских регионов: методология и практика

Методологический подход. С методологической точки зрения, для оценки регионального миграционного потенциала, уровень которого имеет значение для «составления профиля региона» ...

¹ В частности введены и распределены региональные квоты на трудоустройство иностранных работников; внесены изменения НДФЛ платежа по патенту на работу в 2024 г. и пр. [Новые законы для мигрантов ... , 2024].

и для прогнозирования межрегиональных миграционных потоков, интерес представляет методика, предложенная отечественными исследователями из Финансового университета при Правительстве РФ [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 129].

Указанные специалисты разработали нетрадиционный подход к определению миграционного потенциала региона через призму его «привлекательности»¹, которая рассматривается в качестве предварительного условия региональной конкурентоспособности [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 17]. В данном русле исследователи акцентировали внимание на следующих показателях, характеризующих положение трудовых мигрантов в российских регионах: получение РВП / ВНЖ² или российского гражданства; аренда жилья; обучение в образовательных учреждениях различного уровня; доступ к медицинской помощи (в том числе оформление ОМС и / или ДМС); участие в среднем / малом бизнесе; денежные переводы в третьи государства и государства своего гражданства [Галас, Горошникова, Федорова, с. 20–21]. М.Л. Галас, Т.А. Горошникова, И.Ю. Федорова предприняли попытку измерить миграционный потенциал регионов РФ с применением математического инструментария³, наряду с привлечением экспертов в области миграционных исследований для отбора наиболее релевантных критериев оценки⁴.

В результате была получена экспертная выборка из 25 критериев, которые условно можно разбить на следующие группы показателей: демографические, миграционные, инвестиционные, политические, экономические, социальные и экологические [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 133–134]. Исследователи сделали интересные выводы о том, что не только уровень экономического развития региона является фактором региональной привлекательности. По их мнению, экологические показатели приобретают все большую актуальность в свете происходящих изменений окружающей среды, которые угрожают проживанию на некоторых территориях и могут спровоцировать заметный рост числа «экологических мигрантов»⁵ [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 137]. В числе факторов привлекательности региона также были особо отмечены: развитие туризма, благоприятные условия для предпринимательской и инвестиционной деятельности, развитая транспортная и информационно-коммуникационная инфраструктура, доступное жилье, каче-

¹ В данном случае «привлекательность региона» трактуется как «относительное понятие», которое нельзя «измерить в абсолютном выражении» [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 129]. В части исследований миграционной привлекательности регионов РФ с использованием данных оперативной статистики за определенный период интерес представляют также результаты, полученные российским ученым С.Н. Смирновым (более подробно см.: [Смирнов, 2023]).

² Разрешение на временное проживание (РВП) и вид на жительство (ВНЖ).

³ Для многокритериального принятия решений был применен «серый реляционный анализ» (англ. GRA, grey relational analysis), к которому прибегают в условиях частичной неопределенности для получения набора альтернативных решений (более подробно см.: [Буравцев, 2017]).

⁴ В этом отношении авторы сделали важную оговорку о том, что «изменение решения экспертов по критериальным весам», может кардинальным образом изменять итоговое ранжирование [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 137].

⁵ Более подробно особенности и причины экологической миграции см.: [Троянова, 2021].

ственное предоставление услуг здравоохранения, образования, культуры и пр. [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 137–138].

Примечательно, что полученная с помощью рассмотренной выше методики градация российских регионов по степени их привлекательности¹ позднее нашла свое подтверждение на основании официальных данных МВД о постановке на миграционный учет в 2022 г., согласно которой: более 40% регистраций пришлось на Москву и Московскую область (ЦФО); 12,8 – на Санкт-Петербург и Ленинградскую область (СЗФО); 2,7 – на Краснодарский край (ЮФО), 2,3 – на Иркутскую область (СФО); 2,2 – на Свердловскую область (УФО), по 1,8% – на Амурскую область и Приморский край (ДФО) [Эксперты составили ... , 2023]. В число наименее привлекательных с точки зрения миграционного потенциала регионов, на которые пришлось всего лишь около 0,5% всех постановок на миграционный учет по результатам 2022 г., вошли Ненецкий автономный округ, Республика Марий-Эл, Республика Тыва, Чеченская Республика, Еврейская автономная область, Чувашская Республика, Республика Хакасия, Чукотский автономный округ и Республика Северная Осетия – Алания [Эксперты составили ... , 2023]. Следует отметить, что данная градация в значительной степени коррелирует с рейтингом регионов РФ по качеству жизни населения, что также подтверждает результативность описанной методики. Так, по данным за 2022 г. ведущие позиции принадлежали Москве, Московской области и Санкт-Петербургу, а замыкали рейтинг Еврейская автономная область, республики Ингушетия и Тыва [Рейтинг российских регионов ... , 2023].

«Профиль» трудового мигранта. На протяжении последних двух этапов миграционных изменений в российских регионах, помимо их ранжирования по степени миграционной привлекательности, российскими учеными также были реализованы социологические исследования, которые позволяют составить вполне отчетливый «профиль» современного трудового мигранта в РФ.

Так, М.Л. Галас, Т.А. Горошникова, И.Ю. Федорова провели социологический опрос² трудовых мигрантов и экспертное интервью³, результаты которых позволили дать комплексную харак-

¹ Данная методика позволила сгруппировать регионы РФ следующим образом: 1) высоко привлекательные регионы Центрального федерального округа (ЦФО); 2) регионы со средним уровнем миграционной привлекательности в Северо-Западном (СЗФО), Южном округе (ЮФО), Приволжском (ПФО), Уральском (УФО) и Сибирском (СФО) федеральном округах; 3) Дальневосточный федеральный округ (ДФО), миграционно привлекательный для граждан стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 20–21].

² Социологический опрос проводился среди иностранных граждан, получавших услуги в ГБУ г. Москвы «Многофункциональный миграционный центр», Департаменте трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии, АНО «Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю». В опросе приняли участие 353 респондента из Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, Грузии и Молдовы [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 23].

³ М.Л. Галас, Т.А. Горошникова, И.Ю. Федорова разработали гайд полуформализованного экспертного интервью, который может быть полезен в ходе дальнейших социологических исследований миграционной проблематики. Ими был охвачен широкий круг вопросов и проблем трудовых мигрантов в России, в том числе: предмиграционный этап привлечения иностранных работников для осуществления трудовой деятельности с учетом потребностей региональных рынков труда; предпринимательская и инвестиционная активность мигрантов; уровень их социально-

теристику иностранных граждан (ИГ) и лиц без гражданства (ЛБГ), мигрировавших в Россию за рассматриваемый период (2018–2021). В частности, было установлено, что для ИГ и ЛБГ в российских регионах свойственно следующее: а) трудовая деятельность составляет основу легитимной внешней миграции (более 70% от общего числа ИГ и ЛБГ, поставленных на миграционный учет в РФ [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 23]); б) основными странами – донорами иностранных работников для России стали республики Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан); в) в распределении ИГ и ЛБГ сохранялась региональная и внутрирегиональная дифференциация (основной поток таких иностранцев был сконцентрирован в ЦФО); г) значительная часть ИГ и ЛБГ трудились не по специальности и без заключения трудового договора (ТД) по личной договоренности с работодателем (41,4 и 63,8% опрошенных соответственно) [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 40] в сферах деятельности, не требующих высокой квалификации (торговля, строительство, клининг); д) основная мотивация трудовой миграции для большинства ИГ и ЛБГ – содержание семьи в стране гражданства или происхождения.

Несмотря на энтропийность региональных рынков труда вследствие событий последних двух лет, представленный выше «образ» трудового мигранта во многом совпал с более поздними результатами проведенных Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС в 2022 и 2023 гг. опросов трудовых мигрантов в московском регионе, где, как уже отмечалось, работает основная доля иностранных граждан. Благодаря этим опросам было установлено следующее: а) трудовая миграция остается «значимой стратегией для мигрантов из стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии»; б) сохраняется значительная доля трудовых мигрантов, которые продолжают трудиться неофициально и «получают зарплату в конвертах»; в) мигранты в основном позитивно оценивают свое текущее положение (около двух третей не заметили негативных изменений), а также оптимистично настроены в отношении своего будущего в России (более половины считают, что их положение может даже улучшиться), хотя и растет число тех, «кто не уверен в своих перспективах» в РФ; г) около 80% опрошенных трудовых мигрантов не изменили свои первоначальные планы относительно работы, однако сократилось число, «желающих стать постоянными жителями России», что коснулось всех статусов (РВП, ВНЖ и гражданства) [Флоринская, 2023, с. 83].

Важно отметить, что положительная оценка и оптимистичный настрой трудовых мигрантов во многом зависит от возможностей их социально-экономической и политико-культурной инклюзии в пространство российских регионов. В связи с чем требуется «осознание и понимание возни-

кающих у мигрантов социальных проблем, которые можно выявить с помощью постоянного мониторинга, изучения, исследования» со стороны принимающих регионов, а также «создания, развития и поддержки официальных сервисов, услуг, в том числе в цифровом виде, решающих проблемы иностранных работников в подконтрольном принимающему государству правовом поле» [Полетаев, Коробков, 2022, с. 3].

Риски и возможности использования трудовой миграции в современной России

Приведенное выше краткое описание трансформаций миграционной политики РФ на протяжении всего постсоветского периода наглядно демонстрирует ее гибкость по отношению к угрозам эндогенного и экзогенного характера. При этом отчетливо видно, что изменения миграционного вектора зависели от основного ориентира – достижения баланса между приоритетами национальной безопасности и экономическими интересами России.

На текущем этапе поиск этого баланса представляется особенно сложным. Неслучайно в отечественной экспертной среде не сложилось однозначной оценки происходящего в миграционной сфере российских регионов, и зачастую звучат амбивалентные суждения и прогнозы относительно рисков и возможностей трудовой региональной миграции. Одна группа экспертов выступает за «прагматичное снижение барьеров на пути легальной трудовой миграции» для решения демографических и социально-экономических проблем регионов РФ. В то же время для их оппонентов характерна «жесткая публичная риторика в защиту национальных интересов и правопорядка» ввиду угрозы «раскачивания» межнациональной стабильности в России через «миграционные каналы» [Попова, Яник, Карпова, 2023, с. 38].

Отечественных экспертов в зависимости от их отношения к трудовой миграции в стране можно условно разделить на «оптимистов», позитивно оценивающих миграционную динамику, и «алармистов», акцентирующих внимание на ее рисках и угрозах со стороны мигрантов. Сторонники первой позиции утверждают, что даже такие негативные факторы, как проведение СВО на Украине, санкционное противостояние России и ведущих мировых акторов, падение курса рубля, энтропийность региональных рынков и пр. не привели к миграционному кризису в российских регионах. Этот вывод обосновывается тем, что «массового оттока трудовых мигрантов» из России не произошло, поскольку «мигранты из стран Средней Азии, ставшие к этому моменту основными поставщиками рабочей силы, пока, по-видимому, не нашли серьезной альтернативы российскому рынку труда» [Флоринская, 2023, с. 69].

Вместе с тем все чаще звучащие в экспертной среде алармистские суждения заслуживают более детального рассмотрения.

Риски, обусловленные трудовой миграцией. «Алармисты» напоминают, что события после февраля 2022 г. воспрепятствовали восстановлению притока трудовых мигрантов, который ожи-

дался вследствие отмены ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Это подтверждается официальными данными МВД России, согласно которым за первое полугодие 2023 г. в РФ въехало около 3,5 млн трудовых мигрантов, что почти на 40% меньше, чем за аналогичный период 2022 г. (тогда прибыло около 5,8 млн иностранных работников) [Сколько в России ... , 2023]¹.

Количественное сокращение трудовых мигрантов объясняется следующими причинами. Во-первых, вследствие СВО позиция России на мировой арене становится нестабильной, поэтому в традиционных странах – донорах рабочей силы (в том числе Узбекистане, Кыргызстане²) начинают формироваться «альтернативные миграционные вектора» [Ивахнюк, 2023], причем не только в азиатском, но и в европейском направлении. Подобная «многовекторность» ориентации мигрантов из Средней Азии вполне понятна, поскольку основным стимулом поиска работы за рубежом для них остается уровень оплаты труда, а вовсе «не стремление интегрироваться» [Горбунова, 2023]. Другим фактором, снижающим приток трудовых мигрантов в Россию из среднеазиатских республик, является рост доходов в странах их происхождения (в первую очередь это касается высококвалифицированных специалистов в области ИТ, строительстве и др.³).

В результате на фоне миграционного оттока населения РФ за рубеж в 2022 г.⁴ миграционный приток не компенсировал реальный спрос на рабочую силу в 2023 г., что закономерно привело к нарастанию «кадрового голода» в большинстве регионов РФ⁵. Так, по некоторым данным, в октябре 2023 г. потребность работодателей в трудовых ресурсах увеличилась почти на 8,5% относительно аналогичного периода 2022 г. [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023]. На текущий момент данный тренд продолжает усиливаться, в первую очередь в традиционно зависимых от трудовых мигрантов регионах ЦФО, СЗФО и УФО.

При этом «кадровый голод» охватил не только обычные для трудовых мигрантов отрасли экономики, но и высокотехнологичные (вследствие «ухода» из России зарубежных производителей со своими специалистами), а также машиностроение, металлургию и транспорт [Бухарский,

¹ Здесь следует отметить противоречивость некоторых статистических данных, публикуемых на страницах официальных интернет-изданий. Например, в мае 2023 г. «Ведомости» опубликовали следующие данные ФСБ, в соответствии с которыми «в I квартале 2023 г. с целью работы в Россию въехало 1,3 млн иностранцев», что «в 1,6 раза больше, чем за аналогичный период 2022 г.», когда «в страну прибыл 841 501 гражданин других государств» [Костенко, 2023]. Подобные расхождения существенно затрудняют анализ реальной миграционной обстановки в регионах РФ.

² За последние два года Узбекистан заключил соглашения о трудовой миграции с Южной Кореей, Саудовской Аравией, Великобританией и Израилем, готовится соглашение с Японией. В свою очередь, Кыргызстан сотрудничает в данном вопросе с Южной Кореей, а также с Турцией, Германией и странами Персидского залива; в 2022 г. было подписано соглашение с рекрутинговой компанией «AGRI-HR» о направлении киргизских мигрантов в Великобританию для сельскохозяйственного труда [Ивахнюк, 2023].

³ Например, в Узбекистане заработок строительного инженера-проектировщика составляет от 13 до 15 млн сумов, что эквивалентно 100–120 тыс. рублей. Наиболее востребованные специалисты могут даже рассчитывать на долларовую зарплату [Горбунова, 2023].

⁴ По данным Росстата, за январь–сентябрь 2022 г. из РФ выехали 419 тыс. человек, что в два раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. – 202 тыс. человек) [Путин поручил ... , 2023].

⁵ В 2023 г. спрос на рабочую силу возрастал в 67 регионах (в наибольшей степени – в Московской области (+23 тыс. человек) и Санкт-Петербурге (+27,0 тыс. человек)) [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023].

Тирских, Галиева, 2023]. После начала СВО нехватка кадров в гражданском секторе отечественной экономики стала ощущаться особенно остро. Это объясняется, во-первых, высокой оплатой труда при выполнении работ гособоронзаказа [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023], во-вторых, увеличением численности российских войск за счет мобилизованных и добровольцев, которое «отвлекло из экономики не менее 800 тыс. работников» [Ивахнюк, 2023].

В результате «кадровый голод», с одной стороны, способствовал рекордному сокращению безработицы (по некоторым данным, до 3% в 2023 г. [Горбунова, 2023]). С другой стороны, пошатнул социально-экономическое состояние миграционно зависимых регионов (особенно в таких отраслях, как торговля, строительство, сельское хозяйство, гостиничный и туристический бизнес¹). Одновременно ухудшилась демографическая ситуация в РФ, включая усилившуюся тенденцию снижения численности населения страны (по данным Росстата, это сокращение в 2023 г. составило 244 тыс. человек – до 146,2 млн человек постоянного населения [Росстат раскрыл ... , 2024]). Более того, Росстат прогнозирует, что убыль населения будет расти до 2027 г. «за счет увеличения естественной убыли и незначительного сокращения положительного миграционного сальдо» [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023]. В обозримой перспективе последствия «демографической ямы» 1990-х годов сохранятся, и ситуация на региональных рынках труда вряд ли изменится в лучшую сторону.

Возможности рационального использования трудовых мигрантов. Несмотря на сокращение миграционного потока рабочей силы в 2023 г., а также на пессимистичный сценарий Росстата, Министерство труда РФ прогнозирует рост притока трудовых мигрантов к 2030 г. до 3,5 млн человек [Сколько в России ... , 2023]. Для достижения этого показателя Минтруд планирует разработку и реализацию следующих мер по стимулированию миграционных потоков: запуск новых эффективных программ релокации; предоставление налоговых и таможенных льгот иностранным работникам; упрощение процедур получения разрешений на временное пребывание; создание условий для обучения, работы, медицинского обслуживания трудовых мигрантов и членов их семей; введение упрощенного порядка получения ВНЖ для мигрантов, длительное время проживающих в РФ; создание миграционных центров по подготовке и привлечению иностранных работников за рубежом и пр. [Сколько в России ... , 2023].

Многие эксперты также не видят «существенных причин для еще более резкого ухудшения ситуации с трудовыми ресурсами в экономике», ввиду «рекордных показателей загрузки мощностей промышленности» (по оценкам Банка России, около 80%), а также наращивания «производительности труда в регионах, в том числе в рамках национального проекта «Производительность

¹ Например, за январь–сентябрь 2023 г. в г. Санкт-Петербург наибольшее число новых вакансий появилось для официантов (+75%), рабочих строительных специальностей (+47%), кассиров и продавцов (+41%), дорожных рабочих (+40%) [Горбунова, 2023].

труда»» [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023]. И даже наиболее пессимистично настроенные из них считают вполне реальным решение текущих и предупреждение будущих миграционных проблем в российских регионах.

Во-первых, снижение притока трудовых мигрантов из-за рубежа может компенсировать миграционный отток беженцев из новых регионов России (ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей), который по данным Росстата, в январе–ноябре 2023 г. составил 87,6 тыс. человек [Кислов, 2024]¹. Во-вторых, перечень традиционных стран – доноров рабочей силы в Россию (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Армения) в прошлом году дополнили новые «экзотические» поставщики трудовых мигрантов: Бенин, Гаити, ОАЭ, Доминикана. В русле этого нового тренда некоторые эксперты рекомендуют обратить внимание на перспективы трудовой миграции из Индии, Ирана и Индонезии [Сколько в России ... , 2023].

В-третьих, отрабатываются альтернативные источники для восполнения нехватки трудовых мигрантов, такие как привлечение на некоторые виды работ: а) заключенных (по данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), на 1 января 2023 г. было трудоустроено более 132 тыс. осужденных); б) студентов (уже реализуются проекты по созданию производственно-образовательных кластеров в Курской, Смоленской и Ярославской областях); в) граждан пенсионного возраста и лиц с ограниченными физическими возможностями (в начале 2023 г. существенно возросло предложение вакансий для данной возрастной категории соискателей по сравнению с 2022 и 2021 гг.) [Бухарский, Тирских, Галиева, 2023].

В то же время следует помнить, что борьба с «кадровым голодом» за счет привлечения трудовых мигрантов требует выработки взвешенной и дальновидной миграционной политики, которая учитывала бы реальный спрос на региональных рынках труда². Неслучайно некоторые российские регионы³ уже начали вводить ограничения и даже запреты на труд мигрантов (которые в основном коснулись сферы общепита, продажи алкоголя и работе на транспорте) [Жандарова, 2023].

¹ Показательно, что основные миграционные потоки из новых регионов были направлены в Краснодарский край (14 тыс. человек), Московскую (13,9 тыс. человек) и Ростовскую (12,3 тыс. человек) области, а также Республику Крым (5,9 тыс. человек) [Кислов, 2024]. Это отчасти коррелирует с представленными выше результатами градации российских регионов-реципиентов по степени их миграционной привлекательности.

² В данном контексте существенный интерес не только для дальнейших теоретических исследований, но и для выработки практических рекомендаций представляет такой инструмент региональной миграционной политики, как социальный заказ, эффективность которого доказывает опыт зарубежных стран – доноров и реципиентов трудовых мигрантов (более подробно см.: [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 96–114]). Немаловажно, что и в РФ уже сделаны первые шаги по его интродукции в миграционную сферу. В частности, принят Федеральный закон «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» (от 13.07.2020 № 189-ФЗ). Также в 2020 г. началось внедрение социального заказа в качестве «пилотного проекта» в ряде российских регионов [Галас, Горошникова, Федорова, 2023, с. 57–58].

³ Опыт ограничений на деятельность трудовых мигрантов имеют Челябинская, Тульская, Калининградская, Калужская, Тюменская, Новосибирская области, а также Ханты-Мансийский автономный округ и Республика Якутия [Жандарова, 2023].

Ожидается, что введение ограничительных мер в регионах позволит решить следующие задачи: во-первых, перераспределить трудовые потоки в соответствии с региональными потребностями; во-вторых, обеспечить национальную безопасность на локальном и государственном уровнях [Жандарова, 2023]. Примечательно, что вторая задача приобретает особую значимость с осени прошлого года, когда в различных регионах РФ были зафиксированы случаи провокационных противоправных действий со стороны мигрантов¹. Подобные проявления «миграционного беспредела» не только усугубляют проблему миграционной криминогенности, но и заставляют задуматься об ужесточении миграционной политики с целью предотвращения угроз национальной безопасности (что представляется исключительно важным в свете крайне напряженной международной обстановки).

Заключение

Постсоветский опыт управления потоками трудовых мигрантов свидетельствует об институционально-правовой адаптивности миграционной политики РФ к изменениям внутренней и внешней миграционной конъюнктуры. Так, и на текущем (с февраля 2022 г.) крайне энтропийном этапе протекания миграционных процессов предпринимаются оперативные меры по гармонизации, технологизации и оптимизации их регулирования.

В ходе очередного всплеска популярности миграционной проблематики в отечественном научном дискурсе появляется все больше заслуживающих внимания работ, в которых приводятся не только эмпирическая оценка, но и концептуально-методологическое осмысление трудовой миграции в России. Результаты проведенных исследований современной миграционной обстановки позволили сформировать «профиль» трудового мигранта, выявить некоторые тренды миграционных процессов, а также определить социально-экономические угрозы и перспективы трудовой миграции, характерные для большинства российских регионов.

Однако составить сколько-нибудь достоверный прогноз даже в краткосрочной перспективе на сегодняшний день представляется довольно затруднительным. Будет ли реализован «оптимистичный» сценарий, предложенный Росстатом², или миграционная проблема будет только усугубляться, зависит от целого ряда трудно прогнозируемых внешних и внутренних факторов: того, каким станет новый мировой порядок, и какое место займет в нем Россия; произойдет ли

¹ Особенно резонансным стал конфликт между полицейскими и мигрантами из Центральной Азии, произошедший на Красной площади Москвы 4 ноября 2023 г. (в День народного единства) [Ивахнюк, 2023].

² В данном случае речь идет о трех вариантах демографического прогноза до 2046 г., которые Росстат представил в октябре 2023 г.: а) «низкий», подразумевающий миграционный прирост около 150 тыс. человек в год; б) «средний» (базовый), на протяжении которого миграционный прирост закладывается в интервале 210–230 тыс. человек в год; в) «высокий» (оптимистический), в рамках которого предполагается миграционный прирост в 315–370 тыс. человек в год, а после 2033 г. ожидается его увеличение до 400 тыс. человек в год [Росстат представил три варианта ... , 2024].

переформатирование миграционных потоков на постсоветском пространстве и появятся ли новые страны – доноры трудовых мигрантов для России; смогут ли российские регионы найти баланс между обеспечением внутренней безопасности и реальными экономическими потребностями.

Эти и многие другие проблемные вопросы трудовой миграции в России до сих пор остаются открытыми. Ответ на них во многом определяется тем, удастся ли органам федеральной и региональной власти РФ не только выработать, но и своевременно реализовать взвешенную миграционную политику. Последняя должна быть направлена на решение внутренних экономических противоречий и минимизацию социальных рисков, а также на защиту национальных интересов российского общества и государства в мало предсказуемых условиях формирования новой конъюнктуры на международном рынке труда.

Список литературы

1. Буравцев А.В. Серый управленческий анализ // Перспективы Науки и Образования. – 2017. – № 5 (29). – URL: https://pnojurnal.files.wordpress.com/2017/08/pdf_170514.pdf (дата обращения 13.02.2024).
2. Бухарский В., Тирских Т., Галиева Г. Миграция населения РФ в 2023 г.: кадровый голод // Expert. – 2023. – 26.12. – URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2023/ (дата обращения 13.02.2024).
3. Варшавер Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 377–396.
4. Галас М.Л., Горошникова Т.А., Федорова И.Ю. Миграционный потенциал российских регионов и перспективы единого Евразийского рынка труда. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 225 с.
5. Горбунова Е. «Проблема номер один». Почему нехватку сотрудников в России больше не удастся решить за счет мигрантов // Фонтанка.ру. – 2023. – 22.09. – URL: <https://www.fontanka.ru/2023/09/22/72733598/> (дата обращения 13.02.2024).
6. Горошилова А. Россия планирует внедрить цифровые профили мигрантов в 2024 году // Коммерсантъ. – 2024. – 19.01. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6464109> (дата обращения 13.02.2024).
7. Жандарова И. Российские регионы вводят запреты на работу мигрантов с 2024 года // RG.RU. – 2023. – 19.11. – URL: <https://rg.ru/2023/11/19/reg-urfo/postavili-na-mestnyh.html> (дата обращения 13.02.2024).
8. Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // РСМД. – 2023. – 17.11. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения 13.02.2024).
9. Кислов А. Росстат: миграционный отток из новых регионов РФ составил 87,6 тыс. человек // Mail. Новости. – 2024. – 12.02. – URL: <https://news.mail.ru/society/59767802/?frommail=1> (дата обращения 13.02.2024).
10. Костенко Я. Приток трудовых мигрантов в Россию вырос в I квартале в 1,6 раза // Ведомости. – 2023. – 09.05. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros> (дата обращения 13.02.2024).
11. Красинец Е.С., Шевцова Т.В. Пандемия коронавируса и её воздействие на развитие трудовой миграции в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – 2022. – Ч. 1, вып. 17. – С. 895–898. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-i-eyo-vozdeystvie-na-razvitie-trudovoy-migratsii-v-rossii> (дата обращения 13.02.2024).
12. Нестерова А. Трудовая миграция и пандемия COVID-19: оценка последствий и меры по поддержке мигрантов // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3/4 (94/95). – С. 80–84. – URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2020-3-4/2020-3-4-nesterova> (дата обращения 13.02.2024).
13. Новые законы для мигрантов в России: изменения в миграционном законодательстве // Золотая Корона. CoronaPay. – 2024. – 17.01. – URL: <https://koronapay.com/about/blog/novye-zakony-dlya-migrantov-v-rossii-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve/> (дата обращения 13.02.2024).
14. Новый закон о миграции вступит в силу в 2024 году – МВД России // # Вместе Владимир. – URL: <https://vmestevladimir.lib33.ru/novyy-zakon-o-migratsii-vstupit-v-silu-v-2024-godu-mvd-rossii/> (дата обращения 13.02.2024).
15. Полетаев Д., Коробков А. Социальные проблемы мигрантов-иностранцев : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва : Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022. – 36 с. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43252/> (дата обращения 13.02.2024).

16. Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023) // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 24–49. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43666 (дата обращения 13.02.2024).
17. Путин поручил снизить отток россиян из страны // РБК. – 2023. – 12.05. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/05/2023/645e29229a7947b1774f7a66> (дата обращения 13.02.2024).
18. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 // РИА Новости. – 2023. – 13.02. – URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения 13.02.2024).
19. Росстат представил три варианта прогноза численности населения РФ к 2046 году // Интерфакс. – 2024. – 09.01. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (дата обращения 13.02.2024).
20. Росстат раскрыл, как изменилось количество россиян в 2023 году // РБК. Экономика. – 2024. – 26.01. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/01/2024/65b35c489a79472c59f28fe9> (дата обращения 13.02.2024).
21. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гневашева В.А. Международная миграция в период COVID-19 // Научный дайджест. – 2022. – № 2 (7). – URL: https://www.hse.ru/data/2022/02/25/1752487370/Human_Capital_NCMU_Digest_7_International_Migration_and_Covid-19_2022.pdf (дата обращения 13.02.2024).
22. Смирнов С.Н. Миграционная привлекательность регионов России // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 55–71. – URL: https://sns-journal.ru/site/assets/files/1309/2023_snsn_1_smirnov.pdf (дата обращения 13.02.2024).
23. Сколько в России мигрантов? // Золотая Корона. CoronaPay. – 2023. – 06.12. – URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiT4-GDu6-EAxVkGxAlHXxMBF0QFnoECBsQAQ&url=https%3A%2F%2Fkoronapay.com%2Fabout%2Fblog%2Fskolko-v-rossii-migrantov%2F&usg=AOvVaw2Dh5TBA3vvOLWlrfkkSWx&opi=89978449> (дата обращения 13.02.2024).
24. Троянова А. Великое переселение будущего: кто такие климатические мигранты // РБК Тренды. – 2021. – 03.06. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/60b0a6d59a794726b0de9e6d?from=copy> (дата обращения 13.02.2024).
25. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. – 2023. – 10 (4). – С. 69–85.
26. Эксперты составили рейтинг российских регионов, привлекательных для трудовых мигрантов // ТАСС. – 2023. – 20.02. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17090779> (дата обращения 13.02.2024).

LABOR MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS: TRENDS, POTENTIAL, PROSPECTS

Natalia Korovnikova

PhD (Polit. Sci.), Leading researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); natalia.kor@list.ru

Abstract. *This paper describes the transformation of labor migration in post-Soviet Russia. Pays particular attention to the current migration situation in the regions of the Russian Federation. On the one hand, makes sense of the Russian regions' migration potential in its methodological dimension. On the other hand, gives an empirical assessment of labor migration based on official statistics. Shows some arguments and conclusions regarding the risks and prospects for the development of migration processes in the regions of Russia in the foreseeable future.*

Keywords: *migration processes; migration potential; labor migration; Russia; regions.*

For citation: Korovnikova N. Labor migration in the Russian Federation regions: trends, potential, prospects // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N. 1. – P. 50–64.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 314.728

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОЦЕНКА ПОТОКОВ И ИХ СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Смирнов Сергей Николаевич

Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия;
sernsmirnov@mail.ru

***Аннотация.** Основные миграционные потоки в Российской Федерации формируются внутренними, или внутривостановыми мигрантами, доля которых в общей численности мигрантов в стране в 2022 г. составила 84,4% по числу прибытий и 93,8% по числу выбытий. Объемные и структурные показатели внутренней миграции во многом аналогичны показателям в других странах мира. Интенсивность миграции (доля мигрантов в общей численности населения различных возрастов) ожидается наиболее высока у лиц младших возрастных групп, у которых основным мотивом к переезду служит стремление получить качественное образование и перспективное в контексте карьеры и доходов рабочее место. По мере увеличения возраста интенсивность внутренней миграции сокращается до самого низкого уровня у лиц старше трудоспособного возраста. Важную роль при смене места жительства, помимо личных обстоятельств мигранта и его социально-демографических характеристик, играет уровень социально-экономического развития региона и его место в рейтингах регионов страны по показателям, характеризующим качество жизни. Регионы, занимающие высокие места в рейтингах, как правило, характеризуются наибольшим потоком прибывающих внутренних мигрантов. Возможности выезда из регионов с низкими рейтингами во многих случаях являются ограниченными для потенциальных внутренних мигрантов. Возрастная структура населения также влияет на интенсивность внутривостановой миграции: регионы с большей долей населения в трудоспособном возрасте в целом характеризуются большей интенсивностью переездов на новое место жительства в другие регионы. При*

этом, чем выше доля лиц старше трудоспособного возраста, тем в целом меньшая доля его населения переезжает на новое место жительства.

Ключевые слова: внутренняя миграция; регионы России; миграционные потоки; возраст мигрантов; региональный рейтинг качества жизни.

Для цитирования: Смирнов С.Н. Внутренняя миграция в Российской Федерации: оценка потоков и их структурных характеристик // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 65–83.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi:10.31249/snsn/2024.01.04

Рукопись поступила 01.02.2024

Принята к печати 20.02.2024

Введение: внутренняя миграция как неизбежность

Внутренняя, или внутристрановая миграция определяется как вид миграции, при котором постоянные жители страны переезжают из одного ее региона в другой, не пересекая границ государства. Внутренние мигранты остаются в стране постоянного проживания, стремясь сохранить привычную для них социальную и культурную среду. Кроме того, не для всех стран иммиграционный поток является желательным [Drew, 2023].

Внутренняя миграция является широко распространенным явлением. Так, в 61 стране мира, по которым имеются сопоставимые данные за 2018 г., 20% населения сменили свое место жительства на протяжении предыдущих пяти лет [Internal migration ... , 2019]. Не случайно поэтому, что вопросам внутренней миграции уделяется большое внимание в разных странах как с теоретической, так и с практической точек зрения. Результатами проведенных в последние годы исследований стали следующие положения.

Внутренняя миграция разделяется на внутрирегиональную и межрегиональную. К основным видам внутрирегиональной миграции относятся:

- миграция из сельской местности в города (урбанизация);
- миграция из городов в сельскую местность (дезурбанизация).

Межрегиональная миграция охватывает:

- сезонную миграцию;
- вынужденную миграцию, обусловленную климатическими причинами (например, из-за разрушительного урагана «Катрина» в августе 2005 г. многие жители Нового Орлеана были вынуждены покинуть свои дома и переехать в другие регионы США) или военными действиями (так, в ходе Специальной военной операции многие жители Украины переехали из восточных районов страны на западные ее территории вблизи границы с Польшей; в начале 2024 г. под риском вынужденной миграции оказались жители Белгородской области, проживающие на приграничных с Украиной территориях [Drew, 2023]);
- циклическую миграцию¹, при которой мигрант через определенный промежуток времени возвращается на прежнее место проживания.

¹ Маятниковая миграция, т.е. регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта (места жительства) в другой (на работу или учебу), относится преимущественно к внутрирегиональной.

Приведенная типология видов миграций не является исчерпывающей. Так, миграция из сельских поселений в города и в обратном направлении может быть как внутрирегиональной, так и межрегиональной. То же относится и к миграции, мотивом которой служит желание получить образование: учебные заведения, привлекательные для потенциального мигранта, могут находиться как в регионе его проживания, так и на других территориях страны [Internal migration ... , 2018].

В основе принятия потенциальным внутренним мигрантом решения о переезде могут лежать экономические и внеэкономические причины. Группировка драйверов внутренней миграции, их направление и последствия подробно рассмотрены в: [Green, 2019]. Автор указанной работы проанализировал отдельные драйверы внутренней миграции и степень их влияния на различные типы последней, в том числе переезды на дальние и близкие расстояния, а также циркулярные (включая маятниковые), или повторные миграции между местом проживания и местом работы внутреннего мигранта. К таким драйверам были отнесены: 1) демографические факторы; 2) макроэкономические факторы и состояние рынка труда; 3) изменения в технологиях; 4) социальные и внеэкономические соображения и 5) состояние других рынков (помимо рынка труда), действия органов управления и различных институциональных структур [Green, 2019].

Возраст внутренних мигрантов варьирует в разрезе причин миграции. Например, в Австралии в 2002–2019 гг. медианный возраст переехавших в целях получения образования составил 21 год, в поисках работы – 29 лет, по семейным причинам, а также для решения жилищных вопросов – 31 год, в более комфортную среду проживания – 35 лет, для изменения стиля жизни и по медицинским причинами – 38 лет. Медианный возраст вынужденных внутренних мигрантов составил 31 год [Bernard, Kalembe, 2022].

В некоторых случаях внутренние миграции могут рассматриваться как нежелательные. Так, в СССР существовал механизм прописки, затруднявший миграцию населения на постоянное жительство в крупные города с более высоким уровнем жизни и менее дефицитным товарным рынком (за исключением так называемого «оргнабора» рабочих на крупные промышленные предприятия). В Китае с 1950 г. действовала система регистрации «хуцзи», в соответствии с которой каждый житель имел один из двух статусов («хукоу») – либо городской, либо сельский, – и любые внутренние миграции из сел в города были невозможными. К настоящему времени эти ограничения значительно смягчены. Аналогичная система регистрации («хо-кхау») существовала и во Вьетнаме, но в 2017 г. она была во многом изменена. Однако последствия от воздействия этих жестких систем, прежде всего в части депривации мигрантов и их детей в доступе к образованию будут сказываться еще в течение длительного времени [Internal migration ... , 2018].

Направления исследований внутренних миграций и их влияния на экономическое развитие достаточно традиционны и, будучи определенными немногим менее полувека назад, они остаются практически теми же самыми. К ним относятся: 1) понимание реальной ситуации внутренними

мигрантами, их ожидания и имеющийся опыт; 2) характеристики самих внутренних мигрантов, возвратных внутренних мигрантов и категорий лиц, не относившихся к внутренним мигрантам; 3) значимость трудоустройства и ожидаемых доходов от занятости; 4) эластичность заработной платы и вероятности трудоустройства, вынужденная миграция и уровень безработицы в городах; 5) краткосрочные и долгосрочные социальные и экономические последствия внутренней миграции для территорий выезда внутренних мигрантов и принимающих территорий; 6) связь между внутренней миграцией и образовательным цензом и 7) связи между внутренней миграцией, распределением доходов и динамикой численности населения [Todaro, 1980]. Направления исследований внутренних миграций в России принципиально не отличаются от перечисленных, хотя и обладают некоторой спецификой, обусловленной прежде всего историческими и географическими особенностями страны.

Объемные и структурные характеристики внутренних мигрантов в Российской Федерации

Внутристрановая миграция в Российской Федерации анализируется с различных точек зрения. Интересны, в частности, сопоставления ее показателей с аналогичными показателями в других странах. Так, в работе [Карачурина, Мкртчян, 2017] по результатам проведенных расчетов, характеризующих внутреннюю миграцию в России и 18 зарубежных странах, был сделан важный вывод, что «внутренняя миграция в России не настолько низка, как долгое время было принято считать». Интенсивность миграции по этому показателю оказалась ниже, чем в странах-лидерах, не на порядки, а «примерно в 2 раза».

Другим направлением исследований является анализ межрегиональных потоков внутренних мигрантов. Автором данной статьи в 2023 г. была опубликована работа, в которой такого рода сопоставления проводятся в разрезе субъектов Российской Федерации. Однако при этом рассматривался общий поток мигрантов без выделения в нем отдельно потока именно внутренних мигрантов [Смирнов, 2023]. В настоящей статье, наряду с анализом некоторых структурных характеристик потоков внутренних мигрантов, предпринята попытка оценить их перемещения между макрорегионами страны, в качестве которых рассматриваются федеральные округа, а также между субъектами Российской Федерации. Источником информации для проведения расчетов послужили данные Федеральной службы государственной статистики (далее Росстат) за 2022 г. [Численность и миграция ... , 2023].

Общая величина потока внутренних мигрантов в стране в 2022 г. составила 3465,2 тыс. человек, в том числе переехавших в пределах региона своего первоначального проживания – 1644,2 тыс. человек, или 47,4%, и за его пределы – 1821 тыс. человек, или 52,6%. Из общей численности внутри-российских мигрантов 2396 тыс. человек, или 69,1%, выехали из городских поселений и 1069,2 тыс.

человек, или 30,9%, – из сельской местности [Численность и миграция ... , 2023]. Однако, как можно было предположить и до проведения расчетов, городские жители охвачены внутренней миграцией в меньшей степени, чем сельские. Дело в том, что при средней доле таких мигрантов в 2022 г. в общей численности населения страны 2,38%, в городах эта доля составила 2,18%, а в сельских поселениях – 2,91%, или на 1/3 больше. Это обусловлено меньшими в целом возможностями трудоустройства, худшими социально-бытовыми условиями, усложненным доступом к образованию и социальной инфраструктуре в сельских поселениях страны относительно ее городов. Неслучайно, что число выбывших из сельской местности внутренних мигрантов в 2022 г. превысило число прибывших на 49,7 тыс. человек (соответственно при обратном показателе в городах).

Интересным представляется тот факт, что при большей интенсивности миграции сельского населения в 2023 г. основная их часть, а именно 64,4%, мигрировала в пределах своего региона, в то время как 35,6% переезжали в другие регионы. В то же время в городах картина была практически прямо противоположной: только 39,9% мигрантов переезжали в своем регионе, а 60,1% покидали его пределы [Численность и миграция ... , 2023]. Иными словами, горожане, судя по этим данным, мигрировали на более дальние расстояния по сравнению с жителями сельских поселений.

Доля мужчин в общей численности внутренних мигрантов в 2022 г. составила 46,3%, а доля женщин – соответственно 53,7%. Иными словами, в расчете на 1 тыс. мигрировавших по России мужчин приходилось 1160 женщин. С учетом того обстоятельства, что в конце 2021 г. / начале 2022 г. в расчете на 1000 мужчин в стране приходилась 1151 женщина [Регионы России ... , 2022], правомерен вывод о практически одинаковой вовлеченности во внутреннюю миграцию мужчин и женщин.

Что касается возрастных характеристик внутренних мигрантов, то здесь имеются существенные различия (рис. 1).

Как и в других странах, внутренние миграции в России с большей интенсивностью осуществляют лица, находящиеся в трудоспособном возрасте. Индекс локализации, рассчитанный как отношение доли лиц данной возрастной группы в общей численности внутрироссийских мигрантов к их доле в общей численности населения, составил 1,19. Несколько ниже этот индекс оказался у детей (лиц младше трудоспособного возраста), составивший 1,13. Возможное объяснение может быть связано с тем, что часть мигрантов выезжают с территории, где они ранее проживали, без детей – с тем, чтобы обзавестись семьей и детьми уже после социально-экономического обустройства на новом месте постоянного жительства. Наконец, что вполне ожидаемо, в меньшей степени ориентированы на переезд лица старших возрастных групп, имеющие меньшие ресурсы времени и здоровья для переезда и обустройства вне прежней среды обитания (значение индекса локализации составило в данном случае 0,44).

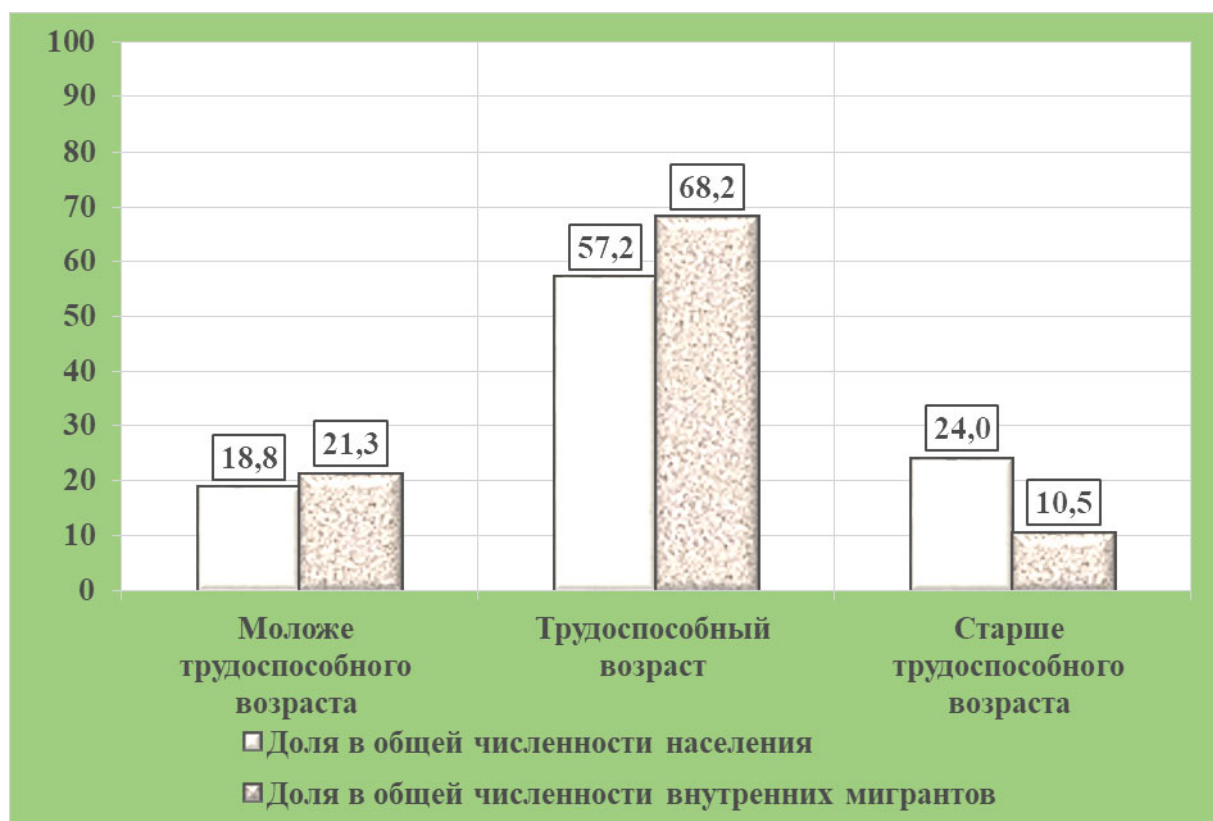

Рис. 1. Доли основных возрастных групп в общей численности населения Российской Федерации и общей численности внутренних мигрантов в 2022 г.

Источник. Рассчитано автором по: [Регионы России ... , 2022; Численность и миграция ... , 2023].

Относительная интенсивность внутренней миграции в разрезе пятилетних возрастных групп населения представлена на рисунке 2.

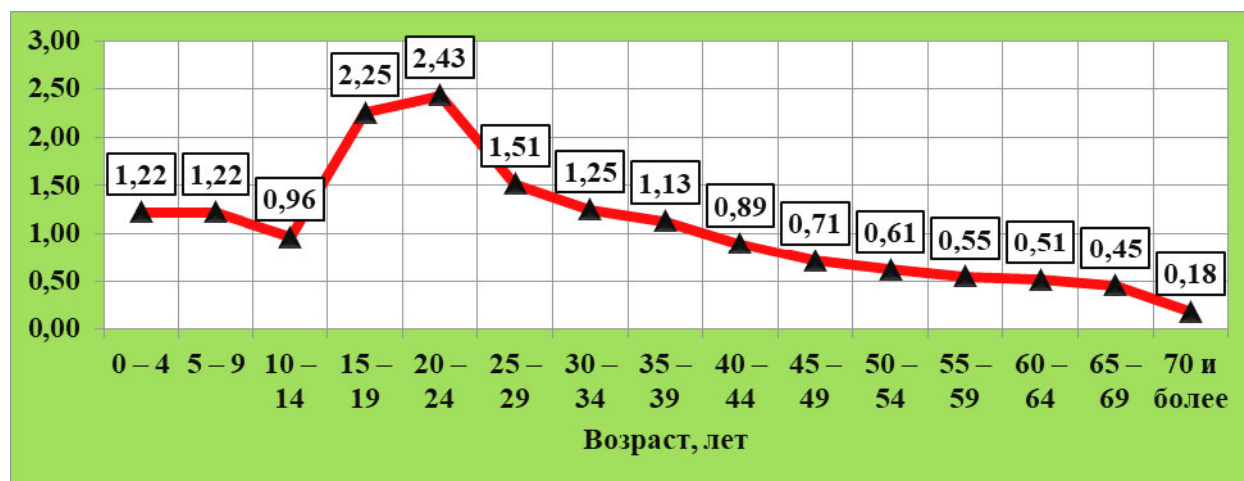

Рис. 2. Индекс локализации внутренней миграции в Российской Федерации в 2022 г. (отношение доли населения возрастной группы в общей численности населения к доле внутренних мигрантов возрастной группы в общей численности внутренних мигрантов)

Источник. Рассчитано автором по: [Российский статистический ... , 2022].

Видно, что феномен внутренней миграции в 2022 г. был наиболее характерным для лиц в возрасте от 15 до 24 лет, когда мигрант фактически выбирает свой жизненный путь – варианты получения профессионального образования и первичного трудоустройства в ходе обучения или после его завершения. В дальнейшем интенсивность миграции хотя и оставалась достаточно высокой, но постепенно снижалась к возрастной группе 35–39 лет. В следующей возрастной группе 40–44 лет индекс локализации оказался уже меньше единицы, и в дальнейшем продолжал свое устойчивое снижение. В возрастной группе 70 лет и старше, когда практически все социальные и бытовые проблемы у большинства жителей уже решены (мы не говорим здесь о качестве этих решений), внутренние миграции ожидаемо были малораспространенным явлением.

Еще одним показателем, характеризующим структуру внутристрановых мигрантов, является их временная привязанность к предыдущему месту постоянного проживания. В их структуре доминируют лица, не впервые меняющие место жительства в стране: в 2022 г. в расчете на одного мигранта, впервые приехавшего на новое место жительства, приходилось в среднем 2,9 мигранта, проживавших на прежнем месте жительства не с момента рождения. В свою очередь, в структуре тех, кто, как минимум, второй раз переехал с прежнего места жительства, 43,1% составили те, кто жил там до переезда не менее 10 лет, 21,5% – от 5 до 9 лет, 18,6% – от 2 до 4 лет и 16,8% – 1 год. Иными словами, более 1/3 внутренних мигрантов в большинстве своем, скорее всего, не смогли решить своих социально-экономических и бытовых проблем на прежнем месте постоянного жительства [Численность и миграция ... , 2023].

Более 1/4 внутренних мигрантов в России в 2022 г. составили лица с высоким образовательным цензом, которые имели высшее и незаконченное высшее образование. Практически такая же доля оказалось и у граждан со средним профессиональным образованием (рис. 3).

Внутренняя миграция в стране является смешанной: в ней участвуют как семьи, так и холостые граждане. В 2022 г. в структуре выбывших в возрасте до 14 лет доля лиц, имевших семьи, составила 40,9% общего числа внутристрановых мигрантов, что лишь немногим уступает совокупной доле холостяков (никогда не состоявшие в браке, вдовы и разведенные), составившей 48,1% (еще 11% не сообщили о своем семейном положении). Анализируя миграции семейных граждан, следует учитывать их специфику. Если семья переезжает в полном составе, то всех ее членов – супругов и взрослых (старше 14 лет) детей относят к семейным гражданам. При этом мотив их переезда деперсонифицируется: он является одним и тем же для всех членов семьи.

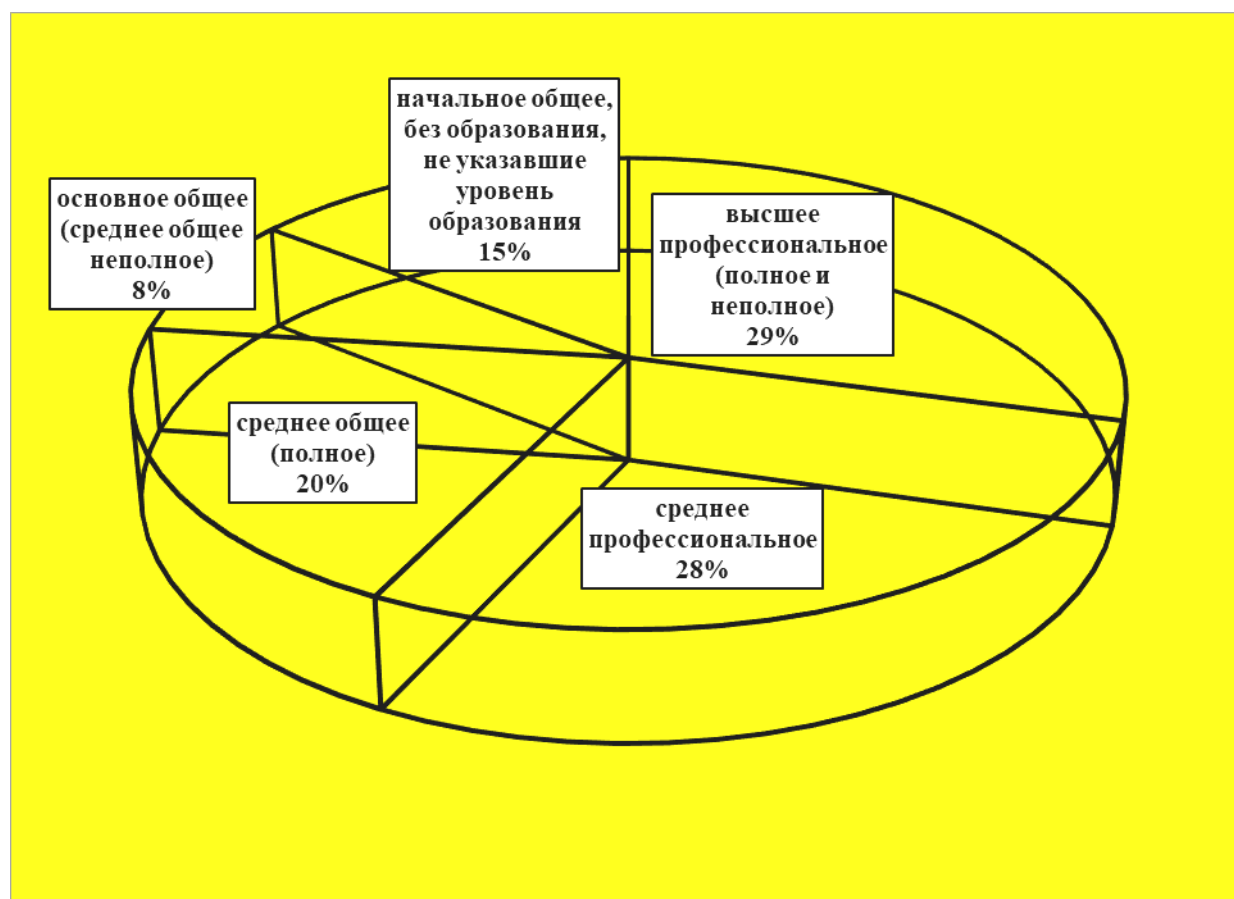

Рис. 3. Образовательный ценз внутренних мигрантов в Российской Федерации в 2022 г.

Источник. Рассчитано автором по: [Российский статистический ..., 2022; Численность и миграция ..., 2023].

В 2022 г. причины переезда с прежнего места жительства внутренних мигрантов заметно отличались от таковых у внешних мигрантов, покинувших Российскую Федерацию (табл. 1).

Таблица 1

Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше в Российской Федерации по причинам выбытия с места жительства в 2022 г., %

Причина выбытия	Внутренняя миграция	Международная миграция
Всего, в том числе:	100	100
– в связи с учебой	7,99	0,03
– в связи с работой	7,69	0,14
– возвращение к прежнему месту жительства	2,20	0,09
– из-за обострения межнациональных отношений	0,05	0,00
– из-за обострения криминогенной обстановки	0,03	0,00
– экологическое неблагополучие	0,20	0,00
– несоответствие природно-климатическим условиям	0,28	0,00
– причины личного, семейного характера	34,51	0,61
– иные причины	13,52	0,07
– возвратились после временного отсутствия	27,22	98,81
– причина не указана	6,35	0,25

Источник. Рассчитано автором по: [Численность и миграция ..., 2023].

Из таблицы видно, что если причины выезда из страны внешних мигрантов в возрасте 14 лет и старше носили моноподвиженный характер (практически все они в 2022 г. возвращались в страны своего постоянного проживания, по-видимому, после трудовой деятельности в России), то причины перемещения внутренних мигрантов существенно разнообразнее. Можно отметить, что более 15% их выехали с целями, которые могут быть отнесены к «активным», а именно в целях учебы и на работу, в то время как среди международных мигрантов таковых оказалось всего 0,17%, или на два порядка меньше. На место постоянного жительства выехали или после временного отсутствия в регионе постоянного пребывания переместились в совокупности 29,42% внутренних мигрантов.

В числе иных причин выезда из региона (13,52% всех внутренних мигрантов) основной являлось приобретение различными способами жилья – покупкой, наследованием и т.п. (85,6% указавших такие причины).

Региональный срез внутренней миграции

В 2022 г., как и в предыдущие годы, регионы субфедерального уровня разделялись на две основные группы: соответственно, с положительным и с отрицательным сальдо внутренней миграции. При этом число первых (16) оказалось более, чем в 4 раза меньше числа вторых (69). Более того, из 16 регионов первой группы с общим приростом населения за счет внутренней миграции 197,6 тыс. человек более 4/5 этого прироста обеспечили всего три региона – Москва, Московская и Ленинградская области. «Ландшафт» регионов с отрицательным приростом населения за счет внутривострановой миграции выглядит иначе: в этой группе не оказалось территорий, доминирующих по значению рассматриваемого показателя. При средней величине отрицательного сальдо миграции 2,9 тыс. человек, на девять регионов, в которых оно превысило 5 тыс. человек (Оренбургская, Иркутская, Омская, Кемеровская, Белгородская, Ростовская, Саратовская области, Забайкальский край и Чеченская Республика), пришлось всего менее 1/3 отрицательного сальдо внутренней миграции (рассчитано по: [Численность и миграция ... , 2023]).

Практически та же ситуация наблюдается и в федеральных округах (ФО). Только в двух из восьми, а именно: в Центральном ФО и Северо-Западном ФО прирост населения за счет внутренней миграции в 2022 г. оказался заметным, составив соответственно 91,8 и 21,1 тыс. человек. В Южном ФО он находился практически на нулевом уровне (прирост составил 113 чел.), в то время как в остальных пяти прирост был отрицательным. Суммарный отток населения из них за счет внутренней миграции составил 112,9 тыс. человек, в том числе из Сибирского ФО – 32,8 тыс. человек (29% всего оттока), Приволжского ФО – 32 тыс. человек (28,3%) и Дальневосточного ФО – 24,4 тыс. человек (21,6%).

Российские регионы заметно различаются между собой по соотношению выехавших на другое место жительства в одном и том же регионе и переместившихся в другие субъекты Российской

Федерации. Среднее его значение в стране в 2022 г. составило 0,90 (т.е. в расчете на одного внутреннего мигранта, который остался в «своем» регионе, приходилось 0,9 человек, выехавших за его пределы). В региональном разрезе расхождение достигает почти 23 раз: если в Пермском крае это соотношение составило 2,40, то в Москве – всего 0,11. В число регионов с наиболее высокими значениями данного показателя входили также Республика Башкортостан, где оно оказалось равным 2,18, Республика Татарстан (2,11) и Кировская область (2,10), а с наиболее низкими – Республика Северная Осетия-Алания (0,18), Чукотский АО (0,28) и Еврейская автономная область (0,33). Всего количество оставшихся в регионе оказалось больше выехавших из него в 45 субъектах Российской Федерации. Рассчитано по: [Численность и миграция ... , 2023].

Регионы отличаются друг от друга и по возрастной структуре межрегиональных мигрантов (т.е. тех, кто переезжал из одного региона в другой). В целом в структуре выехавших из региона прежнего проживания в другие регионы России доли лиц в трудоспособном возрасте, моложе и старше трудоспособного возраста в 2022 г. составили соответственно 69,8%, 19,8% и 10,4%. При этом доли первых различались в 1,2 раза, варьируя от 64,1% в Республике Адыгея до 76,4% в Томской области, вторых – в 2,2 раза (от 13,6% в Чукотском АО до 30,5% в Республике Ингушетия) и третьих – в 4 раза (от 4,8% в Республике Ингушетия до 19,4% в Ямало-Ненецком АО). Рассчитано по: [Численность и миграция..., 2023].

Доля в общем числе внутренних мигрантов внутрирегиональных (т.е. тех, кто родился в том же субъекте Российской Федерации, откуда прибыл) составила в 2022 г. в стране в целом 25,8%, в то время как межрегиональных (т.е. проживавших там не с момента рождения) – соответственно 74,2%. В региональном разрезе эти доли заметно варьировали (рис. 4).

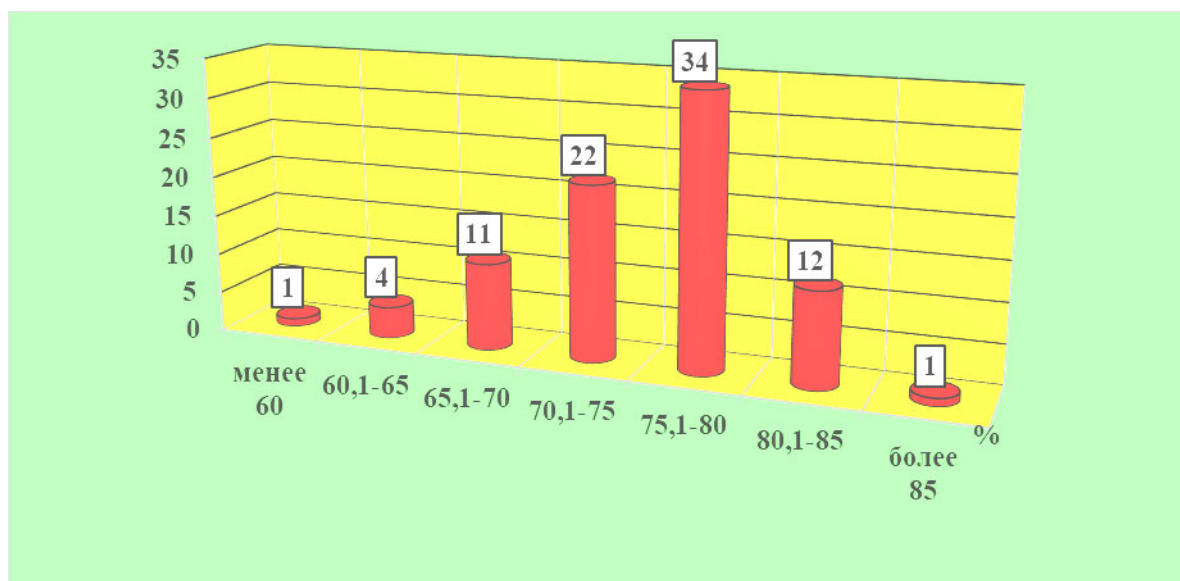

Рис. 4. Распределение регионов субфедерального уровня в 2022 г. по доле мигрантов, проживавших в них не с момента рождения

Источник. Рассчитано автором по: [Численность и миграция ... , 2023].

Судя по имеющимся данным, наиболее комфортными для проживания внутренних мигрантов оказались г. Москва, Орловская область и Республика Мордовия: доли межрегиональных мигрантов (т.е. не родившихся там) в общем числе прибывших из них в 2022 г. составили соответственно 59,5%, 64,0% и 64,3%, что заметно ниже среднего показателя по стране. На другом «полюсе» находились регионы с самыми высокими долями данной категории мигрантов – Республика Тыва (89,3%), Амурская область (83,1%), Республика Алтай (83,0%), Тюменская область (82,8%), Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО (по 82,5%), а также Камчатский край (82,4%). Таким образом, разрыв между максимальным и минимальным значениями показателя составил полтора раза.

Миграционная подвижность населения страны также сильно варьирует в региональном разрезе. При упоминавшейся выше общей доле внутристрановых мигрантов в общей численности населения России – 2,38%, разрыв между максимальной (9,16% в Чукотском АО) и минимальной (1,16% в Чеченской Республике) долями переехавших в 2022 г. превысил 8 раз. Однако построенное интервальное распределение регионов (рис. 5) показало, что более половины их общего числа (43 из 85) располагаются в интервале значений долей от 2,0% до 3,0%, т.е. незначительно отличаются от среднего по стране значения этого показателя.

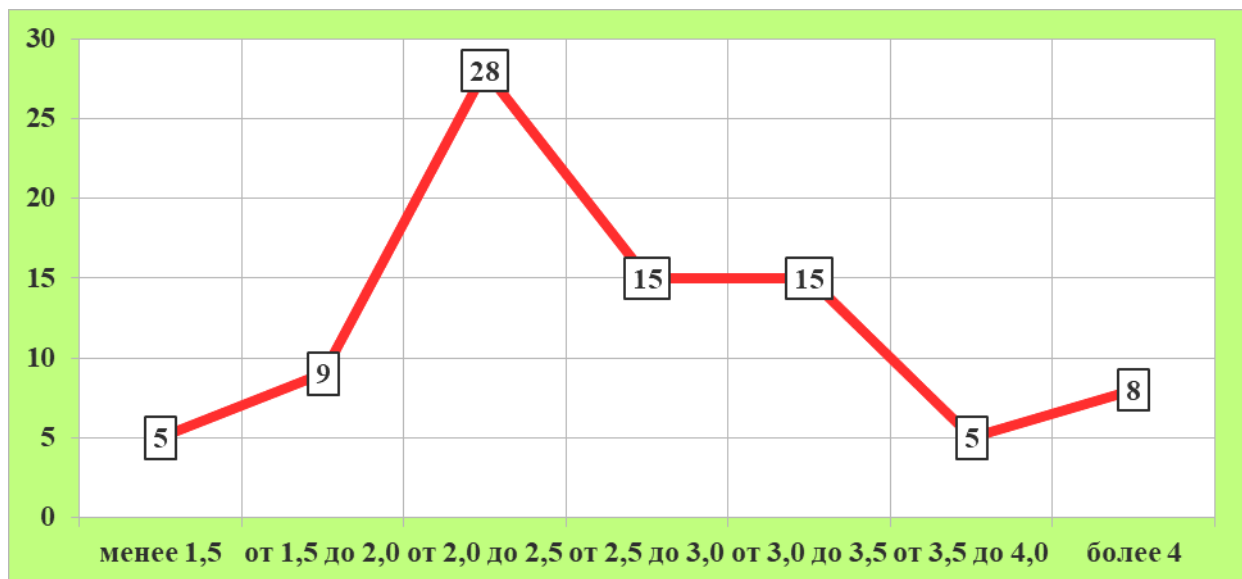

Рис. 5. Распределение регионов субъекта федерального уровня в 2022 г. по доле внутристрановых мигрантов в общей численности населения

Источник. Рассчитано автором по: [Численность и миграция ... , 2023; Регионы России ... , 2023].

Рейтинг регионов и внутренняя миграция

Как было показано выше, причины внутренней миграции различны. В целом они разделяются на две крупные группы: личные, связанные с теми или иными семейными обстоятельствами, и обусловленные в конечном счете экономическими причинами (для работы или получения образования как предпосылки последующего трудоустройства на перспективные с точки зрения профес-

сионального и карьерного роста рабочие места). В последнем случае при выборе территории для переезда важны его социально-экономические показатели, насколько они благоприятны для мигранта из другого региона или, напротив, побуждают его жителя переехать в другие регионы страны.

Социально-экономические рейтинги субъектов Российской Федерации разрабатываются на регулярной основе. Например, РИА «Новости» ежегодно составляет «Рейтинг российских регионов по качеству жизни». Для этого используются объединенные в 11 групп 67 показателей, которые характеризуют различные аспекты социально-экономической ситуации в регионе (уровень экономического развития, доходы населения, рынок труда, социальная и транспортная инфраструктура, экологическая ситуация и др.). Исходная для расчета рейтинга информация представлена в открытых базах данных Росстата, Минздрава, Минфина, Центробанка и других ведомств. Значение рейтингового балла региона, используемого при формировании общего рейтинга изменяется в интервале от 1 до 100 [Рейтинг ... , 2023]. В приводимой ниже таблице 2 сопоставлены места регионов субфедерального уровня в рейтинге, разработанном РИА «Новости», с долями в общем числе прибывших из других регионов страны мигрантов (чем выше доля, тем выше место региона) и выбывших в другие регионы в общей численности населения региона (чем ниже доля, тем выше место региона).

Таблица 2

Сопоставление мест субъектов РФ в рейтинге качества жизни и в общем числе внутренних мигрантов в 2022 г.

Регион	Место			Модуль разности мест	
	В рейтинге качества жизни	По доле в общем числе прибывших из других регионов	По доле в числе выбывших в другие регионы в численности населения региона	рейтинга качества жизни и общего числа прибывших из других регионов (гр. 2 – гр. 3)	рейтинга качества жизни и доле числа выбывших в другие регионы в численности населения региона (гр. 2 – гр. 4)
1	2	3	4	5	6
г. Москва	1	1	6	0	5
г. Санкт-Петербург	2	3	56	1	54
Московская область	3	2	53	1	50
Республика Татарстан	4	13	12	9	8
Краснодарский край	5	4	23	1	18
Белгородская область	6	43	27	37	21
Ленинградская область	7	5	70	2	63
Калининградская область	8	26	62	18	54
Ханты-Мансийский АО – Югра	9	8	69	1	60
Самарская область	10	18	7	8	3
Воронежская область	11	17	22	6	11
Нижегородская область	12	19	9	7	3
Калужская область	13	28	57	15	44
Свердловская область	14	11	14	3	0
Ростовская область	15	9	24	6	9
Тюменская область	16	34	40	18	24
Ямало-Ненецкий АО	17	30	81	13	64
Липецкая область	18	55	33	37	15
Тульская область	19	35	28	16	9

1	2	3	4	5	6
Республика Башкортостан	20	6	59	14	39
Новосибирская область	21	14	15	7	6
Республика Адыгея	22	44	52	22	30
Курская область	23	50	41	27	18
Челябинская область	24	12	30	12	6
Ставропольский край	25	10	29	15	4
г. Севастополь	26	24	58	2	32
Рязанская область	27	42	46	15	19
Чувашская Республика	28	48	50	20	22
Ярославская область	29	38	32	9	3
Хабаровский край	30	27	61	3	31
Сахалинская область	31	73	55	42	24
Ульяновская область	32	57	10	25	22
Оренбургская область	33	36	36	3	3
Пензенская область	34	59	8	25	26
Мурманская область	35	25	76	10	41
Владимирская область	36	37	25	1	11
Красноярский край	37	7	75	30	38
Брянская область	38	51	39	13	1
Орловская область	39	76	13	37	26
Камчатский край	40	71	65	31	25
Удмуртская Республика	41	46	43	5	2
Волгоградская область	42	16	20	26	22
Приморский край	43	29	68	14	25
Саратовская область	44	23	17	21	27
Республика Крым	45	22	18	23	27
Ивановская область	46	56	37	10	9
Пермский край	47	33	42	14	5
Тамбовская область	48	60	16	12	32
Томская область	49	52	35	3	14
Смоленская область	50	54	51	4	1
Магаданская область	51	83	82	32	31
Новгородская область	52	63	63	11	11
Республика Мордовия	53	67	34	14	19
Тверская область	54	32	45	22	9
Республика Марий Эл	55	68	54	13	1
Псковская область	56	61	70	5	14
Вологодская область	57	65	11	8	46
Кемеровская область	58	20	26	38	32
Костромская область	59	72	44	23	15
Иркутская область	60	31	21	29	39
Республика Хакасия	61	58	74	3	13
Омская область	62	39	31	23	31
Кировская область	63	40	72	23	9
Алтайский край	64	21	48	43	16
Кабардино-Балкарская Респуб- лика	65	75	2	63	63
Астраханская область	66	64	19	47	47
Чеченская Республика	67	69	1	2	66
Республика Дагестан	68	15	4	53	64
Республика Коми	69	49	73	20	4
Чукотский АО	70	82	85	12	15
Республика Саха (Якутия)	71	47	79	24	8
Амурская область	72	62	66	10	6
Республика Карелия	73	70	47	3	26
Республика Северная Осетия – Алания	74	79	5	5	69
Ненецкий автономный округ	75	85	80	10	5

1	2	3	4	5	6
Архангельская область	76	41	64	35	12
Курганская область	77	53	67	24	10
Республика Калмыкия	78	74	83	4	5
Республика Алтай	79	81	84	2	5
Карачаево-Черкесская Республика	80	78	38	2	42
Республика Бурятия	81	45	78	36	3
Забайкальский край	82	66	49	16	33
Еврейская автономная область	83	84	60	1	23
Республика Ингушетия	84	77	3	7	81
Республика Тыва	85	80	77	5	8
Сумма модулей разностей	-	-	-	1362	1987
Среднее отклонение мест	-	-	-	16,0	23,

Источник. Рассчитано автором по: [Рейтинг ... , 2023; Численность и миграция ... , 2023].

Еще до проведения расчетов было видно, что, во-первых, скорее всего существует прямая связь между рейтингом качества жизни в регионах и их долей в общем числе прибывших внутренних мигрантов. Во-вторых, эта связь вряд ли могла оказаться слишком тесной: модуль разности между местами регионов во многих случаях достаточно велик. Так, в 26 регионах его значения оказались больше 20. Однако, с другой стороны, в 24 регионах они были относительно небольшими и не превысили 5. Результат расчета линейного коэффициента корреляции Пирсона, который составил 0,6981 (определения доверительного интервала в данном случае не требовалось, поскольку мы имели дело с генеральной совокупностью наблюдений), подтвердил оба высказанных предположения.

Можно также обратить внимание и на то обстоятельство, что четыре из пяти регионов-лидеров в рейтинге качества жизни, а именно, Москва, Санкт-Петербург, Московская область и Краснодарский край вошли в число пяти регионов, которые в 2022 г. оказались наиболее привлекательными для внутренних мигрантов. На пятом месте в этой группе оказалась Ленинградская область, находившаяся в рейтинге качества жизни на седьмом месте. Однако аналогичной ситуации среди регионов-аутсайдеров не наблюдалось: только Еврейская автономная область, находившаяся в рейтинге качества жизни на 83-м месте, оказалась практически там же (84-е место) по числу прибывших внутренних мигрантов. Близка к этому оказалась еще только Республика Тыва (последнее, 85-е место в рейтинге качества жизни и 80-е место по количеству мигрантов).

Корреляционная связь между рейтингом качества жизни в регионах и долей числа выбывших в другие регионы в общей численности населения региона, определяемая по коэффициенту корреляции Пирсона, хотя и была положительной, но ожидаемо оказалась слабее, составив 0,2319. Эта величина в 3 раза меньше, чем в случае соотношения мест в рейтинге качества жизни и долей региона в общем числе прибывших из других регионов внутренних мигрантов. Иными словами, фактор качества жизни оказывает более заметное влияние на стремление внутренних мигрантов

приехать в регионы с более высокими рейтингами, чем на их возможности покинуть регионы с более низкими рейтингами.

Слово «возможности» использовано не случайно. Понятно, что на переезд из региона с не-высоким местом в рейтинге качества жизни влияет не только дискомфорт в месте постоянного проживания, но и множество других факторов, которые носят прежде всего личный характер. На уровне региона в целом они могут быть сведены в некоторые обобщающие показатели. Так, например, разумно оценить влияние на выезд из региона возрастной структуры его населения. Проверялась гипотеза, что чем выше средний возраст населения региона, тем выше доля внутристрановых мигрантов, которые покидают регион. Проведенные расчеты ее не подтвердили. Полученное значение коэффициента корреляции, составившее -0,2086, позволило сделать логичный вывод, что чем выше средний возраст населения региона, тем ниже доля внутристрановых мигрантов, которые его покидают. Таким образом, влияние среднего возраста населения региона на поток выезжающих внутренних мигрантов незначительно. Возможно, относительно невысокое значение коэффициента корреляции связано с тем, что абсолютные разрывы между средними возрастами населения различных регионов не очень велики. При среднем возрасте населения страны (на 1 января 2022 г.) 40,48 лет – в 25 субъектах Российской Федерации он отличается не более, чем на 1 год, находясь в интервале от 39,48 до 41,48 лет [Численность населения ... , 2022].

Гипотеза о возможном влиянии возрастной структуры населения региона на интенсивность внутренней миграции была также проверена иным способом. Были рассчитаны коэффициенты корреляции между долями населения в трех различных макровозрастных группах (лица младше и старше трудоспособного возраста, а также находящиеся в трудоспособном возрасте) и долей внутристрановых мигрантов различных категорий в общей численности населения региона. Результаты, которые были получены с использованием данных [Численность населения ... , 2022], оказались во многом достаточно предсказуемыми (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между возрастной структурой населения в регионе и интенсивностью внутристрановой миграции в 2022 г.

Возрастная группа	Коэффициенты корреляции в разрезе групп внутренних мигрантов		
	Все внутренние мигранты	В том числе:	
		внутри региона	в другие регионы
Младше трудоспособного возраста	0,0922	0,1551	0,0170
В трудоспособном возрасте	0,2384	-0,0181	0,3257
Старше трудоспособного возраста	-0,3476	-0,1754	-0,3392

Источник. Рассчитано автором по: [Численность и миграция ... , 2023; Численность населения ... , 2022].

По результатам расчетов оказалось, что в пяти из девяти случаев зависимость между долей в структуре населения региона лиц определенной возрастной группы (по отношению к трудоспо-

собному возрасту) и долей внутренних мигрантов в общей численности населения региона прямая: чем выше первая доля, тем выше вторая. При относительно невысоких значениях коэффициента корреляции, наиболее тесная связь по данным расчетам зафиксирована в 2022 г. у населения трудоспособного возраста, причем в части межрегиональной миграции (по-видимому, во многих случаях в силу исчерпания экономических возможностей на территории региона прежнего проживания).

В остальных четырех случаях корреляция оказалась отрицательной, причем в трех случаях это относилось к лицам старше трудоспособного возраста. Такой результат является достаточно логичным и в целом соответствует данным, которые представлены на рисунке 2 (снижение индекса локализации феномена внутренней миграции по мере увеличения возраста). В данном случае оказалось, что чем выше в регионе доля лиц старше трудоспособного возраста, тем оно менее подвижно с точки зрения внутренней миграции.

Тем не менее имеет смысл обратить внимание, что все рассчитанные значения коэффициентов корреляции относительно невелики и скорее свидетельствуют о наличии такой связи, но не объясняют феномен внутренней миграции в целом. Анализ других факторов внутристрановых перемещений населения, помимо рассмотренных в данной статье рейтингов качества жизни и возрастной структуры населения, может составить предмет будущих исследований.

Заключение

Статистика внутренних миграций, разрабатываемая Росстатом, позволяет всесторонне охарактеризовать объемные и структурные характеристики внутренней миграции в Российской Федерации. Проведенные с использованием публикуемых данных за 2022 г. расчеты показали, что страна в ряде случаев находится в общемировом тренде внутристрановой миграции.

Так, интенсивность миграции (доля мигрантов в общей численности населения различных возрастов) наиболее высока у лиц младших возрастных групп, мотивируемых к переезду стремлением получить качественное образование и перспективное рабочее место. В дальнейшем она постепенно снижается к самым низким показателям у лиц, которые вышли за пределы трудоспособного возраста.

Помимо возрастных и иных социально-демографических характеристик и личных обстоятельств внутреннего мигранта, важную роль при смене места жительства играют уровень социально-экономического развития региона – субъекта Российской Федерации и его место в рейтинге регионов по соответствующим показателям. Регионы, занимающие наиболее высокие места в рейтинге качества жизни, как правило характеризуются наибольшим потоком прибывающих внутренних мигрантов. С другой стороны, возможности выезда из регионов с низкими рейтингами во многих случаях являются ограниченными для потенциальных внутренних мигрантов.

Возрастная структура населения также влияет на интенсивность внутристрановой миграции. Регионы с большей долей населения в трудоспособном возрасте в целом характеризуются большей интенсивностью переездов на новое место жительства (прежде всего в другие регионы). Верно и обратное: чем больше в составе населения региона лиц старше трудоспособного населения, тем в целом меньшая доля его населения переезжает на новое место жительства.

Список литературы

1. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Moscow University Bulletin. Series 5: Geography. – 2017. – N 2. – P. 74–80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-dolgovremennaya-migratsiya-naseleniya-v-rossii-i-drugih-stranah> (дата обращения 14.11.2023).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения 23.11.2023).
3. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 // РИА Новости. Инфографика. – 2023. – 13.02. – URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения 05.12.2023).
4. Российский статистический ежегодник. 2022. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejgodnik_2022.pdf (дата обращения 23.11.2023).
5. Смирнов С.Н. Миграционная привлекательность регионов России // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 55–71.
6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году. Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 13.11.2023).
7. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (статистический бюллетень) / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения 11.12.2023).
8. Bernard A., Kalembe S. Internal migration and the de-standardization of the life course: A sequence analysis of reasons for migrating // Demographic Research. – 2022. – Vol. 46. – P. 337–354. – URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol46/12/46-12.pdf> (дата обращения 09.11.2023).
9. Drew C. 15 Internal Migration Examples (Interregional and Intraregional) // HelpfulProfessor.com. – 2023. – 09.07. – URL: <https://helpfulprofessor.com/internal-migration-examples/> (дата обращения 06.11.2023).
10. Green A. Understanding the drivers of internal migration // Internal Migration in the Developed World. Are we becoming less mobile? / Ed. by T. Champion, T. Cooke, I. Shuttleworth. – London : Routledge, 2019. – URL: https://blog.bham.ac.uk/cityredi/wp-content/uploads/sites/15/2017/11/Chapter-2_Pre-published-AG-understanding-drivers-of-internal-migration-3.pdf (дата обращения 13.11.2023).
11. Internal migration // Global education monitoring report, 2019: Migration, displacement and education: building bridges, not walls. – UNESCO Publishing, 2018. – P. 11–31. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265866.page=33> (дата обращения 09.11.2023).
12. Todaro M. Internal Migration in Developing Countries: A Survey / Population and Economic Change in Developing Countries ; Ed. R.A. Easterlin. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – URL: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c9668/c9668.pdf> (дата обращения 13.11.2023).

INTERNAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ASSESSMENT OF FLOWS AND THEIR STRUCTURAL CHARACTERISTICS

Sergey Smirnov

DrS (Econ. Sci.), Senior Researcher at the Economics Department of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia;
sernsmirnov@mail.ru

Abstract. *The main migration flows in the Russian Federation are formed by internal or intra-country migrants, whose share in the total number of migrants in the country in 2022 amounted to 84,4% in terms of arrivals and 93,8% in terms of departures. The volume and structural indicators of internal*

migration are largely similar to those in other countries. The intensity of migration (the share of migrants in the total population of different ages) is expected to be highest among younger age groups, whose main motive for moving is the desire to get a high-quality education and a promising job in the context of career and income. As the age increases, the intensity of internal migration decreases to the lowest level among older people of working age. An important role in changing the place of residence, in addition to the personal circumstances of the migrant and his socio-demographic characteristics, is played by the level of socio-economic development of the region, its place in the ranking of the regions of the country according to indicators characterizing the quality of life. The regions that occupy high places in the rankings are usually characterized by the largest flow of incoming internal migrants. Opportunities to leave regions with low ratings are in many cases limited for potential internal migrants. The age structure of the population also affects the intensity of intra-country migration: regions with a larger proportion of the working-age population are generally characterized by a higher intensity of relocation to a new place of residence in other regions. At the same time, the higher the proportion of people older than the working-age population, the generally smaller proportion of its population moves to a new place of residence.

Keywords: *internal migration; regions of Russia; migration flows; intensity of migration; age of migrants; rating of the quality of life in the regions.*

For citation: Smirnov S.N. Internal migration in the Russian Federation: assessment of flows and their structural characteristics // Social Novalties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 65–83.

УДК 314.72(581)+331.5+332.14

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН: ТЕНДЕНЦИИ, ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ КОНТРОЛЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Норик Борис Вячеславович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела истории Востока Института востоковедения РАН (ИВ
РАН), научный сотрудник Центра междисциплинарных исследо-
ваний Института научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; boris.norik@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются не получившие должного отражения в отечественной научной литературе процессы внутренней миграции в Исламской Республике Иран. Отмечается, что за последние 50 лет они значительно изменились под влиянием экономических, социальных, культурных, демографических и прочих факторов. Эти изменения привели к нежелательным трансформациям структуры расселения и нарушению демографического баланса страны. Сохранение существующих тенденций грозит усилением дисбаланса в территориальном распределении населения и экономической деятельности с тяжелыми социально-экономическими последствиями. Иранскими специалистами предлагается целый ряд стратегий по разрешению возникшего кризиса, однако возможности их реализации представляются проблематичными. Актуальность работы обусловлена необходимостью мониторинга внутреннего положения в стране, выступающей в роли одного из ведущих игроков на ближневосточном поле, а также являющейся перспективным стратегическим партнером России.*

***Ключевые слова:** Исламская Республика Иран; урбанизация; внутренняя миграция; криминальная миграция; стратегии миграционной политики.*

***Для цитирования:** Норик Б.В. Внутренняя миграция в Исламской Республике Иран: тенденции, причины и возможные стратегии контроля миграционных процессов // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 84–100.*

URL <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi 10.31249/snsn/2024.01.05

Рукопись поступила 07.02.2024

Принята к печати 20.02.2024

Введение

Существование на территории Ирана племен с кочевым образом жизни обуславливает достаточно активное перемещение населения внутри страны. При этом современные формы миграции, прежде всего массовые перемещения людей из сельской местности в города, появились здесь сравнительно недавно и помимо иных причин были связаны с сельским перенаселением (при ограниченных природных ресурсах сельских территорий для обеспечения жизнедеятельности). И хотя некоторые иранские исследователи относят начало трансформации миграционного процесса в Иране к сефевидской эпохе (1502–1736) – времени повышения роли городских цеховых организаций и снижения значения сельских общин, подлинные изменения начались в XX столетии, когда после конституционной революции 1905–1911 гг. господствовавший в Иране кочевой уклад начал отходить на второй план и на политической арене страны в качестве властной силы появились горожане и городская буржуазия. Этот период считается переходной фазой, связывающей развитие иранского города в прошлом и настоящем.

Укрепление позиций города продолжилось в период правления Реза-шаха Пехлеви (1925–1941) благодаря развитию капиталистических отношений в стране, модернизации экономики и усилению в ней роли нефти. Серьезным фактором процесса урбанизации стала политика перевода кочевых племен к оседлости (*тахте-капу*)¹, когда каждому племени вменялось в обязанность отсылать в города определенное количество детей для получения школьного образования – многие из них по окончании школы оставались в городе. Притягательные стороны городского общества открывались и солдатам-срочникам, часть которых после завершения службы перебиралась в города.

¹ В настоящее время отмечается тенденция к вынужденной урбанизации племен, численность которых на 2019 г. насчитывала ок. 1,5 млн человек (300 тыс. домохозяйств). Этот процесс грозит заметным сокращением объемов производимой племенами продукции (в частности, в сфере заготовки лекарственных растений). Например, общее количество домашнего скота в стране в 2019 г. оценивалось в 30 млн голов, при этом ежегодно 200 тыс. т мяса, 400 тыс. т молока и молочных изделий, а также 20 тыс. т шерсти, использующейся в ковроткачестве, производилось племенами. Таким образом переселение племен в города наносит удар по кожевенной отрасли, ткацкому и в целом ремесленному производству, а также производству протеинов. Главной причиной подобного положения дел служит недостаточное внимание, уделяемое проблемам племен. Так, в одном из останов, в котором проживает около 20 тыс. представителей различных племен, начатое 27 лет строительство дороги до сих пор не окончено. Среди главных проблем сельской местности Ирана, скорейшее решение которых способно не только остановить нарастающий процесс переселения племен в города, но и инициировать процесс обратной миграции, можно выделить следующие: 1. Недостаточно развитая образовательная инфраструктура. 2. Слабая система здравоохранения (малое количество мобильных и стационарных медпунктов). 3. Низкий уровень инженерного благоустройства (в первую очередь, отсутствие шоссейных дорог к ближайшим городам, что не позволяет воспользоваться их медицинскими и образовательными услугами). 4. Дороговизна предметов первой необходимости, которые племена не способны производить самостоятельно (в частности мука, сахар, рис и чай) [Хосейни, 2019].

При Мохаммад-Реза-шахе (1941–1978) миграции из сельской местности в города активизировались вследствие ускорения экономического и промышленного роста страны, а также территориальных реформ. Отрыв рабочей силы от земли, распространение денежных отношений, а также изменение потребительской модели в деревне способствовали дальнейшему усилению миграционных процессов. В то же время нефть превратилась в главный источник получения национального дохода, а роль сельского хозяйства во внутреннем производстве и экспорте снизилась, что привело к нарушению баланса между деревней и городом. Города, на поддержку развития которых выделялась большая часть государственного бюджета, превратились в основное место производства национального дохода и центры занятости рабочей силы, с расширяющейся финансово-промышленной и социальной инфраструктурой [Исследование процесса ... , 2023, с. 3; Кавам Малек, 2018, с. 32–34; Назарийан, 2009, с. 14–15].

После исламской революции 1979 г. стратегия централизации и модернизации экономики с опорой на нефтедоллары, которой следовало пехлевийское государство, в целом в Исламской Республике Иран была продолжена. При этом реализуемые программы развития деревни, посвященные главным образом созданию и улучшению инфраструктуры, принесли скорее обратный эффект, поскольку, например, повышение качества дорог только упростило перемещение сельских жителей в города [Кавам Малек, 2018, с. 36–37]. В итоге, в настоящее время в ИРИ наблюдается резкое уменьшение численности сельского¹ населения на фоне увеличения доли городского населения. Помимо миграции, данному процессу способствуют и изменения административного статуса сельских поселений на городские, что также достаточно распространено в стране в последние годы.

Если в 1956 г. доля городского населения в Иране составляла 31,4% (201 город), то в 2016 – уже 74% (1242 города)² с тенденцией постоянного увеличения. На 2016 г. лидером в данной категории выступал остан (провинция) Кум, 95% населения которого проживало в городах. Далее следовали останы Тегеран, Альборз и Исфахан. Самым низким показателем урбанизации характеризуются останы Систан и Белуджистан (единственный остан, где эта цифра ниже 50%), Голестан и Хормозган. Причем в Систане и Белуджистане в период с 2006 по 2016 гг. показатель урбанизации снижался на фоне его роста по стране в целом [Кадири Маасум, 2004, с. 63–64; Махмудийан, 2018,

¹ В свое время перенаселение сельских районов породило проблему нехватки земли, воды и пр., способствовав активизации миграционных процессов по направлению «деревня – город».

² На 2016 г. первое и второе места по количеству городов занимали соответственно останы Исфахан и Фарс (более сотни в каждом), а последнее место – остан Кум (6 городов). В том же году ок. 33% городов Ирана имело население менее 5000 человек, а города с населением менее 25 000 человек составляли ок. 76% от их общего количества. На долю городов-миллионников (Тегеран, Машхад, Исфахан, Карадж, Шираз, Табриз, Ахваз и Кум) приходилось 35,1% (20,75 млн человек) городского населения Ирана (или ок. 21% населения страны) [Махмудийан, 2018, с. 48, 55–56; Фатхи, 2020, с. 5].

с. 48, 55–56; Хосейни, 2017, с. 15]. Приведенные данные позволяют говорить о завершении Ираном урбанизационного перехода¹ и достижении в этом отношении уровня развитых стран.

Упомянутые выше процессы заметно усугубили и без того неравномерный характер размещения населения², который в Иране традиционно определяется природными, экономическими, социальными, политическими, историческими и культурными факторами и их сочетанием [Кадири Маасум, 2004, с. 58]³. Если следовать схеме деления Ирана на 7 географических районов, предложенной М. Кадири Маасумом и его коллегами⁴, то самая высокая плотность населения наблюдается в северном и северо-западном районах (127 и 74 человек / км² соответственно), а самая низкая – в восточном и юго-восточном районе (ок. 11 человек / км²). Остальные районы по плотности близки к среднему показателю по стране (49,1 человек / км²) [Кадири Маасум, 2004, с. 66–67]⁵.

Помимо миграции, на размещение населения влияет и административное деление. Так, если в 1956 г. в стране было 13 останов, то к 2011 г. их число увеличилось до 31. Благодаря большой площади останов различия в плотности населения их разных частей в среднем нивелировались. Однако при более дробном делении густо- или малонаселенные районы, входившие прежде в состав одного остана, могли быть выделены в отдельные провинции. Например, основная часть населения прежней провинции Хорасан концентрировалась на территории нынешнего остана Хорасан-е Резави. Разделение остана Хорасан на три остана в 2004 г. привело к тому, что остан Южный Хорасан характеризуется очень низкой плотностью населения – менее 10 человек / км² [Кадири Маасум, 2004, с. 63–64; Махмудийан, 2018, с. 48, 55–56]⁶.

¹ Превышение доли городского населения 50% от общей численности населения страны или региона. – *Прим. ред.*

² Численность населения страны на 2016 г. составляла 79 926 270 человек при средней плотности 49,1 человек/км² (в 2011 г. – 46 человек/км²) [Кадири Маасум, 2004, с. 63; Статистический ежегодник, 2018, с. 128]. О демографической ситуации в ИРИ см., например: [Ходунов, 2017].

³ Например, деревенские жители дехестана (сельского округа) Хосуйе шахрестана (области) Зарриндашт остана Фарс (на юге Ирана) основными причинами своей временной миграции (главным образом, в промышленные города) называли засуху, бедность, снижение производства сельскохозяйственной продукции, отсутствие работы у членов семьи и большой состав семьи. Для постоянной миграции в качестве главных причин упоминались засуха, снижение качества питьевой воды и ее количества, потеря надежды на улучшение условий деревенской жизни, поиск новых рабочих мест, отсутствие работы, независимость дохода от сельского хозяйства и стремление к увеличению благополучия семьи. Таким образом, среди причин временной миграции преобладали экологические и экономические, тогда как для постоянной миграции характерен более сложный комплекс причин, включающий помимо упомянутых, социокультурный и мировоззренческий факторы [Кешаварз, 2013, с. 119–121].

⁴ 1) Северный район (останы Гилян, Мазандаран и Голестан); 2) Северо-западный район (останы Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Ардебиль и Занджан); 3) Центральный район горных склонов и степей (останы Тегеран, Альборз, Казвин, Кум, Центральный, Семнан, Исфahan, Йазд и Керман); 4) район Загрос (останы Хамадан, Курдестан, Керманшах, Лурестан, Илам, Чахармахаль и Бахтийари, Фарс, Кохгилуйе и Бойерахмад); 5) Южная прибрежная полоса (останы Хузестан, Бушер и Хормозган); 6) Восточный и юго-восточный районы (останы Систан, Белуджистан и Южный Хорасан); 7) Северо-восточный район (останы Хорасан-е Резави и Северный Хорасан) [Кадири Маасум, 2004, с. 66–67].

⁵ В целом численность населения Ирана уменьшается с севера на юг и с запада на восток. Этому способствуют природные (топография, количество осадков, наличие плодородных земель, запасов воды и пр.), политические (распределение бюджета в рамках правительственных программ и пр.), экономические (наличие рабочих мест, уровень дохода и пр.) и социальные факторы (родственные связи, религиозная принадлежность и пр.) [Кавам Малек, 2018, с. 50].

⁶ Активный процесс дробления идет и внутри останов: так, в период с 1996 по 2016 г. число шахрестанов (областей) увеличилось с 252 до 429. При этом более 90% шахрестанов имели население менее 500 000 человек. Шахре-

Основные тенденции

Высокий уровень урбанизации в Иране определил доминирование в миграционном потоке (как во внутрирегиональной, так и в межрегиональной миграции) направления «город – город», к 2016 г. достигшего более 68% от его величины. Направление «деревня – город»¹ по масштабу занимает второе место с тенденцией к уменьшению. Однако после падения в общем миграционном потоке с 22,4% в 1986 г. до 13% в 2011 гг. его показатель увеличился до 14,6% в 2011–2016 гг. Доля направления «деревня – деревня» в Иране неуклонно снижалась и в период 2011–2016 гг. достигла 5%. Та же тенденция наблюдается и в направлении «город – деревня»: с 18,3% в период 1986–1996 гг. его показатель снизился до 12% в 2011–2016 гг. [Махмудийан, 2018, с. 9; Исследование процесса ... , 2023, с. 9–13].

Следует отметить, что в период с 2006 по 2011 г. по направлению «город – деревня» перемещалось больше людей, чем по направлению «деревня – город», преобладавшему все предыдущие годы. Подобное явление наблюдалось в Иране впервые. В указанный период внутренняя миграция (также как и естественный прирост населения) перестала играть ведущую роль в увеличении численности городского населения, а главными факторами стали слияние города и деревни и приобретение деревнями городского статуса. По мнению ряда специалистов, это могло свидетельствовать о появлении нового паттерна расселения. Однако после возвращения лидерства к направлению «деревня – город» в период 2011–2016 гг. данное предположение не подтвердилось [Махмудийан, 2018, с. 9; Исследование процесса ... , 2023, с. 9–13].

В рамках современной схемы административного деления Ирана наблюдается устойчивая тенденция роста межрегиональной и снижения внутрирегиональной миграции с преобладающим перемещением населения из менее развитых останов в более развитые (на 2018 г. – из Систана, Белуджистана, Кохгилуйе и Буйерахмад в Тегеран, Исфахан и Семнан соответственно)². Так, в период с 1986 по 1996 г. 63% внутренних миграций приходилось на внутрирегиональный уровень. В период с 2011 по 2016 г. этот показатель снизился до 49,1%. Соответственно, межрегиональные миграции в те же периоды выросли с 33 до 48% (остальное приходится на внешнюю миграцию, которая во все периоды сохранялась на уровне менее 3%). В абсолютных цифрах, в периоды 2006–2011 гг. и 2011–2016 гг. из общего числа мигрантов в 5 536 666 и 4 300 988 человек соответственно 1 985 927 и 2 062 954 человека приходились на межрегиональный уровень. Несмотря на сокращение общего числа мигрантов, данные показывают рост межрегиональной миграции на 4% с

станы с населением 2 млн человек и более составляют менее 1% от их общего количества, однако в них проживает более 15% населения страны [Шахбазин, 2016, с. 46–47].

¹ Например, по состоянию на 2012 г. из 234 000 жителей города Себзевар (остан Хорасан-е Резави) 42% были мигрантами из сельской местности, перебравшимися в город за последние несколько десятилетий [Зангане, 2012, с. 58].

² К 2026 г. ожидается увеличение останов с высоким Индексом человеческого развития (ИЧР) до 59% и снижение останов с низким ИЧР до 8% [Занди, 2020, с. 106].

прогнозом увеличения еще на 2–3% к 2026 г. [Занди, 2020, с. 85, 106; Махмудийан, 2018, с. 10–11; Исследование процесса ... , 2023, с. 5–8; Садеки, 2022, с. 48–49; Садеки, 2021, с. 205–211; Хосейни, 2018, с. 15].

В целом за период с 1986 по 2016 г. чаще всего мигранты ехали в Тегеран¹, Альборз, Исфахан и Хорасан-е Резави, а больше всего выбывших было в останах Тегеран, Хузестан и Восточный Азербайджан, соответственно. Тегеран, Альборз и Исфахан устойчиво демонстрировали положительный показатель чистой миграции, а останы Восточный Азербайджан, Керманшах и Хузестан – отрицательный [Исследование процесса ... , 2023, с. 14–22].

Наибольший уровень миграционного взаимодействия в стране в территориальном разрезе наблюдается между соседними останами (например, у остана Кум самый высокий уровень миграционного обмена с Тегераном, а у остана Йазд – с останами Фарс и Керман). В то же время, как представляется, для периферийных останов эта тенденция менее актуальна. Например, согласно опросу жителей шахрестана Заболь (остан Систан и Белуджистан) в 2017 г., 5,3% выбывших отправились в близлежащие деревни, 12,9% – в г. Заболь, 18,2% – в г. Захедан, 17,6% – в Машхад (остан Хорасан-е Резави), 10% – в Горган (остан Голестан), 27,6% – в прочие регионы. Таким образом, как минимум 27,6% мигрантов направилось в города, лежащие далеко за пределами соседних останов [Абдолла-заде, 2019, с. 181]. Кроме того, 45% уехавших из остана Лурестан направились в Тегеран, а 10% – в Альборз, то есть 55% мигрантов как бы «перепрыгнули» через соседний остан [Занди, 2020, с. 106–107; Махмудийан, 2018, с. 14].

В рамках гендерно-возрастного анализа можно констатировать увеличение среднего возраста мигрантов и заметный рост женской миграции. Если в период с 2006 по 2011 г. 57,6% мигрантов находилось в возрастной группе 15–34 лет (из них 19% приходилось на группу 20–24 лет, 15,9% – на группу 25–29 лет), то в период с 2011 по 2016 г. показатель по данной группе снизился до 44%, а наиболее популярный возраст миграции сместился с 24 к 31 году. Уменьшилась и доля мигрантов в возрасте 15 лет и менее (с 21,3 до 19,8%). Одновременно уровень женской миграции, достигший в 2011 г. 47,5% от общего числа мигрантов, к 2016 г. вырос до 48,4%. Подобное увеличение доли женщин в миграционных процессах стало результатом повышения их образовательного уровня, расширения социальных свобод и возможностей трудоустройства, а также улучшения условий труда – и позволило заговорить о «феминизации миграции». Особенно высок процент женщин в группах мигрантов 20–24 и 25–29 лет. Меньше всего женщин-мигрантов в группе 45+ и 15–лет. Эти группы, как правило, перемещаются вместе со всей семьей [Махмудийан, 2018, с. 36–43; Исследование процесса ... , 2023, с. 23–27].

¹ В период с 2011 по 2016 г. Тегеран выступал главным донором для миграции, и эта роль обещает сохраниться за ним до 2026 г., а затем лидерство перейдет к Хузестану и Лурестану. При этом Тегеран остается и главным в стране реципиентом перемещающегося населения [Занди, 2020, с. 106–107; Махмудийан, 2018, с. 14].

В отношении сроков можно констатировать постепенный, но не взрывной рост постоянной миграции. В 1986 г. статус постоянных мигрантов имело более 21% населения, а к 2011 г. этот показатель вырос до 30,2%. При этом число постоянных мигрантов увеличилось как в городской, так и в сельской местности (в городах – с 29,7 до 34,7%, а в деревнях – с 12 до 18,9%) [Исследование процесса ... , 2023, с. 28–29, 34].

Основные причины миграции

Лидирующие позиции среди причин внутренней миграции населения в Иране занимают экономические, в первую очередь – наличие рабочих мест и безработица, а также уровень доходов. Например, в шахрестане (области) Заболь остана Систан и Белуджистан опрос сельских жителей (2017) с генеральной совокупностью 26 034 домохозяйства показал наличие склонности к миграции среди большинства населения (78,8% опрошенных сообщили, что члены их домохозяйств в течение последних нескольких лет мигрировали) и выявил, что 69,4% опрошенных получают зарплату менее 2,5 млн туманов в год, 18,8% – от 2,5 до 5 млн туманов, 6,5% – от 5 до 10 млн туманов, 3,5% – выше 10 млн туманов [Абдолла-заде, 2019, с. 181–182]. При этом средний по стране годовой доход городского домохозяйства в указанном году составлял 34,7 млн туманов, а сельского домохозяйства – 20,2 млн туманов¹ [В 2017 г. средний показатель ... , 2018].

Серьезное влияние на принятие людьми решения о миграции оказывают климатический и экологический факторы². И если первый скорее способен спровоцировать сезонную миграцию³, то второй ведет к постоянной или к временной (нередко переходящей в постоянную) миграции.

Большая часть территории Ирана характеризуется засушливым климатом. Причем, в последние годы страна находится в состоянии острого водного кризиса (в немалой степени в силу климатических изменений), усугубляемого незаконным устройством колодцев, беспорядочной вырубкой деревьев, высадкой влаголюбивых культур и другими действиями, увеличившими водопотребление. Согласно данным Организации по охране окружающей среды ИРИ на 2016 г., площадь пустынных территорий страны составляла 34 млн га, а обедненных пустынных пастбищ – 16 млн га, использование которых (в Семнани, Йазде и на окраинах пустыни Дашт-е Лут) продолжается [Ходже-заде, 2023, с. 144, 151].

¹ Официальный курс 1 доллара США в 2017 г. колебался между 3765 и 4353 туманами [Таблица ... , 2018].

² Например, в Хузестане, десятом по величине остане ИРИ (площадь 64 055 км²), который, несмотря на стратегическое значение (граница с Ираком, Персидский залив и наличие рек, выход в открытое море и международные порты, масштабная нефтехимическая промышленность, туристический потенциал), относится к категории останов-доноров для миграции, основными причинами, влияющими на миграционные настроения (у 44,5% жителей), гораздо чаще называют не экономические факторы, а отсутствие должного социального обеспечения, а также природно-климатические и экологические условия (загрязнение воздуха, смог, крайне низкое качество воды) [Хосейни, 2020, с. 110, 112–113, 118–119; Хузестанцы ... , 2022].

³ Например, некоторые жители деревень в дехестане (сельский округ) Ростам-е-До шахрестана Мамасени остана Фарс на летний жаркий и засушливый период (до 45°C) перебираются в г. Йасудж (по примеру некогда живших здесь племен) [Шамс ад-Дини, 2010, с. 84].

Несмотря на значимую связь между степенью засушливости климата и степенью донорства региона в миграционной сфере, сама по себе засуха не всегда приводит к миграции. Например, жители бахша (района) Тасудж, расположенного в засушливой зоне остана Фарс, смогли адаптироваться к изменившимся условиям, благодаря ротации посевных культур, смене занятий и господдержке. Сельхозслужба бахша Тасудж регулярно проводит обучение крестьян повышению производительности сельскохозяйственных земель, выбору оптимальной культуры для посева и экономичным способам орошения. Здесь строго пресекают устройство незаконных колодцев, выдают ссуды на развитие капельного орошения, выделяют часть бюджета остана на борьбу с засухой. Все эти меры не применялись в районе Негин-е Кявир, находящемся в экстремально засушливой зоне остана Керман, что породило значительный отток сельского населения, потерявшего единственный доход из-за отсутствия воды для полива и гибели урожая. При этом надо иметь в виду, что Тасудж – тоже регион-донор с отрицательным показателем чистой миграции. Однако в данном случае засуха уже не выступает главной причиной миграции населения, уступая обычному стремлению к большему комфорту и социальным причинам [Ходже-заде, 2023, с. 154–155, 157]¹.

В результате действия разнонаправленных факторов люди не спешат покидать родные места², а многие сельские населенные пункты отличаются высокой устойчивостью. Например, одна из деревень дехестана (сельский округ) Хосуйе шахрестана Зарриндашт остана Фарс, в которой 71% населения занималось сельским хозяйством, в 1987 г. была полностью разрушена селом и восстановлена уже на новом месте. При этом из нее уехало только 14 домохозяйств, которые не имели

¹ Тем не менее экологический фактор способен снизить показатели даже весьма успешных регионов – реципиентов мигрантов. В качестве примера можно упомянуть остан Семнан, бывший в период с 2011 по 2016 г. лидером по их приему. На начало 2019 г. продолжительность жизни в остане Семнан составляла 80 лет при среднем показателе по стране в районе 75 лет, а 69% жителей имели полис социального страхования (1-е место по стране). Остан лидирует по числу зарегистрированных памятников национального значения (750 единиц; в новогодние праздники 2018 г. остан посетило более 1,5 млн туристов), занимает 2-е место в стране по субсидированию промышленного сектора и 4-е место в стране по газификации сельских районов, имеет самый высокий уровень грамотности, входит в тройку ведущих останов по занятости и устойчивому производству (соль и известь). В то же время засуха и опустынивание способствуют развалу сельского хозяйства, центр которого находится на востоке остана, и увеличению масштабов миграции, в первую очередь сельского населения. Некогда ведущий в сфере сельского хозяйства район Шахруд теперь испытывает трудности даже с питьевой водой, а все колодцы здесь предполагается оснастить интеллектуальными системами учета расхода воды [Махмудийан, 2018, с. 25; Остан Семнан ... , 2019; Семнан ... , 2018].

² Следует отметить, что одним из сдерживающих факторов выступает национально-религиозный: упомянутые засушливые районы заселены главным образом белуджами-суннитами, которые, испытывая личную привязанность к региону и не желая рисковать, не спешат перемещаться в шиитские районы. Помимо этого, из-за обнищания у них нет денег на переезды, а также отсутствуют в других регионах компетенции [Ходже-заде, 2023, с. 156]. Вместе с тем переехавшие в город сельские жители редко склонны к возвращению, несмотря на то что постоянные мигранты в городе лишаются деревенской медицинской страховки (страховой полис представителей племен, деревенских жителей, а также жителей городов с населением менее 20 000 человек полностью оплачивается государством) и базовых субсидий. Как постоянные, так и временные мигранты сталкиваются с появлением «городских» расходов (аренда жилья, смена одежды, приобретение школьных принадлежностей) и отсутствием профессиональных навыков для содержания семьи, с маргинализацией своего статуса и нежеланием владельцев квартир сдавать жилье несемейным мужчинам. Тем не менее наличие питьевой воды хорошего качества и газоснабжения, более широкие возможности для отдыха, доступность образовательных и медицинских услуг, перспективы профессионального обучения и повышения квалификации, а также существование рабочих мест вне аграрного сектора перевешивают выталкивающие факторы [Кешаварз, 2013, с. 121–124].

отношения к сельскому хозяйству. В период засухи 1997–2001 гг. пересохла местная речка и источники, что привело к 400-кратному увеличению количества оросительных колодцев. Однако в силу ряда причин (в частности, высокого уровня аллювиальных вод) произошло заметное снижение добычи воды из подземных источников. В связи с этим в 1998–1999 гг. посевы пшеницы и хлопка в данной местности сократились на 27,37% и 52,21% соответственно. Тем не менее, благодаря опоре на подземные воды засуха 1997–2001 гг. вызвала миграцию только 16 домохозяйств, которые к тому же не имели отношения к сельскому хозяйству. К значительному увеличению миграции (на 212,5%), когда среди мигрантов появились и крестьяне, привела только засуха 2003–2009 гг., отличавшаяся продолжительностью и суровостью [Кешаварз, 2013, с. 118].

Большое значение для миграций имеют и причины социального характера. В Иране в первую очередь речь идет о медицинских услугах, доступ к которым в периферийных провинциях, а порой и в отдаленных районах достаточно развитых провинций крайне затруднен. Например, далеко не во всех из 34 деревень дехестана Ростам-е-До шахрестана Ростам остана Фарс имеются медпункты, а больница в шахрестане Ростам появилась только летом 2023 г. При этом она рассчитана на 64 койки, хотя обслуживает население в 150 тыс. человек, а также население г. Нурабада из шахрестана Мамасени¹. Кроме того, предполагается, что учреждение будет обслуживать путешествующих из останов Хузестан и Кохгилуйе ва Буйерахмад в гг. Бушер и Шираз. Показательно, что больница строилась с 2016 г., и только в последние два года процесс был ускорен [Открытие ... , 2023; Шамс ад-Дини, 2010, с. 85–86].

Среди факторов, влияющих на миграционные процессы, немалая роль отводится образовательному уровню. Так, миграционная активность обладателей кандидатских степеней в десять раз выше, чем у неграмотных. При этом миграционная активность, связанная с уровнем образования, более ярко выражена у мужчин. Если же говорить о направлении образовательной миграции, то наиболее высокий уровень обучения предоставляют вузы, находящиеся в центральных и северных районах Ирана [Садеки, 2021, с. 211–213; Хосейни, 2018, с. 15].

Среди индивидуальных причин внутренних миграций в Иране лидирует следование за семьей (46% от общего числа миграций), причем женщины в этой группе преобладают (69%, тогда как у мужчин – 26%). Далее следуют поиск лучших жилищных условий, поиск работы, поиск лучшей работы, перевод по службе и срочная служба в армии (в этих категориях преобладают мужчины) [Махмудийан, 2018, с. 46–47].

Безработица и низкий уровень дохода населения способны, помимо прочего, порождать криминальную миграцию. Например, в период с 2006 по 2014 г. остан Лурестан занимал первое

¹ В 2008 г. бахш (район) Ростам был выделен из Мамасени в самостоятельный шахрестан с главным городом Масири, расположенным в 18 км к северу от г. Нурабада. В последнем с 2000 г. функционирует своя больница на 122 койки.

место в Иране по уровню безработицы, при этом в одном из его шахрестанов, Кухдаште, на начало 2015 г. молодежь составляла 36% всего трудоспособного населения. Низкий уровень занятости и отсутствие программ по созданию рабочих мест превратили наркоторговлю в основной источник дохода местного населения. Большая часть территории шахрестана Кухдашт в настоящее время охвачена наркобизнесом: особенно выделяется район Тархан, а в деревнях Сартархан, Чогапийат и Кульбадам, находящихся на западе этого района, наркоторговля стала чуть ли не обычным занятием. Кроме того, с начала второго десятилетия XXI в. началась активная миграция трудоспособного населения указанных районов в Тегеран, нередко с семьями, члены которых в полном составе занимаются наркоторговлей. Жены могут помогать в этой деятельности мужьям, поскольку транспортировать наркотики женщинам несколько проще (в «расстрельном» списке 2014 г. фигурировала одна женщина). Причем, ужесточение мер по борьбе с торговлей наркотиками и применение смертной казни¹ к преступникам, вопреки ожиданиям, не приводит к сокращению масштабов этого явления в стране. Более того, такая миграция растет², а среди подобного рода мигрантов увеличивается доля молодых людей (юношей в возрасте от 15 до 18 лет³) [Серадж-заде, 2019, с. 104–105].

Во время полевого исследования, проведенного в данном регионе, сами наркоторговцы признавались, что были готовы заняться самой примитивной и низкооплачиваемой работой. Они констатировали высокий уровень безработицы и, как следствие, отсутствие стимула или возможности для продолжения образования (многие выпускники вузов этого региона торгуют наркотиками или уже сидят в тюрьме). Один наркоторговец в шутку выразил готовность отказаться от своего бизнеса, если найдется работа, на которой он сможет ежемесячно, ничего не делая, зарабатывать 5 млн туманов [Серадж-заде, 2019, с. 119–128].

Мотивацией для миграции тех, кто уже втянулся в наркоторговлю, в немалой степени служит отрицательное отношение жителей шахрестана Кухдашт к наркоторговцам, а также нехватка клиентов. Эта мотивация усиливается примерами соотечественников, уже перебравшихся в Тегеран и заработавших на собственные дома в столице, дорогие машины и роскошные дома на родине. Так, в одной из упомянутых выше деревень иранскому исследователю показали дом стоимостью 700 млн туманов, построенный бывшим пастухом, некогда влачившим жалкое существование, который уехал в Тегеран и сколотил себе состояние на наркотиках. Справедливости ради стоит заме-

¹ В течение нескольких лет, до марта 2017 г., за торговлю наркотиками было казнено 95 человек, 43 человека приговорены к смертной казни, а многие обвиняемые получили различные сроки или были приговорены к пожизненному заключению [Серадж-заде, 2019, с. 104–105].

² Подобным настроениям отчасти способствует коррупция в правоохранительных органах, позволяющая части задержанных наркодилеров выйти на свободу [Серадж-заде, 2019, с. 129].

³ Определенное влияние на вовлечение молодежи в наркобизнес оказывают неблагоприятные семейные обстоятельства (наличие отца-наркомана, недостаточное внимание родителей и нищета в многодетных семьях, смерть одного из родителей) и проблемы подросткового возраста (желание независимости, стремление к риску, потребность получить новый опыт и показать себя перед сверстниками) [Серадж-заде, 2019, с. 124–128].

тить, что достаточно часто жители указанных провинций едут в столицу в поисках легального заработка, но, не сумев трудоустроиться, уходят в наркоторговлю [Серадж-заде, 2019, с. 119–128].

В стране наблюдается и обратная миграция (из города в деревню), масштабы которой не столь велики и зависят от региона. Основу обратной миграции составляют пожилые люди и пенсионеры¹ (которые, как правило, провели большую часть активной жизни в городе), а также солдаты-срочники и выпускники вузов (образовательный уровень, в отличие от дохода, на характер обратной миграции не влияет). При этом определенная часть молодежи по экологическим причинам предпочитает жить за городом и ездить в город только на работу [Пайдар, 2019, с. 29, 35–36; Раббани, 2011, с. 83, 104–105].

Согласно имеющимся статистическим данным, например, в период между 1996 и 2006 гг. из 199 508 вернувшихся в остан Мазандаран 71 129 человек (3,6%) пришлось на долю сельской местности². В то же время исследование деревень с населением более 40 домохозяйств, находящихся в радиусе 7–50 км к югу от г. Захедана, центра остан Систан и Белуджистан, показало, что существующая обратная миграция не способна остановить стандартный процесс ступенчатой миграции в этот город. Хотя возможно придать миграции упорядоченный и контролируемый характер за счет реализации мер по поддержке села. К числу последних иранские специалисты относят обеспечение сельских населенных пунктов Интернетом; развитие дорожной инфраструктуры, образовательной и медицинской сфер; выделение части государственных земель в частную собственность (при условии проживания и работы на ней); снижение бюрократических барьеров и материальных затрат при выдаче разрешений на ведение экономической деятельности; установление понятных механизмов получения кредитов на деятельность, создающую рабочие места; введение экономических стимулов для работающих в деревне [Пайдар, 2019, с. 29, 35–36; Раббани, 2011, с. 83, 104–105].

Заключение

За последние 30 лет направления и масштабы внутренних миграций в Исламской Республике Иран существенно изменились, а среди причин, побуждающих к миграции, гораздо более заметную роль начали играть экологические факторы. Однако дальнейшее развитие современных тен-

¹ Мировой процесс старения населения актуален и для Ирана, несмотря на пока еще открытое «демографическое окно» (т.е. ситуацию с максимально высокой долей населения трудоспособного возраста). За 60 лет (с 1956 по 2016 г.) количество пожилых людей в стране выросло с 1 173 679 до 7 414 091, или в 6,3 раза, а ежегодный прирост численности пожилого населения составил более 5%. В связи с этим увеличивается число «пожилых» шахрестанов. Последние располагаются, главным образом, в северной и северо-западной части страны, а «молодые» шахрестаны находятся на западе, юго-западе и юге, хотя и здесь уже местами заметны процессы старения населения [Шахбазин, 2023, с. 64–66, 72].

² В конце первого десятилетия XXI в. наблюдался всплеск миграций в деревни, расположенные в районе гг. Тонкабон и Рамсар остан Мазандаран, славящихся своими туристическими достопримечательностями, достаточно благоприятными экологическими условиями и уровнем экономического развития [Раббани, 2011, с. 84–85, 89–90].

денций миграционного процесса усиливает дисбаланс в территориальном размещении населения и экономической деятельности в стране, с соответствующими неблагоприятными социально-экономическими последствиями.

Учитывая, что подавляющее большинство городов с населением более 100 тыс. человек в ИРИ находится в зоне высокой и крайне высокой сейсмической опасности, сосредоточение населения в мегаполисах и крупных городах (Тегеран, Машхад, Карадж, Табриз) создает потенциальную угрозу массовой гибели людей в результате возможных землетрясений [Заре, 2015]. Одновременно серьезный вызов национальной безопасности создает снижение плотности населения периферийных приграничных районов, которые к тому же в географическом и культурном отношении тесно связаны с территориями, находящимися за пределами политических границ страны. Помимо всего прочего под угрозой оказывается институт семьи, поскольку в условиях вынужденной трудовой миграции глав семейств множится число фактически монородительных семей и увеличивается количество разводов¹.

Для решения проблем рационального размещения населения и демографической децентрализации иранскими специалистами предлагаются следующие стратегии: 1) снижение социально-экономических диспропорций между регионами; 2) увеличение капиталовложений в регионах одновременно с использованием всего потенциала и преимуществ конкретных территорий; 3) создание рабочих мест в сельской местности, небольших городах и периферийных регионах; 4) поддержка перерабатывающей промышленности в сельской местности, особенно легкой промышленности; активизация предпринимательской деятельности в малых и средних городах; развитие приграничных рынков труда и сбыта продукции; 5) создание федеральных университетов, ориентированных на местные и региональные рынки труда; повышение качества образования за пределами Тегерана и отказ от расширения вузов столицы; перенос бакалавриата в другие города страны; расширение возможностей дистанционного обучения в престижных и популярных национальных вузах; 6) реализация проектов по поддержке молодежи и женщин, живущих в сельской местности и небольших городах; борьба с коррупцией и nepotизмом; 7) повышение качества управления малыми и средними городами, позволяющее создать в них более благоприятные условия жизни; расширение социально-экономической независимости провинций; усиление контроля за реализацией гос-проектов на местах; введение строгих ограничительных мер, препятствующих росту мегаполисов;

¹ Жены уехавших на заработки мужчин находятся в трудном положении, нередко оказываясь в состоянии психологического истощения, однако вынуждены мириться со сложившейся ситуацией, поскольку нуждаются в заработке супругов. Постоянное психологическое напряжение создает проблемы в эмоционально-физической сфере, ведет к охлаждению отношений и порождает мысли о бессмысленности семейной жизни, способные привести к развалу семьи. Перераспределение гендерных ролей особенно ощущается в семьях с традиционными ценностями, в которых отчетливо присутствуют элементы патриархальной идеологии: так, распоряжаясь заработанными мужем деньгами, жена тем не менее должна советоваться с ним по наиболее дорогим и значительным покупкам. Кроме того, иногда женщины вынуждены жить с родителями мужа, что еще больше ограничивает их свободу [Хеммати, 2016, с. 151–157].

создание условий для обратной миграции (из города в деревню); 8) внедрение экологических программ, программ экономического роста и устойчивого развития, программ пищевой безопасности; 9) привлечение племен к охране государственной границы; осуществление программ поддержки скотоводства; развитие экотуризма и историко-культурного туризма в зоне проживания племен. Большое значение для реализации всех перечисленных стратегий имеет повышение качества данных о миграционных процессах, получаемых во время переписи населения [Абдолла-заде, 2019, с. 191–192; Мошфек, 2013, с. 24, 26, 29–30; Исследование процесса ... , 2023, с. 34–35; Ростамали-заде, 2022, с. 130; Садеки, 2022, с. 60–61; Хосейни, 2019]. Наименее эффективными стратегиями признаются принудительное выселение служащих из столицы и перевод административных органов власти из столицы в другие города; создание городов-спутников рядом с мегаполисами с целью «оттягивания» населения¹ и создание «зеленых поясов» вокруг мегаполисов, а также налогообложение вузов на основании их рейтинга [Мошфек, 2013, с. 28].

Говоря о перспективах реализации упомянутых стратегий, необходимо отметить, что Шестой пятилетний план развития страны (2017–2021) предполагал выделение 3% доходов от экспорта сырой нефти и газового конденсата на благоустройство регионов (1/3 этой суммы направлялась в нефтедобывающие регионы, а 2/3 – в слаборазвитые районы), развитие как минимум 54 бизнес-кластеров в сельских районах, 98 промышленных районов в сельской местности и местах расселения племен и создание 1 млн 914 тыс. рабочих мест. Была намечена реализация программы по обучению 100 тыс. сельских жителей и представителей племен с целью облегчения процесса планирования на местах, развития экономической деятельности и культурных программ, повышения качества услуг, привлечения людей к госпроектам и контролю за их исполнением. Кроме того, планом предусматривались меры по выявлению деревень, которым угрожает природная опасность, с реализацией программ по устранению последней в 30% из них. Помимо этого в плане декларировалась необходимость обеспечения финансирования для строительства, асфальтирования и ремонта дорог в сельской местности (деревни с населением более 20 домохозяйств) и местах проживания племен, а также благоустройства как минимум 20% приграничных городов [Закон ... , 2017, с. 7–8].

Между тем упомянутый план был выполнен примерно на 20%, а его действие продлевалось уже трижды (последний раз – до весны 2024 г.). Важнейшими причинами невыполнения этого плана стала его ориентированность на постсанкционные реалии при полном отсутствии сценария на случай возвращения санкций и необоснованно амбициозный, но в то же время слишком общий

¹ Проблема с городами-спутниками во многом обусловлена отсутствием в них транспортной, образовательной и медицинской инфраструктуры, а подчас и элементарных коммунальных услуг (например, в рамках государственной программы «Маскян-е Мехр» дома могут сдаваться без подключения к коммуникациям – газо- и водопроводу). Поэтому на середину 2022 г. в такие города, выполняющие главным образом функцию общежитий, перебралось не более 1,2 млн человек [Махмудийан, 2018, с. 57–58; Пустующие города-спутники ... , 2022].

характер, не предлагающий конкретных путей реализации, а также несоответствие необходимой для его выполнения суммы актуальным финансовым возможностям страны. В то же время проект Седьмого пятилетнего плана развития страны, переданный для рассмотрения в Меджлис, также отличается достаточно общими формулировками, в том числе и в части факторов, способных повлиять на миграционные процессы. Например, в одном из пунктов ст. 179 Министерству внутренних дел ИРИ предлагается принять меры для остановки процесса маргинализации населения путем повышения уровня жизни в регионах-донорах миграционных потоков и адекватного распределения по территории возможностей для этого, а также для упорядочивания миграционных процессов в стране. При этом никаких конкретных направлений работы не указывается [Причины ... , 2022; Проект ... , 2023, с. 98; Сейф, 2022; Хашеми Таба, 2023]. Все это, как представляется, говорит о том, что наблюдаемые в настоящий момент тенденции в области внутренней миграции в ИРИ носят системный характер и в ближайшей перспективе сохранятся.

Список литературы

1. Абдолла-заде Г-Х., Аждарпур А-Р., Шариф-заде М-Ш. Изучение факторов, влияющих на склонность к миграции, в среде сельских жителей шахрестана Заболь = بررسی عوامل مؤثر بر گرایش به مهاجرت در بین روستاییان شهرستان زابل // Джо-графья ва барнамеризи. – 2019. – Т. 23, № 67. – С. 173–195 [Фарси].
2. В 2017 г. средний показатель расходов и доходов городской семьи за год составил соответственно 33 и 37 млн туманов = میلیون تومان بوده است ۳۷ و ۳۳ متوسط هزینه و درآمد سالانه یک خانوار شهری به ترتیب ۱۳۹۶ در سال // Маркяз-е амар-е Иран. – 1397 (2018). – 25 азара (16 декабря). – URL: <https://www.amar.org.ir/news/ID/6963/%D8%AF%D8%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84-1396-%D9%85%D8%AA%D9%88%D8%B3%D8%B7-%D9%87%D8%B2%D9%8A%D9%86%D9%87-%D9%88-%D8%AF%D8%B1%D8%A7%D9%85%D8%AF-%D8%B3%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D9%87%D9%8A-%D9%8A%D9%83-%D8%AE%D8%A7%D9%86%D9%88%D8%A7%D8%B1-%D8%B4%D9%87%D8%B1%D9%8A-%D8%A8%D9%87-%D8%AA%D8%B1%D8%AA%DB%8C%D8%A8-33-%D9%88-37-%D9%85%DB%8C%D9%84%DB%8C%D9%88%D9%86-%D8%AA%D9%88%D9%85%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D9%88%D8%AF%D9%87-%D8%A7%D8%B3%D8%AA> (дата обращения 10.01.2024) [Фарси].
3. Закон о Шестом пятилетнем плане экономического, социального и культурного развития Исламской Республики Иран = قانون برنامه پنجاه ششم توسعه اقتصادی، اجتماعی و فرهنگی جمهوری اسلامی ایران // Руз-наме-йе расми. – 1396 (2017). – 21 фарвардина (10 апреля). — № 20995 [Фарси].
4. Зангане Й., Самиипур Д., Хосейни С-Х., Аббарики З. Изучение процессов и побудительных мотивов внутригородской миграции (на примере Сабзавара) = بررسی روندها و انگیزه‌های مهاجرت‌های درون شهری (مطالعه موردی: سبزوار) // Моталеат-е джографийи-йе манатек-е хошк. – 1391 (2012). – Т. 2. — № 7. – С. 43–61 [Фарси].
5. Занди Л., Садеки Р., Аскари Надушен А. Пространственная структура межрегиональной миграции в Иране: применение моделей линейных логарифмов = ساختار فضایی مهاجرت‌های بین استانی در ایران: کاربرد مدل‌های لگاریتم خطی // Наме-йе Анджоман-е джамийатшенаси-йе Иран. – 1398 (2020). – Т. 14. – № 28. – С. 69–111 [Фарси].
6. Заре М. Землетрясение в Баме и значимые изменения социальной [структуры] города = زلزله بم و تغییرات اجتماعی مهم // Этемад. – 1394 (2015). – 26 декабря (5 дея). – № 3424. – URL: <http://www.etemadnewspaper.ir/fa/main/detail/33406> (дата обращения 10.12.2023) [Фарси].
7. Исследование процесса внутренней миграции в Иране за последние тридцать лет (1986–2016) = روندپذیری مهاجرت (۱۳۹۵–۱۳۶۵ داخلی در ایران طی سی سال آخر) // Маркяз-е пажухешха-йе Маджлес-е шоура-йе ислами. Дафтар-е моталеат-е ислами. – 1402 (2023) [Фарси].
8. Кавам Малеки Х-Р., Рашиди М.М. Процессы внутренней миграции и приоритеты демографической политики Ирана = روندهای مهاجرت داخلی و اولویتهای سیاست جمعیتی ایران // Улум-е сийаси. – 1397 (2018). – Т. 14. – № 42. – С. 25–56 [Фарси].
9. Кадири Маасум М., Багийани Х-Р., Кадири Маасум Мут. Перемещения населения в географических регионах Ирана и их последствия = تحرکات جمعیت در نواحی جغرافیایی ایران و پیامدهای آن // Пажухешха-йе джографья-йе энсани. – 1392 (2004). – Т. 45. – № 4. – С. 57–74 [Фарси].
10. Кешаварз М., Карамии Э., Лехсаи-заде А-А. Засуха и порождаемые ей факторы миграции из сельской местности: ситуационное исследование в остане Фарс = عوامل اثرگذار بر مهاجرت روستایی ناشی از خشکسالی: مطالعه موردی در استان فارس // رуста ва тоусеэ. – 1392 (2013). – Т. 16, № 1. – С. 113–127 [Фарси].
11. Проект Седьмого плана развития = پروژه هفتم توسعه (۱۴۰۶–۱۴۰۲) // Энтершат-е Сазман-е барнаме ва будже-йе кешвар, 1402 (2023) [Фарси].

12. Махмудийан Х., Махмудийани С.-Д. Изучение состояния внутренней миграции и урбанизации в Иране с акцентом на период 2011–2016 гг. = ۱۳۹۵-۱۳۹۰ بررسی وضعیت مهاجرت داخلی و شهرنشینی در ایران با تأکید بر دوره [Фарси].
13. Мошфек М., Хосейни К. Стратегии оптимального распределения населения и миграция в Иране: приоритеты мирового опыта с точки зрения иранских теоретиков = اولویت بندی تجربیت جهانی از سیاستهای توزیع بهینه جمعیت و مهاجرت در ایران: اولویت بندی تجربیت جهانی از سیاستهای توزیع بهینه جمعیت و مهاجرت در ایران: نگاه صاحب نظران ایرانی // موتالعات-ه دجامیاتی. – 1392 (2013). – Т. 1, № 1. – С. 9–31 [Фарси].
14. Назарийан А. Этническая миграция и изменение социальной структуры городов Ирана = مهاجرتها قومی و تغییر ساختار // اجتماعی شهرهای ایران // آمایهش-ه موхит. – 1388 (2009). – № 6. – С. 1–32 [Фарси].
15. Остан Семнан обладает самым высоким показателем миграционного прироста в стране = استان سمنان بالاترین نرخ = استان سمنان بالاترین نرخ // Джомхури-йе эслами. – 1397 (2019). – 9 бахман (29 января). – URL: <https://www.irna.ir/news/83188490> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
16. Открытие в шахрестане Ростам [остана] Фарс больницы на 64 койки с участием президента = ۶۴ گنشایش بیمارستان // Хабаргозари-йе Джомхури-йе ислами. – 1402 (2023). – 12 мехра (4 октября). – URL: <https://www.irna.ir/news/85256902> (дата обращения 10.01.2024) [Фарси].
17. Пайдар А. Географический анализ побудительных причин обратной миграции в деревни, расположенные в окрестностях города Захедан = تحلیل جغرافیایی محرکهای مهاجرت بازگشتی در روستاهای پیرامون شهر زاهدان // دژوگرافی-йе эджтемай-йе шахри. – 1398 (2019). – Т. 6, № 2. – С. 19–38 [Фарси].
18. Причины невыполнения задач Шестого плана развития = دلایل محقق نشدن اهداف برنامه ششم توسعه // Маркяз-е пажухешха-йе тоусеэ ва айанденегири. – 1401 (2022). – 7 хордад (28 мая). – URL: <https://cdrf.ir/post/747> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
19. Пустующие города-сателлиты на окраине Тегерана: недостатки городского расселения и нехватка городской инфраструктуры развеяли оптимистические прогнозы = شهرکهای اقماری بی مشتری در حاشیه تهران: کمبود سرانه ها و زیرساختهای // Хабар-онлайн. – 1401 (2022). – 1 абана (23 октября). – URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1686623> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
20. Раббани Р., Тахери З., Руста З. Изучение причин, побуждающих к обратной миграции, и влияние последней на социально-экономическое развитие (на примере переселенцев в сельскую местность из городов Тонкабон и Рамсар) = بررسی علل انگیزه های مهاجرت معکوس و تأثیر آن بر توسعه اجتماعی و اقتصادی (مطالعه موردی مهاجران روستائین شهرهای تنکابن و رامسر) // Пажухеш ва барнамеризи-йе шахри. – 1390 (2011). – Т. 2, № 5. – С. 83–108 [Фарси].
21. Ростамали-заде В., Ноубахт Р. Влияние неравномерного [развития] на миграцию из приграничных районов Ирана: перспектива выработки политических решений = چشم اندازی سیاستگذاری // Пажухеш-е масаел-е эджтемай-йе Иран. – 1401 (2022). – № 5. – С. 101–134 [Фарси].
22. Садеки Р. Безработица, неравномерное развитие регионов и пространственные модели внутренней миграции в Иране = بیکاری، توسعه نابرابر منطقهای و الگوهای فضایی مهاجرت داخلی در ایران // Пажухеш-е масаел-е эджтемай-йе Иран. – 2022. – № 3. – С. 41–65 [Фарси].
23. Садеки Р., Эсмаили Н., Аббаси Шавази М.-Дж. Образование, развитие и внутренняя миграция в Иране = تحصیلات، // Наме-йе Анджоман-е джамийатшенаси-йе Иран. – 2021. – Т. 16. – № 31. – С. 193–215 [Фарси].
24. Сейф А.-М. Почему не был реализован Шестой план развития? = چرا برنامه ششم توسعه محقق نشد؟ // Дуктур Аллах-Мурад Сейф. – 1401 (2022). – 7 шахривара (29 августа). – URL: <https://amseif.ir/?p=11388> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
25. Семнан и феномен внутренней миграции: возможности и вызовы = چالشها و فرصتها // Tritanews. – 1397 (2018). – 31 ордибехешта (21 мая). – URL: <https://tritanews.ir/%D8%B3%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%86-%D9%88-%D9%BE%D8%AF%DB%8C%D8%AF%D9%87-%D9%85%D9%87%D8%A7%D8%AC%D8%B1%D8%AA-%D8%AF%D8%A7%D8%AE%D9%84%DB%8C-%D9%81%D8%B1%D8%B5%D8%AA-%D9%87%D8%A7-%D9%88-%DA%86%D8%A7/> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
26. Серадж-заде С.-Х., Пуяифар М.-Р., Минайи Х. Социальные предпосылки для девиантной миграции торговцев наркотическими веществами шахрестана Кухдашт = زمینه های اجتماعی مهاجرتها کجروانه فروشندگان مواد مخدر شهرستان کوهدشت // Масаел-е эджтемай-йе Иран. – 1397 (2019). – Т. 9. – № 2. – С. 103–133 [Фарси].
27. Статистический ежегодник. 2016 г. = ۱۳۹۵ سال نامه آماری کشور. – Тегеран : Маркяз-е амар-е Иран, 1397 (2018) [Фарси].
28. Таблица колебания курса доллара в [13]96/2017 г. = ۹۶ جدول تغییرات نرخ دلار در سال // Хабаргозари-йе кар-е Иран. – 1397 (2018). – 12 фарвардина (1 апреля). – URL: <https://www.ilna.ir/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF%DB%8C-4/607839-%D8%AC%D8%AF%D9%88%D9%84-%D8%AA%D8%BA%DB%8C%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D9%86%D8%B1%D8%AE-%D8%AF%D9%84%D8%A7%D8%B1-%D8%AF%D8%B1-%D8%B3%D8%A7%D9%84> (дата обращения 10.01.2024) [Фарси].
29. Фатхи Э. Городское население Ирана и его будущее в контексте населения мегаполисов = جمعیت شهری ایران و آینده آن با // Пажухешкаде-йе амар, 1399 (2020) [Фарси].
30. Хашеми Таба С.М. Продление невыполненного плана = تمدید برنامه بلا اجرا // Шарк. – 1402 (2023). – 30 шахривара (21 сентября). – URL: <https://www.sharghdaily.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%B3%D8%B1%D9%85%D9%82%D8%A7%D9%84%D9%87-243/897683-%D8%AA%D9%85%D8%AF%DB%8C%D8%AF-%D8%A8%D8%B1%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87-%D8%A8%D9%84%D8%A7-%D8%A7%D8%AC%D8%B1%D8%A7> (дата доступа 24.01.2024) [Фарси].

31. Хеммати Р., Гянджи М. Индивидуальная миграция мужчин из деревень и проблемы оставшихся женщин = مهاجرت انفرادی مردان از روستاها و چالشهای پیش روی زنان جامانده // Тоусез-йе махалли. – 1395 (2016). – Т. 8, № 1. – С. 139–166 [Фарси].
32. Ходже-заде Ф., Аббаси Шавази М-Дж., Садеки Р. Влияние экологических факторов на внутреннюю миграцию в Иране: засуха = تأثیر عوامل محیط زیستی بر مهاجرتها داخلی در ایران با تأکید بر خشکسالی // Мохитшенаси. – 2023. – Т. 49, № 2 – С. 141–160 [Фарси].
33. Ходунов А. Демографическая модернизация Ирана (вторая половина XX — начало XXI века) // Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 65–91.
34. Хосейни К., Мошфек М., Заре Мехрджерди Р. Аналитический обзор межрегиональной миграции в Иране и её определяющих факторов в период с 2006 по 2011 гг. = توصیف و تحلیل مهاجرتها بین استانی در ایران و تعیین کنندههای آن طی دوره ۱۳۹۰ تا ۱۳۸۵ // Барнамеризи-йе фазайи. – 1395 (2017). – Т. 6, № 4 (23). – С. 19–44 [Фарси].
35. Хосейни К., Садеки Р., Ростамали-заде В. Трансформация процесса и модели внутренней миграции в останках Ирана = تحولات روند و الگوی مهاجرت داخلی در استانهای ایران // Барнамеризи-йе мантакеи. – 1387 (2018). – Т. 8, № 31. – С. 1–17 [Фарси].
36. Хосейни М-Р., Шахпари-йе сани Д. Оценка индивидуальных факторов, влияющих на вероятность миграции из остана Хузестан в другие районы страны = ارزیابی عوامل فردی مآثر بر احتمال مهاجرت از استان خوزستان به دیگر مناطق کشور // Тоусез-йе эджтемаи. – 1399 (2020). – Т. 15, № 1. – С. 101–124 [Фарси].
37. Хосейни С.Х. Тревожный звонок об уменьшении численности племен в стране = زنگ خطر کاهش جمعیت عشایر کشور // Кейхан. – 1398 (2019). – 16 мехра (8 октября). – URL: <https://kayhan.ir/fa/news/171987/%D8%B2%D9%86%DA%AF-%D8%AE%D8%B7%D8%B1-%DA%A9%D8%A7%D9%87%D8%B4-%D8%AC%D9%85%D8%B9%DB%8C%D8%AA-%D8%B9%D8%B4%D8%A7%DB%8C%D8%B1-%DA%A9%D8%B4%D9%88%D8%B1> (дата обращения 20.12.2023) [Фарси].
38. Хузестанцы настроены на миграцию: 44,5% думают об отъезде = درصد به فکر ترک دیار ۴۴/۵ خوزستانیها روی خط مهاجرت: // Мехр. – 1401 (2022). – 17 хордада (7 июня). – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5491376> (дата обращения 24.01.2024) [Фарси].
39. Шамс ад-Дини А., Горджийан П. Факторы, влияющие на миграцию сельских жителей в город, в контексте сетевой теории миграции (на примере дехестана Ростам-е до) = عوامل مآثر در مهاجرت روستاییان به شهرها با تأکید بر شبکه مهاجرت (مورد // Чешмандаз-е джографйайи. 1389 (2010). – Т. 5, № 11. – С. 75–92 [Фарси].
40. Шахбазин С., Аскари Надушен А., Аббаси Шавази М-Дж. Роль внутренней миграции в перераспределении населения Ирана (период 1991–2016) = نقش مهاجرت داخلی در بازتوزیع جمعیت ایران (دوره زمانی ۱۳۷۰–۱۳۹۵) // Наме-йе Анджоман-е джамийатшенаси-йе Иран. – 2016. – Т. 13, № 25. – С. 33–66 [Фарси].
41. Шахбазин С., Сасанипур М. Анализ территориального распределения возрастного населения и внутренней миграции в областях страны в период между 2006 и 2016 гг. = تحلیل توزیع فضایی سالمندی و مهاجرت داخلی در شهرستانهای کشور بین ۱۳۹۵ و ۱۳۸۵ سالهای // Сальманд. – 1402 (2023). – Т. 18, № 1. – С. 60–76 [Фарси].

INTERNAL MIGRATION IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: TENDENCIES, CAUSES AND POSSIBLE STRATEGIES FOR CONTROL OF MIGRATION PROCESSES

Boris Norik

PhD (Histor. Sci.), Senior Researcher at the Department for History of Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IV RAN); Researcher at the Center for Interdisciplinary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; boris.norik@mail.ru

Abstract. *The article examines the processes of internal migration in the Islamic Republic of Iran, which have not been studied in the domestic scientific literature before, and which have undergone significant changes over the past 50 years under the influence of economic, social, cultural, demographic and other factors. These changes have led to undesirable transformations in the settlement structure and disruption of the demographic balance of the country. The persistence of existing trends threatens to increase the imbalance in the territorial distribution of the population and economic activity with severe socio-economic consequences. Iranian experts propose a number of strategies to resolve the crisis, but the possibilities of their implementation seem to be problematic. The relevance of the article is due to the*

need to monitor the internal situation in the country, which acts as one of the leading players in the Middle East field being at the same time a promising strategic partner of Russia.

Keywords: *Islamic Republic of Iran; urbanization; internal migration; criminal migration; migration policy strategies.*

For citation: Norik B.V. Internal migration in the Islamic Republic of Iran: tendencies, causes and possible strategies for control of migration processes // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 84–100.

УДК 711.4+314.7(161.3)

ВЛИЯНИЕ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ВНУТРЕНнюю МИГРАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ридевский Геннадий Владимирович¹

кандидат географических наук, доцент, заведующий Отделом социально-трудовых исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь); ridgeo@yandex.ru

***Аннотация.** В статье представлена оценка влияния агломерационных процессов на миграцию населения в регионах Республики Беларусь. Для этого рассмотрены городские агломерации и дана их типология по значимости в развитии систем расселения. Все городские агломерации разделены на агломерации национального и регионального значения. Показано, что большинство городских агломераций национального значения оказывают непосредственное влияние на миграционные процессы, а миграции населения являются главными факторами роста их населения в условиях депопуляции, охватившей большинство регионов страны. Одновременно в городские агломерации национального значения входит большинство городов и районов Беларуси с миграционным приростом населения. Отмечено, что среди всех городских агломераций в стране наиболее активно развивается Минская городская агломерация. Миграции – главный источник роста ее населения. Вместе с тем здесь концентрируется более половины миграционного прироста населения всех белорусских городов и районов. Однако активное расширение Минской городской агломерации является угрозой перехода Беларуси к моноцентричному развитию.*

***Ключевые слова:** процесс агломерирования; городская агломерация; метрополитенский ареал; миграция населения; Республика Беларусь.*

***Для цитирования:** Ридевский Г.В. Влияние агломерационных процессов на внутреннюю миграцию в Республике Беларусь // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 101–114.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

doi: 10.31249/snsn/2024.01.06

Рукопись получена 28.02.2024

Принята к печати 10.03.2024

¹ © Ридевский Г.В., 2024.

Введение

Основной целью настоящей статьи является оценка влияния агломерационных процессов, т.е. процессов формирования и развития городских агломераций, на миграции населения внутри страны. Эта тема практически не изучена по причине того, что в Республике Беларусь нет однозначного представления о ходе агломерационных процессов и количестве сформировавшихся городских агломераций, имеющих размытые границы и не совпадающих с единицами административно-территориального устройства страны. Последнее существенно снижает возможности проведения подобных исследований и их достоверность, поскольку вся статистическая информация собирается в административных границах. Кроме того, влияние внутренних миграционных движений населения как фактора, определяющего, наряду с естественным приростом населения, динамику численности населения в конкретных регионах страны, недооценивается, что априори «понижает» актуальность подобных исследований.

Настоящее исследование выполнено в три этапа: на первом этапе на основе литературных источников и публикаций автора¹ дана характеристика сложившихся в Беларуси городских агломераций и определены пространственные зоны их формирования (метрополитенские ареалы); на втором этапе – выявлена связь между ростом крупнейших городских агломераций и динамикой численности населения регионов Беларуси; на третьем этапе – дана оценка влияния агломерационных процессов на миграционную подвижность населения.

Городские агломерации Беларуси и их пространственная структура

В Республике Беларусь процессы формирования городских агломераций (ГА) идут уже несколько десятилетий. Реально сложилась целая система ГА, однако объектом изучения до сих пор стала только одна Минская ГА – самая большая ГА страны [Запрудский, Озем, 2012].

В учебных пособиях для высшей школы по социально-экономической географии Беларуси, изданных в последние 10–15 лет, есть упоминание только об одной белорусской ГА – Минской [Козловская, 2002; Сасноўскі, 2012; Киреенко, 2013]. После Указа Президента Республики Беларусь № 214 от 07.05.2014 «О развитии городов-спутников», выделившего города-спутники для г. Минска (города Дзержинск, Заславль, Логойск, Смолевичи, Фаниполь и городской посёлок Руденск), г. Гродно (г. Скидель) и г. Бреста (г. Жабинка), можно говорить о трех официально при-

¹ Данная статья является продолжением исследований автора, поэтому в целях логичности изложения в ней использованы некоторые ранее опубликованные материалы.

знанных ГА Беларуси: Минской, Гродненской и Брестской [Указ Президента ... , 2014]. Однако, реальное количество ГА в Беларуси существенно больше.

Для выделения в стране ГА на основе эмпирических данных были выбраны два основных критерия [Ридевский, Шадраков, 2016]:

1. Наличие двух и более взаимодействующих городских поселений, одно из которых можно рассматривать как ядро ГА, а второе (все остальные) как города-спутники (СГА).
2. Расстояние между ядром агломерации и городами-спутниками.

Предельное расстояние между ядром и городами-спутниками определялось численностью населения главного города агломерации. Если в ядре агломерации проживает до 50 тыс. чел., максимальное расстояние между ядром агломерации и городами-спутниками принято за 15 км, при численности населения в ядре от 50 до 100 тыс. чел. – 20 км, при численности населения в ядре от 100 до 300 тыс. чел. – 25 км, от 300 до 1000 тыс. чел. – 35 км, при численности населения в ядре более 1000 тыс. чел. максимальное расстояние между центром и спутниками принято за 50 км.

В таких границах ГА – пространство, доступное для сохранения суточного ритма трудовой активности и жизнедеятельности жителей [Ридевский, 2022]. Иногда ГА называют пространством, в котором осуществляется недельный ритм трудовой активности и жизнедеятельности населения. На наш взгляд, это неоправданное расширение границ ГА. Хотя подобные пространственные структуры также существуют, но они находятся на другом пространственном уровне и развиваются в результате не агломерационных процессов, а процессов конгломерирования, приводящих к формированию городских конурбаций – обширных полицентричных городов-регионов [Geddes, 1915].

В Республике Беларусь с учетом данных переписи населения 2019 г. и сформулированных выше требований выделены 21 ГА, список которых и их основные характеристики приведены в таблице 1. Структурно каждая ГА состоит из двух и более сельско-городских континуумов (СГК), включающих в свой состав одно городское поселение и систему наиболее тесно связанных с ним сельских населенных пунктов. Центр одного из двух или более СГК, входящих в ГА, – город-ядро ГА, т.е. главный организующий центр [Ридевский, 2022].

Таблица 1

Городские агломерации Республики Беларусь*, тыс. человек

ГА	СГК	Численность населения		
		сельского	городского	всего
1	2	3	4	5
Городские агломерации национального значения				
Барановичская	Барановичский, Ляховичский, Городищенский	33,4	187,7	221,1
Брестская	Брестский, Жабинковский	52,5	352,9	405,4
Оршанская	Оршанский, Баранский, Болбасовский, Копысский, Ореховский, Дубровенский	27,2	132,5	159,7
Полоцкая	Полоцкий, Новополоцкий, Ветринский	18,9	182,1	201,0

Ридевский Г.В.
Влияние агломерационных процессов на внутреннюю миграцию в Республике Беларусь

1	2	3	4	5
Гомельская	Гомельский, Уваровичский, Большевицкий, Ветковский, Добрушский	89,1	542,0	631,1
Мозырская	Мозырский, Калинковичский	29,1	143,2	172,3
Гродненская	Гродненский, Скидельский, Сопоткинский	42,9	367,4	410,3
Борисовско-Жодинская	Борисовский, Жодинский, Зеленоборский	33,6	207,1	240,7
Минская	Минский, Заславский, Мачулищанский, Радоминский, Руденский, Смолевичский, Свислочский, Смиловичский, Дзержинский, Фанипольский, Логойский	323,7	2144,9	2468,6
Молодечненская	Молодечненский, Вилейский	40,5	119,0	159,5
Солигорская	Солигорский, Старобинский	12,4	107,9	120,3
Бобруйская	Бобруйский, Кировский	23,4	220,5	243,9
Могилёвская	Могилёвский, Шкловский	55,0	372,3	427,3
Городские агломерации регионального значения				
Ивацевичская	Ивацевичский, Коссовский	12,5	24,4	36,9
Столинская	Столинский, Речицкий	12,6	18,8	31,4
Светлогорская	Светлогорский, Сосновоборский	8,3	67,7	76,0
Волковысская	Волковысский, Красносельский, Росский	11,7	53,8	65,5
Дятловская	Дятловский, Новоельнянский	12,1	11,0	23,1
Крупская	Крупский, Бобрский	5,9	9,4	15,3
Несвижская	Несвижский, Городейский	17,0	19,4	36,4
Осиповичская	Осиповичский, Татарковский	5,0	30,6	35,6
Все ГА	63 СГК	866,8	5314,6	6184,4

* Выделены автором на основе переписи населения Республики Беларусь 2019 г.

Все ГА в 2019 г. концентрировали 65,6% населения Беларуси, в том числе 72,8% городского и 41% сельского. В состав ГА входили 63 городских поселения (21 городское поселение – ядра агломераций и 43 города-спутника). Агломерирование охватило 31,5% всех городских населенных пунктов страны.

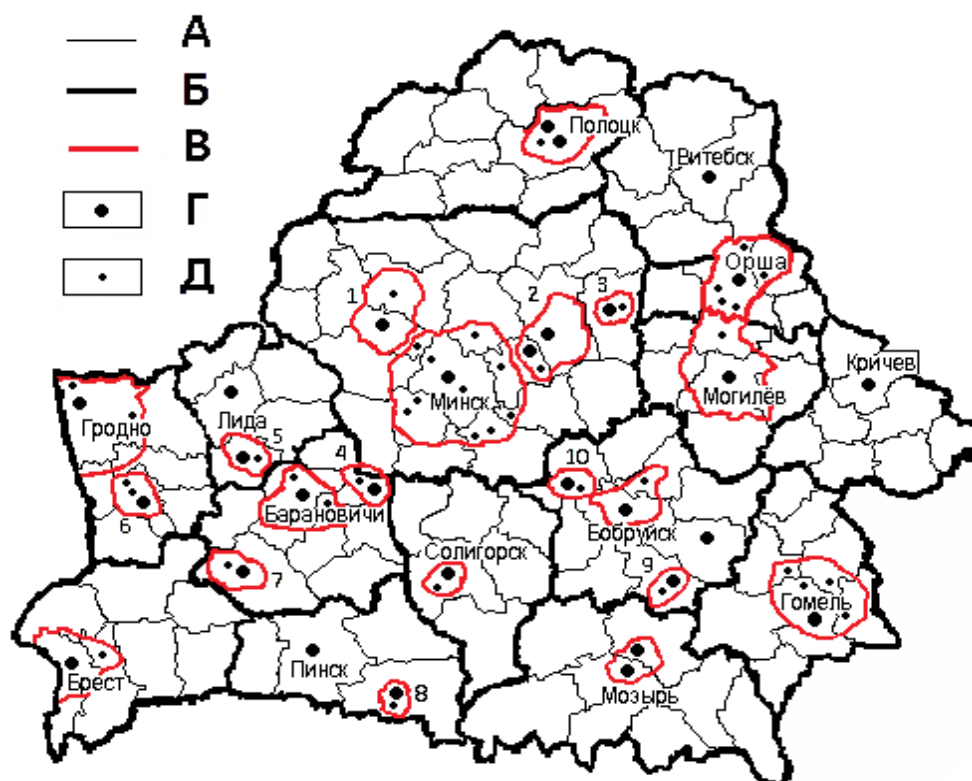
Все ГА по их значимости в национальной системе расселения можно разделить на две группы: национального и регионального значения. ГА национального значения возглавляют города национального значения, к которым отнесены: города-регионополисы, т.е. центры 15-ти исторически сложившихся в стране систем расселения, хозяйствования и природопользования или социально-эколого-экономических районов (СЭЭР); города-эксрегионополисы, возглавлявшие ранее существовавшие СЭЭР (Борисов, Молодечно); город-квазирегионополис, т.е. претендующий на роль регионополиса – г. Жодино, находящийся в Бобруйском СЭЭР; города Жодино, Калинковичи, Новополоцк – части так называемых «парных», т.е. практически сросшихся городов (Борисов-Жодино, Мозырь-Калинковичи, Полоцк-Новополоцк). Города-регионополисы – связующее звено, соединяющее центральные и периферийные регионы каждого СЭЭР, а сами СЭЭР выступают как пространственные структуры, в границах которых материализуется единство их центра и периферии (рис. 1).

18 самостоятельных городов национального значения, включающих города Жодино, Новополоцк и Калинковичи парных городов, сформировали 13 ГА национального значения. Не сфор-

мировали ГА только пять центров СЭЭР – города Витебск, Лида, Пинск, Кричев и Жлобин (рис. 1).

Восемь ГА имеют региональное значение, т.е. их города-ядра играют важную роль в развитии СЭЭР, в составе которых они находятся. Ивацевичская и Несвижская ГА входят в состав Барановичского СЭЭР, Столинская – в состав Пинского СЭЭР, Светлогорская и Осиповичская – в состав Бобруйского СЭЭР, Волоковысская, Дятловская и Крупская ГА – соответственно, в состав Гродненского, Лидского и Минского СЭЭР.

Население каждой из региональных ГА не превышает 100 тыс. чел., а во всех ГА национального значения – превышает эту величину. Зона формирования всех ГА регионального значения (метрополитенский ареал), а также Солигорской ГА национального значения локализуется на части территории соответствующего района. Метрополитенский ареал Гродненской ГА включает практически весь Гродненский район, Полоцкой ГА – Полоцкий район, во всех остальных 11 ГА национального значения полностью или частично включает два или более административных района (рис. 1).

Границы: А – административных районов, Б – СЭЭР, В – ГА

Города: Г – ядра ГА (города-центры СЭЭР подписаны), Д – городские поселения – спутники ГА:

1 – Молодечненская, 2 – Борисовско-Жодинская, 3 – Крупская, 4 – Несвижская, 5 – Дятловская, 6 – Волковысская, 7 – Ивацевичская, 8 – Столинская, 9 – Светлогорская, 10 – Осиповичская

Рис. 1. Городские агломерации Республики Беларусь, выделенные с учетом переписи населения 2019 г. в границах СЭЭР [Ридевский, 2022]

Барановичская ГА распространяется частично на два административных района – Барановичский и Ляховичский, Брестская – на Брестский и Жабинский районы, Молодечненская – на Молодечненский и Вилейский районы, Борисовско-Жодинская – на Борисовский район и город областного подчинения Жодино, Бобруйская – на Бобруйский и Кировский районы, Могилевская – на Могилевский и Шкловский районы, Мозырская – на Мозырский и Калинковичский, Оршанская – на Оршанский и Дубровенский районы.

Наиболее обширные метрополитенские ареалы сформированы Гомельской и Минской ГА. Гомельская ГА распространяет свое значительное влияние на Гомельский, Ветковский и Добрушский районы, Минская – на Минский, Дзержинский, Смолевичский, Логойский районы. В зоны преимущественного влияния этих и ранее описанных ГА включались только районы, районный центр которых входит в состав соответствующей ГА.

Все развитие ГА активно проявляется на территории 33-х районов Беларуси из 118 административных районов страны. Определение метрополитенских ареалов формирования ГА важно для оценки их влияния на миграционные процессы внутри страны.

Вклад миграционных процессов в динамику численности населения регионов Беларуси

Для оценки вклада миграционных процессов в динамику численности населения регионов Беларуси использовались официальные статистические данные за 2011–2018 гг., поскольку с 2020 г. подобные данные в стране не публикуются. Официальные данные о численности населения Беларуси и ее регионов на начало 2019 г. корректировались на основе информации о размещении населения, полученной в результате переписи населения 2019 г., и не могут служить для продолжения этого временного ряда. Поэтому настоящее исследование ограничилось данными текущего учета населения на начало 2018 г., а данные о миграциях населения за 2019 г. были исключены из рассмотрения (как несопоставимые).

Под регионами Беларуси понимались как области и г. Минск, так и города областного подчинения и административные районы, т.е. субнациональные и базовые единицы административно-территориального деления (АТД) страны. Всего насчитывается 135 единиц АТД, в том числе: г. Минск, шесть областей, десять городов областного подчинения и 118 административных районов.

За 2011–2018 гг. в миграционные процессы на территории Беларуси были вовлечены 2040,8 тыс. граждан страны и иностранных граждан. Среди всех мигрантов 259,5 тыс. человек (12,7%) составили иностранные граждане, а 1781,3 тыс. человек (87,3%) – граждане Беларуси. Положительное сальдо миграционных процессов за счет международных миграций составило 86,3 тыс. человек [Демографический ежегодник ... , 2019].

Иностранные мигранты в 2011–2018 гг. прибывали во все субнациональные регионы Беларуси, но в 2018 г., например, 64,7% всего внешнего миграционного прироста населения пришлось на Минск и Минскую область.

Во внутренних миграционных потоках за 2011–2018 гг. 48,5% пришлось на межобластную миграцию (преимущественно из областей в Минск и Минскую область), 38,2% – на внутриобластную межрайонную (в основном из малых городов и сельской местности в большие города) и 13,3% – на внутриобластную внутрирайонную (преимущественно из сельской местности в райцентры) [Демографический ежегодник ... , 2019].

Приведенные данные свидетельствуют, что внутренние миграционные процессы имеют существенно большую значимость для трансформации размещения населения Беларуси и социально-экономического развития страны, чем внешние.

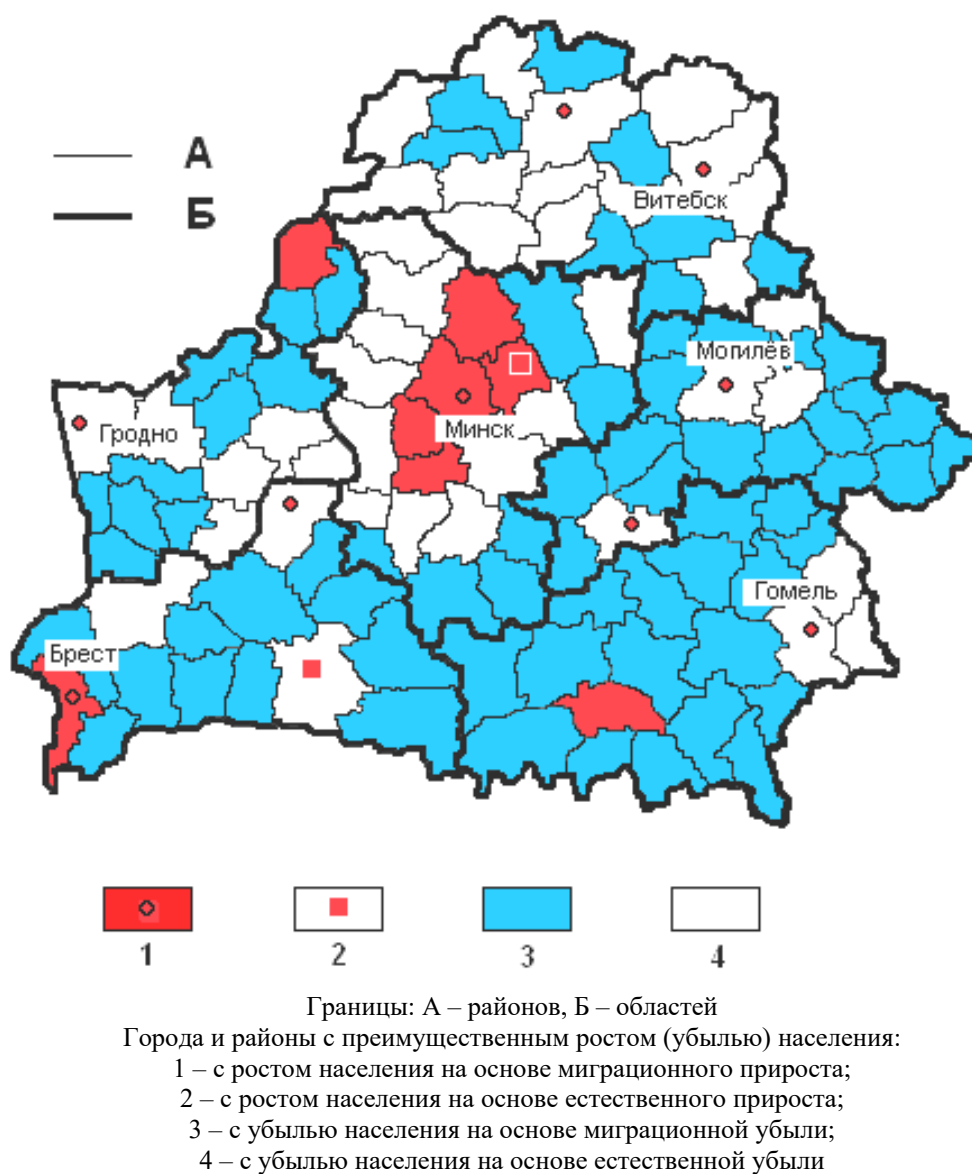

Рис. 2. Распределение городов и районов Республики Беларусь по основным факторам роста (убыли населения) за 2011–2018 гг.

Оценка демографического баланса (соотнесение естественного и миграционного прироста населения с динамикой численности населения) регионов Беларуси на начало 2011 и 2019 г. позволило разделить все субнациональные и базовые регионы Беларуси на четыре группы: 1) с убылью населения преимущественно за счет отрицательного естественного прироста населения; 2) с убылью населения преимущественно за счет отрицательного миграционного прироста населения; 3) с ростом населения преимущественно за счет положительного естественного прироста населения; 4) с ростом населения преимущественно за счет положительного миграционного прироста населения [Ридевский, 2023а]. Распределение городов и районов на четыре вышеназванные группы отражают рисунок 2 и таблица 2.

Республика Беларусь в целом и пять областей страны, кроме Минской, – это регионы с убылью населения в 2011–2018 гг. Отрицательный естественный прирост – главная причина депопуляции Республики Беларусь в целом и Брестской области, в частности. В Витебской, Гомельской, Могилёвской и Гродненской областях основная причина депопуляции – миграционный отток населения.

Минск и Минская область – две единицы АТД субнационального уровня с растущим населением в 2011–2018 гг., при этом главный фактор роста населения и в городе, и в области – миграционный прирост населения. В число единиц АТД с растущим населением в 2011–2018 гг. вошли также все десять городов областного подчинения, существующие в настоящее время в стране, и восемь административных районов.

Среди всех городов областного подчинения в двух (Пинск и Жодино) население росло на основе естественного прироста, а в остальных – на основе миграционного прироста. В последних было сконцентрировано на начало 2018 г. 5048,8 тыс. человек, или 53,5% всего населения Беларуси. В 70 районах, в которых главным фактором динамики численности населения была его миграционная убыль, проживало еще 26,5% населения страны.

Таблица 2

Распределение городов и районов Республики Беларусь по основным факторам роста (убыли) населения в 2011–2018 гг.

Города и районы с ростом / убылью населения	Главные факторы динамики численности населения		Всего городов и районов
	Миграционный прирост / миграционная убыль	Естественный прирост / естественная убыль	
С ростом численности населения	17 (8 районов и 9 городов)	2 города	19
С убылью населения	70 районов	40 районов	110
Всего	87 (9 городов и 78 районов)	42 (2 города и 40 районов)	129

Таким образом, миграционные процессы – главный фактор, определяющий динамику численности населения большинства единиц АТД страны базового уровня (в которых проживало, включая г. Минск, 80% населения страны), и одновременно главный фактор трансформации раз-

мещения населения в современной Беларуси. Оставшиеся 20% населения Беларуси проживало в районах, в которых динамика численности населения определялась в основном естественным движением.

Приведенные данные позволяют утверждать, что в Беларуси произошел третий демографический переход, т.е. миграция стала основным процессом, определяющим демографическое развитие большинства регионов страны.

Представляется, что внутренняя миграция должна рассматриваться как фактор третьего демографического перехода (наряду с внешней миграцией). Такая точка зрения не только правомерна, но и продуктивна, поскольку первый (исторически быстрое снижение рождаемости и смертности) и второй (трансформация семейно-брачных отношений) демографические переходы принято рассматривать не только на глобальном, но и на страновом и внутристрановом (региональном) уровнях. Третий демографический переход не должен быть исключением и ограничиваться рассмотрением только внешних миграционных процессов. Наоборот, распространение концепции третьего демографического перехода (у истоков которого стоял Дэвид Коулмен [Coleman, 2006]) на внутренние миграции позволяет по-новому взглянуть на них как на мощный фактор регионального и странового развития, в настоящее время очевидно недооцененный [Ридевский, 2023а].

Как показал анализ, во всех единицах АТД Республики Беларусь с растущим населением на основе миграционного прироста (17 городов и районов), кроме г. Витебска, Островецкого и Узденского районов, активно проявляются процессы агломерирования, т.е. они находятся в границах метрополитенских ареалов сложившихся ГА в стране. Миграционный прирост населения в Витебске, Островецком и Узденском районах объясняется следующими факторами. Витебск – областной центр с развитой инфраструктурой, имеющий высокую миграционную привлекательность, Островецкий район – главная стройка страны, где с 2012 г. возводится Белорусская АЭС, а Узденский район расположен на периферии Минской ГА и частично входит в ее состав.

Миграционный прирост населения в 2011–2018 гг. в отдельных городах и районах страны привел к приросту населения в семи ГА национального значения: Минской, Гомельской, Могилевской, Брестской, Гродненской, Мозырской и Полоцкой, а также стал главным фактором положительного демографического баланса населения пяти ГА (Минской, Гомельской, Могилевской, Гродненской и Брестской). Из 14 городов и районов Беларуси с растущим населением на основе миграционного прироста г. Минск, Минский, Логойский, Смолевичский, Дзержинский районы входят в состав Минской ГА; г. Брест и Брестский район – Брестской ГА; Мозырский район – Мозырской ГА. В Гродненской, Барановичской, Полоцкой, Могилевской, Бобруйской, Гомельской ГА на основе миграционного прироста росли только их организующие городские центры – ядра ГА. В Брестской ГА миграционный прирост обеспечил 64% роста ее населения в 2011–2018 гг., в

Гродненской ГА – 64,2%, в Минской ГА – 79,9, в Могилевской ГА – 98,3, в Гомельской – 103,5% (т.е., в Гомельской ГА имела место естественная убыль населения).

Внутренние миграционные потоки в современной Беларуси не всегда эффективны, поскольку в значительной степени направлены в г. Минск и Минскую ГА, т.е. способствуют переходу Беларуси к моноцентричному развитию [Ридевский, 2015]. На Минскую ГА в 2011–2018 гг. пришлось 65,4% всего миграционного прироста населения 13-ти ГА национального значения, 97,3 естественного и 70% общего прироста населения.

Поскольку моноцентричное развитие неэффективно с социально-экономических и экологических позиций, государственное управление направлениями внутренних миграционных потоков становится важной задачей региональной политики. Основные пути ее решения видятся в развитии рынков труда, формируемых в границах СЭЭР, и проведении макроэкономической политики в области оплаты труда, направленной на планомерное приближение минимального уровня оплаты труда к средней заработной плате по стране, а также развитие социальной инфраструктуры в периферийных районах и др. [Ридевский, 2023в].

Оценка влияния агломерационных процессов на миграционный прирост населения в регионах Беларуси

Оценка влияния агломерационных процессов осуществлена на основе расчетов миграционного прироста населения регионов Беларуси в 2011–2018 гг. Миграционный прирост населения в обозначенный период отмечался только в 27 единицах АТД и суммарно составил 286,2 тыс. человек. В 102 единицах АТД отмечалась миграционная убыль населения, достигшая 199,9 тыс. человек. Таким образом, миграционное сальдо¹ составило 86,3 тыс. человек, т.е. положительный баланс обеспечили 30,2% миграционного прироста населения единиц АТД первой группы.

Из 27 единиц АТД 19 городов и районов с миграционным приростом населения можно отнести к 11 ГА национального значения (кроме Оршанской и Солигорской) – рисунок 3. В городах и районах с миграционным приростом населения, входящих в состав ГА национального значения, было сконцентрировано 92,3% миграционного прироста населения Беларуси в 2011–2018 гг., из них только на Минскую ГА пришлось 54,8% этого прироста. Это свидетельствует о наибольшей активности развития данной ГА среди всех агломераций Беларуси.

В большинстве ГА национального значения миграционный прирост населения наблюдался только в отдельных единицах АТД, а не в границах всего метрополитенского ареала. Особенно это касается городов – ядер ГА, таких как Гродно, Могилев, Бобруйск, Молодечно, Мозырь, Барановичи, а также г. Жодино как части Борисовско-Жодинской ГА. В Гомельской ГА миграционный прирост населения отмечается не только в г. Гомеле, но и в Гомельском и Ветковском районах, а в

¹ Разница между приростом населения и его убылью.

Брестской ГА – в г. Бресте и Брестском районе. Хотя на Гомельский и Ветковский районы в Гомельской ГА пришлось всего 3,5% миграционного прироста населения, на Брестский район в составе Брестской ГА – 11,9%.

С учетом приблизительно очерченных границ метрополитенских ареалов, обозначенных выше, миграционный прирост населения наблюдался во всех единицах АТД только в Минской и Полоцкой ГА. В Минской ГА на ядро агломерации пришлось 61,5% ее миграционного прироста, а на пригородную зону – 38,5%.

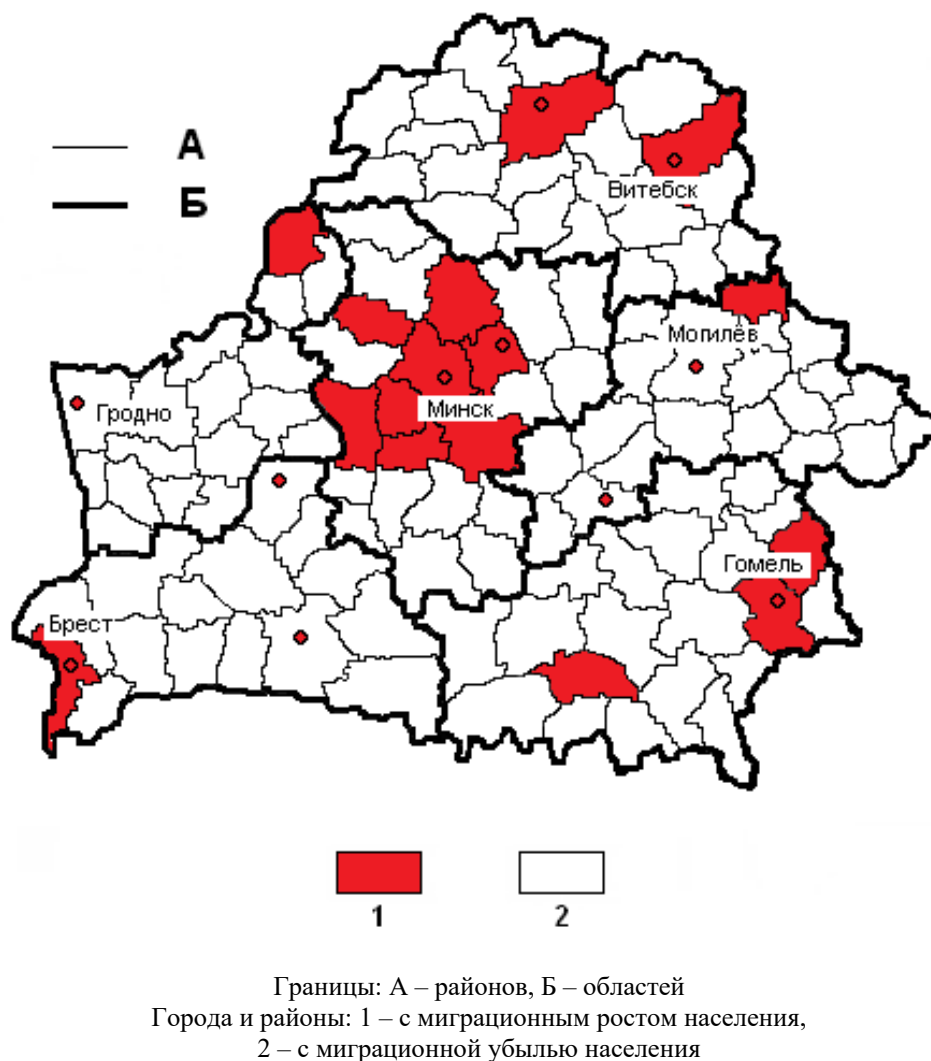

Рис. 3. Распределение городов и районов Республики Беларусь по миграционному росту и миграционной убыли населения за период 2011–2018 гг.

Наряду с ГА полицентричность развития Беларуси должны обеспечивать все центры СЭЭР, в том числе не сформировавшие ГА города Витебск, Лида, Пинск, Кричев и Жлобин [Ридевский, 2023б]. Среди последних высокой миграционной привлекательностью отличаются Витебск и Пинск. Витебск и Витебский район в 2011–2018 гг. привлекли 5,7% всех мигрантов городов и районов Беларуси, имевших в рассматриваемый период миграционный прирост населения. Витебский СГК, близкий по занимаемой территории г. Витебску и Витебскому району, по миграционной привлекательности не уступает другим областным центрам Беларуси.

Ведущее значение ГА национального значения в привлечении мигрантов, как внешних, так и внутренних, обусловлено тем, что ядра подобных агломераций – крупнейшие города Беларуси, с выгодным географическим положением, развитым и дифференцированным рынком труда, относительно высоким уровнем оплаты труда занятых в экономике, емким потребительским рынком и развитой социальной инфраструктурой.

Основные выводы

В современной Республике Беларусь агломерационные процессы получили большое развитие. В 21 ГА сконцентрированы большая часть городского населения страны, а также значительная часть сельского населения. Метрополитенский ареал ГА Беларуси охватывает территории 33-х административных районов страны из 118-ти.

По значению в системах расселения все ГА следует разделить на агломерации национально-го и местного значения. 13 ГА национального значения и их города-ядра являются регионополисами – центрами исторически сложившихся в Беларуси социально-эколого-экономических районов (СЭЭР), или эксрегионополисами, т.е. бывшими центрами СЭЭР (города Борисов-Жодино и Молодечно). Центрами СЭЭР, не сформировавшими ГА, являются города Витебск, Пинск, Лида, Кричев и Жлобин. Последний город (Жлобин) представляет собой квазирегионополис, так как претендует на роль регионополиса в Бобруйском СЭЭР.

В связи с тем, что данные о миграционном приросте и убыли населения в Беларуси с 2020 г. официально не публикуются, оценка влияния агломерационных процессов на миграции населения в Беларуси была осуществлена на основе данных текущего учета населения за период 2011–2018 гг. Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

1. Миграционный прирост и миграционная убыль населения – главные факторы, приводящие к изменению численности населения большинства регионов Республики Беларусь, в которых проживает 80% населения страны. Это позволяет утверждать, что в Беларуси произошел третий демографический переход, т.е. миграция стала основным процессом, определяющим ее демографическое развитие. Абсолютное большинство мигрантов – белорусские граждане. Следовательно, именно внутренние миграционные процессы служат основной причиной третьего демографического перехода в стране.

2. Внутренняя миграция, наряду с внешней, должна рассматриваться как фактор третьего демографического перехода. Распространение концепции третьего демографического перехода на внутренние миграционные процессы заставляет по-новому взглянуть на них как на мощный фактор регионального и странового развития.

3. Внутренние миграционные потоки в современной Беларуси способствуют переходу страны к моноцентричному развитию. В городах и районах с миграционным приростом населения,

входящих в состав 11 ГА национального значения, в 2011–2018 гг. было сконцентрировано 92,3% всего миграционного прироста населения Беларуси, из них только на Минскую ГА пришлось 54,8% этого прироста.

4. Развитие сети ГА национального значения и СГК, не сформировавших ГА, которые являются центрами СЭЭР, – основа сохранения полицентричного развития республики. Наряду с ГА национального значения в качестве основных точек роста в Беларуси можно рассматривать Витебский, Пинский, Лидский, Кричевский и Жлобинский СГК.

Следует отметить, что демографическая ситуация в Республике Беларусь быстро меняется, и проведенная оценка влияния агломерационных процессов на миграции населения в регионах Беларуси в 2011–2018 гг. не в полной мере отражает современные реалии. Однако она важна для понимания стратегических направлений миграционных потоков в стране (в результате проявления процессов агломерирования) и в качестве методологии проведения подобных исследований в республике для других временных периодов или для других стран и территорий.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Стат. сборн. – Минск, 2019. – 419 с.
2. Запрудский И.И., Озем Г.З. К вопросу о выделении границ Минской агломерации // Эволюция общественно-географической мысли : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 29–30 сентября 2012 г. – Санкт-Петербург ; Ростов на Дону, 2012. – С. 198–207.
3. Киреенко Е.Г. Социально-экономическая география Республики Беларусь. – Минск, 2013. – 400 с.
4. Козловская Л.В. Социально-экономическая география Беларуси : в 3-х ч. – Минск : БГУ. – Ч. 1. – 2002. – 107 с. ; ч. 2. – 2004. – 99 с. ; ч. 3. – 2005. – 113 с.
5. Ридевский Г.В. Моноцентризм и полицентризм как две модели дальнейшего развития регионов Беларуси // География XXI века: наука и практика: материалы республиканской научно-практической конференции, Витебск, 27 ноября 2015 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. – С. 71–73.
6. Ридевский Г.В., Шадраков А.В. Методологические подходы к выделению и типология городских агломераций Беларуси // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сборник научных статей. – Смоленск : Универсум, 2016. – С. 414–421.
7. Ридевский Г.В. Пространственные структуры современной Беларуси : новая социально-экономическая география страны. – Минск : Бел НИИТ «Транстехника», 2022. – 244 с.
8. Ридевский Г.В. Миграции как фактор изменения численности населения регионов Беларуси // Россия : Тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН, ИНИОН ; от. ред. В.И. Герасимов. – Москва, 2023а. – Вып. 18, часть 1 : Материалы XXII Международная научно-практическая конференция с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». – С. 474–477.
9. Ридевский Г.В. Моноцентризм экономического и демографического развития современной Беларуси: выводы для региональной политики // Современные географические исследования: теория, практика, инновация : материалы Международной научно-практической конференции (Самарканд, 12–13 мая 2023 года). Часть 1. – Самарканд, 2023б. – С. 451–456.
10. Ридевский Г.В. Региональные рынки труда в современной Беларуси: тенденции развития и основные характеристики // Социальное развитие в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 8–9 декабря 2022 г. / НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Минск : Белсэньс, 2023в. – С. 233–238.
11. Ридевский Г.В. Центр-периферийные и интеграционные процессы как ключевые тренды трансформации пространственных структур // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 34–52.
12. Указ Президента Республики Беларусь «О развитии городов-спутников» от 07.05.2014 № 214 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2014. – URL <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31400214> (дата обращения 01.02.2024).
13. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and Development Review. – 2006. – № 32 (3). – P. 401–446.
14. Geddes P. Cities in evolution : an introduction to the town planning movement and to the study of civics. – London, 1915. – 409 p.
15. Сасноўскі В.М. Эканамічная і сацыяльная геаграфія Беларусі. – Мінск, 2012. – 216 с.

THE IMPACT OF AGGLOMERATION PROCESSES ON INTERNAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Gennady Ridevsky

PhD (Geograp. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research
of the Labor Research Institute of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic
of Belarus (Minsk, Republic of Belarus); ridgeo@yandex.ru

Abstract. *The article presents an assessment of the impact of agglomeration processes on population migration in the regions of the Republic of Belarus. For this purpose, urban agglomerations are considered and their typology of importance in the development of settlement systems is given. All urban agglomerations are divided into agglomerations of national and regional importance. It is shown that most urban agglomerations of national importance have a direct impact on migration processes, and population migrations are the main factors in the growth of their population in conditions of depopulation, which has engulfed most regions of the country. At the same time, urban agglomerations of national importance include most cities and districts of Belarus with a migration increase in population. It is noted that among all urban agglomerations in the country, the Minsk urban agglomeration is developing most actively. Migration is the main source of its population growth. At the same time, more than half of the migration growth of the population of all Belarusian cities and districts is concentrated here. However, the active expansion of the Minsk urban agglomeration is a threat to Belarus' transition to monocentric development.*

Keywords: *agglomeration processes; urban agglomeration; metropolitan area; migration of the population; Republic of Belarus.*

For citation: Ridevsky G.V. The impact of agglomeration processes on internal migration in the Republic of Belarus // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 101–114.

УДК 314.728(430)

ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Чухарев Андрей Владимирович

Младший научный сотрудник Отдела экономики Института
научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН
РАН), Москва, Россия; andrewv100@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается изменение населения Германии после ее объединения в 1990 г. в контексте характерной для страны региональной дихотомии «Восток–Запад». Общий анализ численности и структуры населения старых и новых земель выявил трансформацию их количественных и качественных характеристик, что позволяет говорить о нарушении баланса между рассматриваемыми территориями. Важную роль в этом процессе сыграла внутренняя миграция, которая главным образом была направлена с востока на запад. В статье прослеживается динамика и определяются ключевые особенности оттока населения из Восточной Германии, исследуются социально-экономические причины этого явления и предпринятые государством меры по их устранению.*

***Ключевые слова:** внутренняя миграция; демография; региональные различия; социальная политика; Германия.*

***Для цитирования:** Чухарев А.В. Динамика и особенности внутренних миграционных процессов в объединенной Германии // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 115–126.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI:10.31249/snsn/2024.01.07

Рукопись поступила 14.03.2024

Принята к печати 27.03.2024

Введение

На протяжении всей истории человечества миграционные процессы играли важную роль в формировании демографического и трудового потенциала территорий. Однако особое значение они приобрели в эпоху глобализации, когда высокая транспортная доступность и информационно-технологическая открытость способствовали увеличению числа перемещений абсолютно на всех уровнях: от межконтинентального и межгосударственного до внутрирегионального и местного [Будилов, 2018, с. 54]. Вопросы миграции всегда были важной политической проблемой, поскольку отсутствие определенной миграционной политики способно привести к изменению важных демографических параметров общества и нарушению социального баланса на конкретной территории [Будилов, 2019, с. 1]. После того, как пандемия COVID-19 и рост геополитической напряженности вновь сделали государственные границы серьезным препятствием для мигрантов, особую актуальность приобретает тема внутренней миграции. Часто она называется также социально-экономической миграцией [Жеребцов, 2022, с. 38], поскольку среди обуславливающих ее предпосылок определяющая роль во многих случаях отведена причинам экономического характера [Батагова, 2015, с. 74–75].

К числу стран с богатейшей историей внутренних миграционных процессов, которые и в настоящее время не утратили свою динамику и интенсивность, относится Германия [Binnenwanderung in Deutschland, 2023, S. 7–9]. Изучение столь ярко выраженного примера активной территориальной мобильности людей в пределах государственных границ может стать полезным инструментом для уточнения общих закономерностей и тенденций рассматриваемого явления как в общемировом масштабе, так применительно к России, в частности.

Методология исследования

Временные рамки основной части исследования ограничены 1990 и 2022 гг., что позволяет рассматривать выбранные показатели в динамике – с момента присоединения ГДР к ФРГ до момента, для которого необходимые статистические данные доступны в полном объеме. Однако в случае возникновения обоснованной необходимости (для формирования комплексной картины о предмете или в случае отсутствия данных) верхняя и нижняя хронологические рамки могут быть смещены в сторону как более ранних, так и более поздних дат.

Исследование проводилось на основе материалов, предоставленных Федеральным статистическим ведомством Германии и уточненных по ряду научных и информационно-новостных пуб-

ликаций. Важно отметить, что использованные статистические данные имеют определенные ограничения, которые должны быть обозначены. Так, в статистике по численности населения до 2001 г. Восточный Берлин включается в состав новых земель, а Западный Берлин – в состав старых. С 2001 г. столица исключается из данной статистики, поскольку раздельно собирать сведения по частям объединенного города стало невозможно. Поэтому из расчета сальдо внутренней миграции Берлин выведен полностью (за весь рассматриваемый период). Данные по уровню безработицы в регионах доступны с 1994 по 2023 г., данные по оплате труда – за 1996–2020 гг.

Общеметодологическую основу представленных изысканий составило сочетание классической теории миграции Эверетта С. Ли – теории «вмешивающихся препятствий» – и одной из современных теорий (М. Тодаро и Л. Маружко), которая основывается на модели индивидуального выбора. Основными методами, использованными в работе, стали общенаучные – синтез, анализ, индукция и сравнение; а также специфические для демографических и экономических исследований методы: статистический и абстрактно-логический.

Общая демографическая характеристика Германии: старые и новые земли

На момент вхождения ГДР в состав ФРГ в 1990 г. на территории так называемых старых немецких земель (Западная Германия) проживало порядка 64 млн человек, или почти в четыре раза больше, чем в так называемых новых землях (Восточная Германия), численность населения которых составляла немногим более 16 млн человек. К 2022 г. число жителей западногерманских земель увеличилось на 6,7%, достигнув показателя в 68 млн человек, в то время как в восточных, напротив, сократилось более чем на 21%, до 12,6 млн человек [Bevölkerung nach Gebietsstand ... , 2023]. Таким образом, к отчетному периоду показатели численности населения в старых и новых землях Германии стали расходиться более чем в 5 раз не в пользу последних (рис. 1).

Если рассматривать временную динамику означенных показателей более подробно, обращает на себя внимание тот факт, что изменения в них происходят неравномерно и без четко идентифицируемой корреляции. Так, численность населения Западной Германии менялась в рассматриваемый период волнообразно (рис. 1): в 1990–2000 годы последовательно увеличивалась (с 63,7 до 67,1 млн человек), в первом десятилетии XXI в. оставалась практически неизменной, а с 2011 г. вновь вступила в фазу роста (прибавив к 2022 г. порядка 3,5 млн человек). В свою очередь, число жителей Восточной Германии сокращалось с 1990 по 2011 г., после чего стабилизировалось на отметках около 12,5–12,6 млн человек.

Как в Западной, так и в Восточной Германии накопленная естественная убыль населения с 1990 по 2022 г. составила порядка 2 млн человек. В относительных величинах этот показатель соответствует ежегодному среднему сокращению численности населения на одного и на четыре че-

ловека на каждую 1000 жителей в Западной и Восточной Германии, соответственно. Таким образом демографический кризис в новых землях проявляется в большей степени, чем в старых [Bevölkerungsentwicklung in Ost- und Westdeutschland ... , 2024].

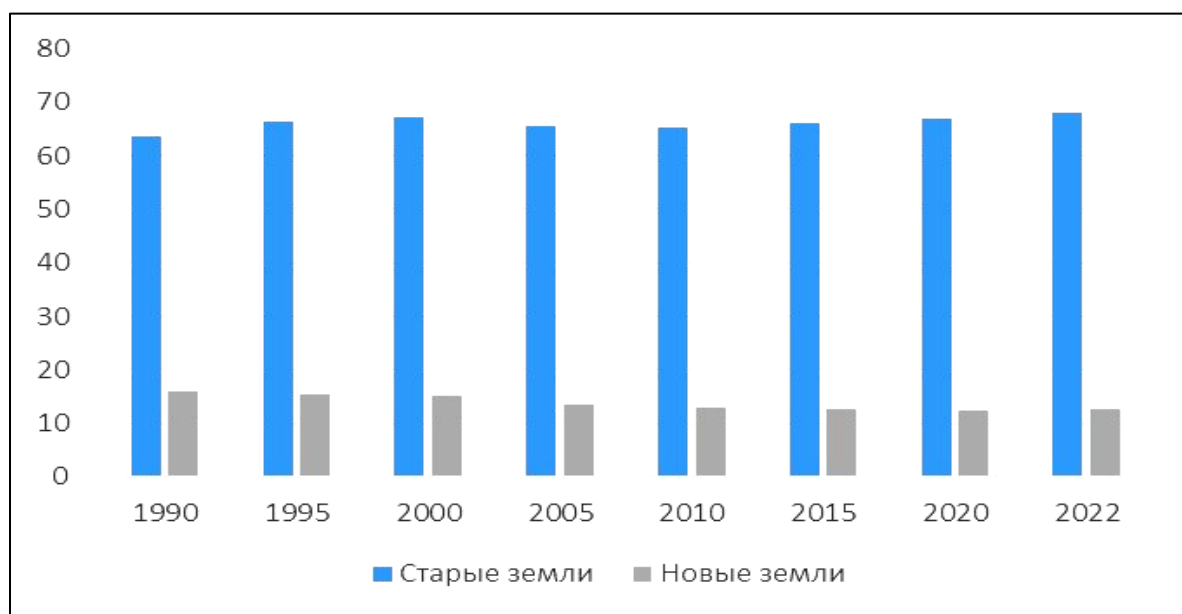

Рис. 1. Численность населения Германии по регионам (старые / новые федеральные земли), 1990–2022 гг., млн человек

Составлено по данным: [Bevölkerung nach Gebietsstand ... , 2023].

Отличительной чертой демографии современной Германии, оказывающей существенное влияние на социально-экономическое положение в стране, является старение ее населения. С момента объединения и до 2022 г. доля лиц в возрасте до 20 лет в общей структуре населения снизилась с 22% до 19%, в то время как доля лиц пожилого возраста (Федеральное статистическое ведомство Германии относит к таковым людей в возрасте 65 лет и старше), напротив, увеличилась, причем на 7% – с 15% до 22% от совокупного числа жителей. При этом демографическое старение населения на востоке происходит быстрее, чем на западе. На территории бывшей ГДР на 1990 г. молодые люди составляли 25%, а пожилые 14% от населения, на 2022 г. – 18% и 27% соответственно. Население Западной Германии было старше в 1990 г. (21% молодых людей и 15% лиц пожилого возраста), но к 2022 г. это соотношение изменилось, и население старых земель омоложилось относительно населения новых (19% лиц в возрасте до 20 лет и 21% пожилых, что выше на 1% и ниже на 6% в сравнении с соответствующими показателями для Восточной Германии) [Bevölkerungsentwicklung in Ost- und Westdeutschland ... , 2024].

Объединение Германии в 1990 г. оказало серьезное влияние на демографическое развитие страны в целом и отдельных ее регионов, в частности. Изменения в социальной структуре населения старых и новых земель происходили по разным сценариям. Вместе с тем масштаб изменений в Восточной Германии оказался ощутимо большим. Под воздействием целого комплекса причин, к

числу которых относятся снижение рождаемости, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, миграционные паттерны и т.д., ускорилось демографическое старение населения данного региона. При этом значимую роль в данном процессе играет внутренняя межрегиональная миграция.

Развитие межрегиональных миграционных процессов в Германии (ось «Запад–Восток») и их характерные черты

Современная история перемещения немцев между западной и восточной частями Германии, если рассматривать ее в расширительном смысле, насчитывает не одно десятилетие и к настоящему времени охватывает более чем полувековой период. Ее важнейшей вехой стал 1990 г., когда природа процесса претерпела значительное изменение сущностного характера: миграция между двумя немецкими государствами вместе со вхождением ГДР в состав ФРГ перестала быть внешней и была преобразована во внутреннюю. Именно с этого момента становится возможным рассмотрение миграционных процессов в Германии, идущих по линии «Запад–Восток», с позиции актуальной для сегодняшней конфигурации страны региональной дихотомии.

Однако следует понимать, что переселения немцев с запада на восток и наоборот до и после 1990 г. – не просто взаимосвязанные события, но, в сущности, две компоненты одного явления. Именно поэтому выстраивание наиболее полной периодизации миграции между германскими регионами требует смещения нижней хронологической границы исследования к более ранней дате.

Анализ статистических данных, характеризующих миграцию на территории современной Германии с 1957 по 2022 г., указывает на наличие четко идентифицируемой тенденции к численному преобладанию миграционных потоков в направлении с востока страны на ее запад над обратно ориентированными, а также на волновую динамику оттока населения с территории бывшей ГДР.

Отрицательное сальдо миграции в Восточной Германии фиксируется на протяжении большей части периода наблюдений – с 1957 по 2017 г., – а его пиковые значения образуют три крупные волны массового выбытия. Первая из них приходится на 1957–1961 гг. В это время число выехавших в Западную Германию составляло порядка 200–400 тыс. человек в год, тогда как в противоположном направлении перемещалось менее 50 тыс. человек [Die Millionen, die gingen, 2019]. Затухание данной волны совпадает с возведением Берлинской стены и усилением пограничного контроля между двумя немецкими государствами.

Вторая волна массовой миграции на Запад (1989–1991) закономерно началась после падения Берлинской стены и ознаменовалась переселением в данном направлении почти миллиона человек (рис. 2). Миграция была связана с рыночными реформами в Восточной Германии, сопровождавшимися закрытием предприятий и ростом безработицы в регионе. Впрочем, параллельно с этим наблюдался и существенный (относительно предшествующего периода) рост перемещения немцев с запада на восток, достигший к 1991 г. показателя в порядка 90 тыс. человек [Die Millionen, die

gingen, 2019]. После 1990 г. миграционный поток из новых земель в западном направлении стал сокращаться, и к 1993 г. стабилизировался на отметке около 125 тыс. человек в год. В 1993–1998 гг. ежегодная отрицательная чистая миграция из Восточной Германии в среднем составляла 37 тыс. человек.

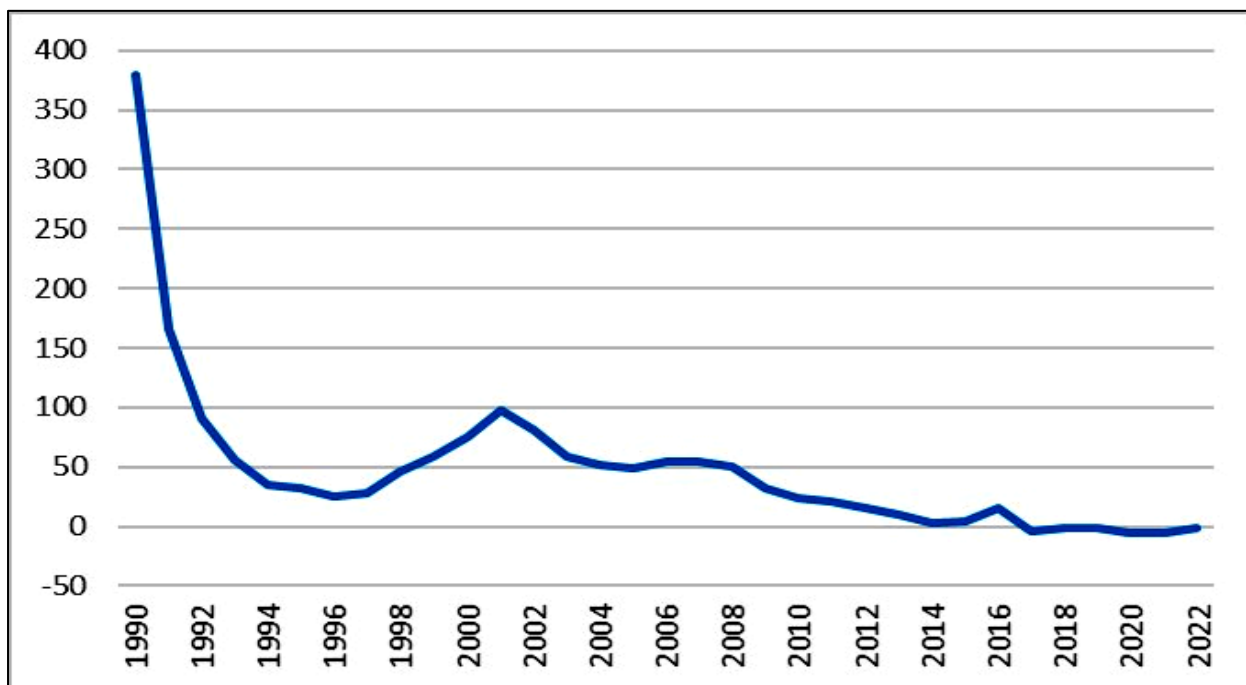

Рис. 2. Динамика чистой миграции между старыми и новыми федеральными землями Германии (чистый отток населения из Восточной Германии), 1990–2022 гг., тыс. человек

Составлено по данным [Burda, Hunt, 2001, p. 52; Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland, 2023].

Третья волна массовой миграции в старые земли охватывает период 1999–2004 гг. Тогда бывшую ГДР покидали в основном молодые трудоспособные граждане, особенно женщины, а также лица со специальным и высшим образованием, для которых переезд на запад страны означал расширение карьерных возможностей. С завершением третьей волны преобладающим стал тренд на сокращение чистого оттока населения из Восточной Германии [Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland, 2023].

С 1991 по 2022 г. совокупное отрицательное сальдо внутренней миграции новых федеральных земель составило порядка 1,2 млн человек: регион покинули около 3,7 млн граждан, в то время как число прибывших исчисляется 2,5 млн. Цезурой или точкой поворота в процессе массового переселения немцев на запад стал 2017 г., когда впервые за многие десятилетия в землях, ранее входивших в состав ГДР, была зафиксирована положительная чистая миграция [Binnenwanderung in Deutschland, 2023, S. 11].

Вместе с тем следует отметить, что рассматриваемые миграционные процессы затронули различные половозрастные группы немецкого общества в неравной степени. Миграция была и

продолжает оставаться избирательной, что служит катализатором для ускоренного старения населения Восточной Германии (в подавляющем большинстве сельских районов), общего сокращения его численности, а также снижения доли женщин в его структуре. Количественные оценки последствий переселения жителей Германии по направлению «Восток–Запад» за период с 1991 по 2004 г. показали, что уровень рождаемости на территории бывшей ГДР был бы более чем на 12% выше действительного, а в Западной Германии – более чем на процент ниже такового, если бы не сказался эффект внутренней миграции [The turnaround in internal migration ... , 2020]. Одновременно миграционный отток ускорил демографическое старение в регионе на треть для женщин и на четверть для мужчин [Mai, Scharein, 2009].

Проблема оттока молодого трудоспособного населения из Восточной Германии остается актуальной и на сегодняшний день. В 2018–2022 гг. наиболее многочисленные группы отбывающих составляли лица в возрасте от 18 до 30 лет – в среднем 4,4 человека на каждую 1000 жителей соответствующей возрастной группы. До 2022 г., когда сальдо данного показателя резко стало положительным, наблюдался также высокий уровень чистого выбытия молодых женщин (18–25 лет) из новых регионов: 1,9–2,9 человек на каждую 1000 соответствующей половозрастной группы в 2018–2021 гг. [Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland, 2023].

Социально-экономические причины оттока населения из новых земель и государственная политика по их устранению

Выбранные в качестве методологической основы исследования теории «вмешивающихся препятствий» и теории индивидуального выбора определяют модель миграции как баланс сил выталкивания и притяжения [Гусейнова, Козлова, с. 203–204]. Не последнюю роль среди них играет рациональная оценка гипотетических недостатков и преимуществ, получаемых потенциальными мигрантами в связи с переменой места жительства [Гусейнова, Козлова, с. 205]. В связи с этим логичным представляется обращение к анализу ряда социально-экономических показателей, характеризующих благосостояние населения Германии в региональном разрезе. В качестве данных показателей выбраны уровень безработицы и средняя заработная плата. Выявление ощутимого разрыва в их значениях для разных территорий укажет на непропорциональное распределение сил выталкивания (влияние которых будет в большей степени ощущаться в менее благополучном регионе) и притяжения (делающих привлекательным более благополучный регион), а также на экономическую обоснованность индивидуального выбора в пользу переселения.

Статистические данные по занятости трудоспособного населения в Германии, рассмотренные с позиции региональных различий, свидетельствуют о сохранении в течение длительного времени неоднородности рынка труда в стране. Так, доля безработных в общей структуре трудоспособного населения на территории бывшей ГДР на протяжении 1994–2023 гг. в среднем превы-

шала соответствующий показатель для старых земель почти на 6%: на востоке средний уровень безработицы в рассматриваемом периоде составил 12,8%, на западе – менее 7% (рис. 3). Примечательно, что пиковые значения по безработице в новых землях (колебания в коридоре 17–19%) приходятся на рубеж веков и совпадают с третьей волной массовой миграции на запад. Кроме того, в данном периоде (2000–2004) также наблюдается наибольший разрыв в уровне безработицы между западом и востоком, достигавший 9–10%. Сокращение доли безработных в структуре населения Восточной Германии началось в 2006 г. и продолжалось до 2019 г. Замедление темпов этого сокращения со временем привело к стабилизации показателя, значение которого на сегодняшний день все еще остается выше, чем в Западной Германии.

Рис. 3. Показатели благосостояния населения Германии по регионам, 1990–2023 гг.

Составлено по данным: [Köpf, 2023; Arbeitslose und Arbeitslosenquote ... , 2024].

Аналогичным образом в статистике зафиксировано расхождение в показателях оплаты труда в старых и новых землях. В среднем в 1996–2020 гг. заработная плата в Западной Германии была на 600 евро выше, чем в Восточной: работники получали по 2874 и 2291 евро до вычета налогов в месяц, соответственно (рис. 3). Таким образом, в рассматриваемом периоде средний разрыв в оплате труда, выраженный в относительных величинах, составлял порядка 25,5%. Следует отметить, что до 2008 г. данный показатель удерживался стабильно выше указанного уровня (даже тяготел к 30%), затем в течение восьми лет отличался большей волатильностью, и лишь с 2017 г. перешел к последовательному снижению, опустившись ниже 20%. Тем не менее эта проблема остается нерешенной и сегодня. В 2021–2022 гг. заработная плата в новых землях была на 12–13 тыс. евро в год ниже, чем в старых (в 2022 г. расхождение вновь увеличилось до 20%) [Menschen in Ost-

deutschland verdienen ... , 2023]. Согласно прогнозам экспертов, на преодоление данного разрыва потребуется еще от десяти до 20 лет [Körf, 2023].

Различие в условиях оплаты труда в Западной и Восточной Германии не только является фактором, способствующим росту промиграционных настроений в новых землях и поддерживающим плотность потока переселенцев на запад, но и служит причиной возникновения специфического для трудового рынка страны явления межрегиональной маятниковой миграции. В середине 2020 г., согласно данным статистики, порядка 408 тыс. жителей Восточной Германии (более 3% наличного населения региона) ездили на работу в старые земли. В то же время обратно направленный поток мигрантов, перемещающихся между регионами по маятниковой схеме, охватывал на 43,5% меньшее количество человек – около 178 тыс. [Donhauser, 2021].

Катализация конвергенции процессов по линии «Запад–Восток» и выравнивание социально-экономической конъюнктуры в регионах относятся к числу приоритетных задач внутренней политики Германии. В рамках усилий по данному направлению с момента вхождения ГДР в состав ФРГ федеральным правительством Германии до 2019 г. осуществлялась масштабная программа по интеграции новых земель, получившая общее название «Подъем Востока» (“Aufbau Ost”). Ее реализация проходила в три этапа: в 1990–1994 гг. финансовая помощь восточному региону оказывалась через Фонд германского единства, а в 1995–2019 гг. правительство направляло ее напрямую на основании заключенных с новыми землями Пактов солидарности, носящих порядковые номера I и II (первый действовал до 2004 г.; второй – в 2005–2019 гг.) [Хришкевич, 2019, с. 49–50]. Меры поддержки заключались по большей части в финансовых трансфертах, совокупный объем которых составил более 1,6 трлн евро [30 Jahre nach dem Mauerfall ... , 2019]. Значительная часть средств при этом резервировалась под социальную сферу [Шаншиева, 2019, с. 13], однако в Пакт солидарности II была интегрирована и политика по развитию предпринимательства. Ассигнования на нужды социально-экономической интеграции в значительной степени формировались за счет так называемого налога солидарности, который вопреки расхожему мнению уплачивали не только жители Западной Германии, но все физические и юридические лица, облагаемые подоходным налогом и налогом на прибыль в соответствии с законодательством Германии [Solidaritätszuschlaggesetz vom 24. Juni ... , 2024]. Хотя программа «Подъем Востока» была в 2019 г. свернута, а финансовые отношения федерации и регионов были пересмотрены, налог солидарности (в сильно измененном виде) сохраняется в стране и в настоящее время.

Компаративный анализ уровня безработицы и значений средней заработной платы в Западной и Восточной Германии действительно указывает на непропорциональное распределение благосостояния между регионами. Неравенство социально-экономического развития старых и новых земель, а также различия в условиях на их рынках труда на протяжении десятилетий являлись ключевой причиной оттока населения с территории бывшей ГДР. Несмотря на то, что в последние

годы масштаб влияния данных факторов был существенно уменьшен, они по-прежнему во многом остаются определяющими для внутренних миграционных процессов в Германии.

Эффективность методов, которые федеральное правительство Германии использовало в борьбе за выравнивание условий жизни людей на западе и востоке страны, остается предметом дискуссий. С одной стороны, некоторое успешное продвижение по данному треку отрицать невозможно. Позитивные изменения заметны на рынке труда – за последние 30 лет в новых землях сильно снизился уровень безработицы, а опережающий рост заработной платы в регионе позволяет постепенно сокращать разрыв в доходах западных и восточных немцев; также был остановлен массовый отток населения с территорий бывшей ГДР. С другой стороны, данные результаты, очевидно, не являются полным и безоговорочным триумфом политики «Подъема Востока». Их достижение оказалось гораздо более ресурсоемким и продолжительным, чем предполагалось первоначально, а окончательной конвергенцией регионов не произошло. Кроме того, даже такой неабсолютный успех был получен довольно высокой ценой – выбытием пятой части населения Восточной Германии, ускорением демографического старения в регионе и связанным с этими процессами ростом социальных издержек.

Заключение

Внутренние миграционные процессы в Германии на современном этапе в значительной степени определяют демографическую ситуацию в стране и отличаются наличием стабильного направления в пространстве. Наряду с традиционными для всего мира потоками перемещения людей, – между соседними территориями, а также между урбанизированными и сельскими районами – с момента вхождения ГДР в состав ФРГ в Германии существует миграция на макрорегиональном уровне, ориентированная по оси «Запад–Восток». Такое положение вещей обусловлено историческим развитием страны, на территории которой долгое время сосуществовали два отдельных государства.

«Исход» жителей Восточной Германии на запад, с разной интенсивностью осуществлявшийся на протяжении более трех десятилетий, отразился на структуре всего германского общества. Его важнейшими следствиями является ускоренное снижение численности населения и его старения в новых землях при замедлении данных процессов в старых землях. Ключевой причиной массового переселения восточных немцев стала диспропорция в уровне социально-экономического развития регионов. После объединения Германии властями был предпринят комплекс мер по ее устранению, реализация которых, однако, затянулась и не дала всех ожидаемых результатов. Проблема выравнивания уровня благосостояния между западом и востоком по-прежнему остается актуальной для страны.

Перед Россией в настоящее время стоит во многом аналогичная задача: четыре новых региона – Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Запорожская и Херсонская области – остро нуждаются в более тесной интеграции в ее состав. Социально-экономическое положение воссоединившихся территорий в силу объективных причин существенно отличается от условий, сложившихся в других субъектах РФ за многие годы развития в границах одного государства. Ситуация в перечисленных районах характеризуется гораздо меньшей устойчивостью, а также уязвимостью к конъюнктурным флуктуациям и наличием большего числа проблемных сфер, что делает вопрос выравнивания уровня жизни и хозяйственного развития по всей территории Российской Федерации крайне актуальным.

В данном контексте опыт Германии рубежа XX–XXI вв. заслуживает внимания как с точки зрения прогнозирования демографической динамики в нашей стране, так и с позиции поиска действенных инструментов преодоления региональных диспропорций. Детальный анализ и здравая оценка отдельных элементов программы «Подъем Востока» может помочь в выработке оптимальной политики восстановления и хозяйственной интеграции новых регионов в составе России.

Список литературы

1. Батагова Л.Х. Социально-экономические факторы миграции населения РСО – Алания // Дискуссия. – 2015. – № 6 (58). – С. 74–82.
2. Будилов А.П. Основные тренды внутренней миграции населения России // Вопросы территориального развития. – 2019. – № 4 (49). – С. 1–10.
3. Будилов А.П. Система расселения и внутренняя миграция в России // Территория науки. – 2018. – № 6. – С. 54–60.
4. Гусейнова А.И., Козлова Е.И. Классические и современные теории миграции населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 2 (36). – С. 202–209.
5. Жеребцов А.Н. Внутренняя миграция населения: проблемы содержания и перспективы административно-правового регулирования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3 (14). – С. 37–43.
6. Хришкевич Т.Г. Программа Aufbau Ost и выравнивание «Восток – Запад»: преодоление региональной диспропорции объединенной Германии в начале XXI века // Запад – Восток. – 2019. – № 12. – С. 46–60.
7. Шаншьева Л.Н. Восточная Германия: 30 лет после падения Берлинской стены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2019. – № 54 (70). – С. 11–15.
8. Arbeitslose und Arbeitslosenquote aller zivilen Erwerbspersonen nach Gebietsstand // Statistisches Bundesamt (Destatis). – Berlin, 2024. – 04.01. – URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Arbeit/Arbeitsmarkt/Erwerbslosigkeit/Tabellen/lrarb001.html#242350> (дата обращения 13.02.2024).
9. Bevölkerung nach Gebietsstand (ab 1990) // Statistisches Bundesamt (Destatis). – Berlin, 2023. – 20.06. – URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Bevoelkerungsstand/Tabellen/liste-gebietstand.html#> (дата обращения 13.02.2024).
10. Bevölkerungsentwicklung in Ost- und Westdeutschland zwischen 1990 und 2022: Angleichung oder Verfestigung der Unterschiede? // Statistisches Bundesamt (Destatis). – Berlin, 2024. – URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Querschnitt/Demografischer-Wandel/Aspekte/demografie-bevoelkerungsentwicklung-ost-west.html> (дата обращения 13.02.2024).
11. Binnenwanderung in Deutschland / Wissenschaftliche Dienste deutsches Bundestages. – Berlin, 2023. – 27 S.
12. Burda M.C., Hunt J. From Reunification to Economic Integration: Productivity and the Labor Market in Eastern Germany // Brooking Papers on Economic Activity. – 2001. – Vol. 32, issue 2. – P. 1–92.
13. Die Millionen, die gingen / Bangel C., Blicke P., Erdmann E., Faigl P., Loos A., Stahnke J., Tröger J., Venohr S. // Zeit Online : elektronische Zeitung. – 2019. – 02.05. – URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-05/ost-west-wanderung-abwanderung-ostdeutschland-umzug> (дата обращения 13.02.2024).
14. Donhauser M. Jobs im Osten schlechter bezahlt; Hunderttausende pendeln in den Westen // N-tv : elektronischer Nachrichtensender. – 2021. – 14.02. – URL: <https://www.n-tv.de/wirtschaft/Hunderttausende-pendeln-in-den-Westen-article22360275.html> (дата обращения 13.02.2024).
15. 30 Jahre nach dem Mauerfall. Wie es um Deutschlands Einheit bestellt ist / Ismar G., Monath H., Eubel C., Mumme T. // Tagesspiegel : elektronische Zeitung. – 2019. – 03.11. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/wie-es-um-deutschlands-einheit-bestellt-ist-4105855.html> (дата обращения 13.02.2024).

16. Köpf S.-M. Ost-West-Gehaltsunterschiede: "Lohnlücke auch in zehn bis 20 Jahren noch" // Der Mitteldeutsche Rundfunk (MDR) : elektronische Zeitung. – 2023. – 21. August. – URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen-anhalt/ost-west-gehaltsunterschiede-lohnluecke-prognose-100.html> (дата обращения 13.02.2024).
17. Mai R., Scharein M. Effekte der Binnenmigration auf die Bevölkerungsentwicklung und Alterung in den Bundesländern / Cassens I., Luy M., Scholz R. (eds). Die Bevölkerung in Ost- und Westdeutschland. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – S. 75–99.
18. Menschen in Ostdeutschland verdienen im Jahr rund 13.000 Euro weniger // Zeit Online : elektronische Zeitung. – 2023. – 18.07. – URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2023-07/jahresbruttogehalt-ostdeutschland-ost-west-lohnunterschied> (дата обращения 13.02.2024).
19. Solidaritätszuschlaggesetz vom 24. Juni 1991 (BGBl. I S. 1318), das durch Artikel 19 des Gesetzes vom 25. Februar 1992 (BGBl. I S. 297) geändert worden ist // Bundesministerium der Justiz. – Berlin, 2024. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/solzg/BJNR113180991.html> (дата обращения 13.02.2024).
20. The turnaround in internal migration between East and West Germany over the period 1991 to 2018 / Stawarz N., Sander N., Sulak H., Rosenbaum-Feldbrügge M. // Demographic Research. – 2020. – Vol. 43. – S. 993–1008.
21. Wanderungsbewegungen in Ost- und Westdeutschland // Statistisches Bundesamt (Destatis). – Berlin, 2023. – URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Querschnitt/Demografischer-Wandel/Aspekte/demografie-wanderungen.html> (дата обращения 13.02.2024).

DYNAMICS AND FEATURES OF INTERNAL MIGRATION PROCESSES IN THE REUNIFIED GERMANY

Andrey Chukharev

Junior Researcher at the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; andrewv100@mail.ru

Abstract. *The article examines the change in the population of Germany after its reunification in 1990 in the context of East-West regional dichotomy. A general analysis of the population size and structure in the old and new states revealed a transformation of their quantitative and qualitative characteristics, which suggests an imbalance on the territories under consideration. In this process internal migration played an important role. Its flows were mainly oriented from east to west. The article traces the dynamics and identifies the key features of the population outflow from East Germany, examines the socio-economic causes of this phenomenon and the measures taken by the federal government to eliminate them.*

Keywords: *internal migration; demographic problems; regional differences; social policy; Germany.*

For citation: Chukharev A.V. Dynamics and features of internal migration processes in the reunified Germany // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 115–126.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

УДК 314.728(510)

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДА В КИТАЕ.

Рецензия на книгу: Kaufmann I. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – p. 306.

Пряжникова Ольга Николаевна

научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия);
olga.priazhnikova@inion.ru

Ключевые слова: Китай; сельско-городская миграция; фермерская община; передача сельскохозяйственных знаний; рисоводство.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Особенности миграции из сельской местности в города в Китае. Рец. на кн.: Kaufmann L. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – 306 p. // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1. – С. 127–136.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.01.08

Рукопись поступила 05.02.2024

Принята к печати 20.02.2024

Введение

Автор рецензируемой книги, социальный антрополог Л. Кауфманн (L. Kaufmann), представляет в ней результаты исследования сельско-городских сообществ, возникающих в процессе миграций населения Китая из сельской местности в города. В основу монографии легла обширная этнографическая полевая работа, проведенная Л. Кауфманн в 2007–2008 и 2010–2011 гг. в сельской местности провинции Хунань, а также данные, собранные в 2012–2017 гг. посредством переписки и видеоконференций с жителями сельской провинции Аньхой и мигрантами, которые покинули ее, переехав в Шанхай.

Аньхой и Хунань входят в число основных провинций Китая по производству риса, для них характерна высокая плотность населения, они не имеют выхода к морю и удалены от крупных прибрежных городов Китая. По величине исходящих из них потоков внутренних миграций указанные территории занимают второе и третье место после провинции Сычуань. Население данных провинций не вовлечено активно в зарубежную миграцию, что в условиях региональных различий в уровне экономического развития способствует тому, что в Хунань и Аньхой широко распространены практики внутренней миграции [Kaufmann, 2021, р. 40]. Благодаря перечисленным обстоятельствам, эти провинции предоставляют богатый материал для изучения внутренних миграций в стране.

Особенности проведенного исследования

Особенность теоретико-методологического подхода к изучению «мира мигрантов», который использует автор, заключается в исследовании его как сообщества, в котором укоренены определенные практики, или, иными словами, как деятельного сообщества (community of practice). Л. Кауфманн анализирует практики в местах назначения миграций и в местах происхождения мигрантов. При этом подчеркивается, что такой актив фермерского хозяйства, как рисовые поля, играют решающую роль в формировании миграционных стратегий сельских жителей в рассматриваемых китайских провинциях.

Возделывая рисовые поля в современном Китае, фермеры сталкиваются с противоречащими друг другу обстоятельствами. С одной стороны, они часто вынуждены мигрировать в города с целью обеспечить благосостояние домохозяйства, с другой – в случае переезда они стремятся сохранить семейные земельные ресурсы в сельской местности.

Для китайцев, мигрирующих из села в город, сельскохозяйственная земля является активом, обеспечивающим им начальный капитал, а также важным элементом экономической безопасности на случай потери или нестабильности доходов, которые они получают, работая в городе. Часто для сохранения рисовых полей мигранты оставляют в сельской местности близких членов семьи, чтобы они заботились об угодьях [Kaufmann, 2021, p. 16]. Автор отмечает, что сохранение ресурсов домохозяйства в виде рисовых полей – это прежде всего социоэкономическая проблема. Ее решение предполагает налаживание непрерывного процесса поддержания определенной влажности почвы, требует особых навыков для сохранения качества почвы и ее обработки, а также знаний методов и технологий сельскохозяйственного производства [Kaufmann, 2021, p. 27].

Роль сохранения возможности вести сельскохозяйственную деятельность в формировании особенностей внутренних миграций в Китае уже отмечалась в ряде работ [Fan, Wang, 2008, p. 230; Ye, 2018]. Новизна настоящего исследования заключается в том, что автор всесторонне рассматривает практики всех членов домохозяйств: и тех, кто мигрирует в город, и тех, кто остается в сельской местности, подчеркивая, что и те, и другие являются частью село-городского деятельного сообщества. Члены этого сообщества связаны посредством циркулярной миграции, практиками воспроизводства сельскохозяйственных навыков и совместными усилиями по сохранению ресурсов домохозяйств.

Так, рисовые поля и права на их использование являются ресурсом, принадлежащим домашнему хозяйству, поэтому в его сохранении обычно участвуют все члены семьи. Как следствие, в ходе китайской внутренней миграции из села в город формируются определенные модели того, кто из членов домохозяйств мигрирует, а кто остается. Мигрируют обычно молодые люди или люди среднего возраста, тогда как дети, пожилые и больные люди, а также женщины на определенных этапах жизни (например, молодые матери) обычно остаются. По некоторым оценкам, в настоящее время так называемые «оставленные» мигрантами дети, женщины и пожилые люди в сельской местности Китая составляют около 61 млн, 47 млн и 50 млн человек соответственно. Бабушки и дедушки по отцовской линии обычно заботятся о своих внуках в отсутствие их мигрировавших родителей. В настоящее время «оставленные» таким образом дети составляют почти четверть всех детей и почти треть сельских детей в Китае [Kaufmann, 2021, p. 34].

Структура и содержание представленной работы

С точки зрения структуры, книга состоит из вступления, пяти глав и заключения.

В *первой главе* автор описывает факторы политики Китая с 1950-х годов, которые оказывали влияние на жизнь сельского населения, создавая как ограничения, так и возможности для формирования стратегий жизнедеятельности домохозяйств на основе ведения сельского хозяйства и миграции.

Так, китайская система регистрации домохозяйств «хукоу» (hukou), введенная в 1949 г., делила население на сельское и городское. Отнесенные к группе сельских жителей китайцы не имели права регистрации постоянного места жительства (permanent settlement right) и прав на социальное обеспечение, пенсии и образование, доступные гражданам, зарегистрированным в качестве горожан. Это в целом усиливало социальное неравенство и ограничивало мобильность населения [Kaufmann, 2021, p. 24]. Реформа китайской системы «хукоу» 2014 г. сгладила неравенство между сельскими и городскими жителями, расширив возможности сельских жителей переезжать и получать регистрацию городского места жительства.

В результате деколлективизации сельскохозяйственных производителей, начавшейся в середине 1980-х годов, на сегодняшний день права пользования земельными угодьями закреплены контрактом за индивидуальными фермерскими домохозяйствами, а площадь угодий определяется в расчете на количество членов домохозяйства [Kaufmann, 2021, p. 88]. Политические преобразования, связанные с деколлективизацией и введением элементов рыночной экономики, а также ослабление миграционных ограничений расширяют возможности фермеров мигрировать. Однако сохраняющаяся ситуация нестабильности их доходов в городах¹ вызывает желание сохранить свои рисовые поля в качестве страховочного актива.

Проблемы сохранения рисовых угодий семьями фермеров, члены которых мигрировали в города, рассматриваются во *второй главе* с точки зрения передачи традиционных знаний, необходимых для поддержания их качества, и освоения новых. Быстрая технологическая трансформация в сочетании с тем, что можно назвать «старыми навыками», которыми владеют старшие поколения, создают больше стратегических возможностей для культивации рисовых полей. Китайские фермеры теперь могут использовать не только широкий спектр традиционных аграрных знаний, в том числе доиндустриальные виды ручного возделывания риса, но также и технологии механизации, современные удобрения, новые гибридные семена и т.д.

Вместе с тем автор обращает внимание на проблему деквалификации молодого поколения фермерских семей. Старшие члены семей, «оставленные» в сельской местности, продолжают работать, тестировать и совершенствовать свои повседневные навыки и технологические подходы практически в ежедневном режиме. В результате у них формируется так называемое воплощенное знание (embodied knowledge), которое можно приобрести и воплотить только благодаря многолетней практике, телесно-чувственному и познавательному опыту. Но поскольку все больше и больше молодых людей мигрируют в города в раннем возрасте и на долгий срок, это создает трудности

¹ Нестабильность занятости внутренних мигрантов в Китае стала особенно очевидной во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., который в первую очередь затронул мигрантов, которые были заняты на китайских заводах, производящих экспортную продукцию. В начале 2009 г. примерно 23 млн трудовых мигрантов, или более 15% всех трудовых мигрантов в Китае, потеряли работу и вынуждены были уехать домой [Kaufmann, 2021, p. 96].

в передаче и освоении ими необходимых навыков для сохранения рисовых полей и поддержания сельскохозяйственного производства в Китае в целом [Kaufmann, 2021, p. 107].

Автор отмечает тот факт, что сегодня, в постреформенном Китае, знания о возделывании и сохранении рисовых полей аккумулируются и распространяются более индивидуально, чем это было в эпоху коллективизации. Данные процессы протекают в рамках домашнего хозяйства, наделенного индивидуальными правами землепользования, и в них прослеживаются четкие гендерные закономерности. С точки зрения гендера, на социальную организацию передачи знаний влияет то, что в миграциях из села в город преобладают мужчины и / или молодые члены сельских семей. Мигрируют и женщины, однако, женщины обычно возвращаются домой для вступления в брак и рождения детей и снова мигрируют, когда их ребенок подрастет и его можно оставить на попечении бабушки и дедушки. Когда сами пожилые члены семьи начинают нуждаться в уходе, обычно женщины возвращаются из города и берут на себя заботу о них. Эти миграции способствуют такому процессу, как «феминизация сельского хозяйства» в Китае, и тому, что носителями повседневных сельскохозяйственных знаний и навыков становятся преимущественно женщины [Kaufmann, 2021, p. 112].

Последующие главы посвящены этнографическому фактору в сохранении рисовых полей в стране. В *третьей главе* описывается один из вербальных инструментов передачи знаний о рисовых полях – фермерские пословицы. Они являются источником информации для запоминания знаний, представляя собой вербальные абстракции из политической, моральной, социальной или технической сфер, а также могут содержать элементы ситуативного юмора. До становления современного научного земледелия в Китае фермерские пословицы были надежным и доступным источником знаний о земледелии и повседневных практиках жизнедеятельности. Они остаются таковыми и по сей день [Kaufmann, 2021, p. 107].

Обсуждая роль этих пословиц в взаимосвязи выращивания риса и миграции китайцев из села в город, автор отмечает, что, хотя миграция никогда не упоминается в фермерских пословицах, последние тем не менее представляют собой знание, которое имеет решающее значение при принятии решений о распределении и применении имеющейся в наличии в домохозяйстве рабочей силы и предупреждают фермеров о последствиях недостаточной заботы о своих полях. Таким образом, они передают знания, которые важно учитывать при принятии решений по землепользованию в контексте миграции членов домохозяйства [Kaufmann, 2021, p. 156–157].

Основной тезис, рассматриваемый в *четвертой главе*, заключается в предположении о существовании тесной связи между технологическими и социальными изменениями, в частности миграцией. Автор подчеркивает, что китайские фермеры не являются пассивными получателями новых технологий, а представляют собой социальные субъекты, которые сознательно выбирают, оценивают и используют различные технологические новации, исходя из имеющихся ресурсов и

индивидуальных обстоятельств [Kaufmann, 2021, p. 168]. Ученые признают, что существует тесная связь между развитием механизации и миграцией, и что трудосберегающие возможности механизации могут стать для сельских домохозяйств мощным способом диверсифицировать свои средства производства, предоставив некоторым членам семьи возможность мигрировать. В Китае в XXI в. новые технологии стали неотъемлемой частью стратегии фермерских домохозяйств, позволяющей их членам стать трудовыми мигрантами в городах [Kaufmann, 2021, p. 183].

В *пятой главе* описываются стратегии землепользования и землеустройства, которые китайские фермеры, выращивающие рис, используют для сочетания управления сельскохозяйственными угодьями с миграцией в города. На примере конкретных домохозяйств показано, как фермеры используют широкий набор доступных ресурсов для решения своих проблемных ситуаций. Освещая логику этих решений, автор утверждает, что принимая, казалось бы, технические решения в сфере сельскохозяйственного производства, фермеры делают их частью различных долгосрочных и краткосрочных стратегий, которые соответствуют их текущей или ожидаемой в будущем семейной ситуации.

Автор представляет обзор двенадцати стратегий землепользования, которые принимавшие участие в исследовании фермеры из провинций Хунань и Аньхой применяли при решении проблем, связанных с рисовыми полями. При этом стратегии разделены на два вида: поддерживающие интенсивное выращивание риса и снижающие интенсивность сельскохозяйственной деятельности. К первому виду относятся следующие подходы:

1. Оставление при миграции семьи в город каких-либо ее членов в сельской местности для продолжения возделывания полей. Это наиболее эффективный способ гарантировать сохранение ресурса в виде рисовых полей для всей семьи, включая мигрантов, которые могут вернуться из города назад в село. Исследования подтверждают, что данный подход особенно эффективно работает в условиях, когда есть возможность оставить в селе пожилых членов семьи. Однако, если в домохозяйстве нет пожилых членов, которых можно было бы оставить, этой стратегии следовать затруднительно [Kaufmann, 2021, p. 191].

2. Другая распространенная стратегия землеустройства – сдача полей в аренду другим жителям деревни. Это обычное дело для мигрирующих в город и / или их оставленных в сельской местности родственников, которые не в состоянии самостоятельно возделывать все поля, находящиеся в пользовании домохозяйства. Данная стратегия предполагает продолжение интенсивного выращивания риса и, следовательно, сохранение рисовых полей. Однако при этом, как правило, не осваиваются трудосберегающие технологии или методы механизации производства, а квалифицированные работники домохозяйства просто заменяются внешними квалифицированными работниками. Подчеркивается, что в Китае с начала XXI в. меняется модель миграции, поскольку в ней увеличивается участие женщин трудоспособного возраста. В результате при миграции наиболее

трудоспособных членов семьи (представителей более молодых поколений) домохозяйствам все чаще приходится сдавать угодья в аренду [Kaufmann, 2021, p. 192].

3. Сезонный возврат мигрантов в пик сезона, период, называемый «двойной рывок» (shuang-qiang), когда одновременно происходит сбор первого за сезон урожая и пересадка второго урожая риса. Данные практики обычно требуют близости села и угодий к большому городу, в котором трудятся мигранты, а также гибких механизмов трудоустройства мигрантов, позволяющих им на время прерывать занятость в городе. Эта стратегия землепользования особенно благоприятна для мигрантов, так как они имеют возможность диверсифицировать свои доходы. Государство также получает дополнительную выгоду от вклада в экономику дешевой рабочей силы в лице внутренних мигрантов в сфере услуг и промышленности, с одной стороны, и от поддержания ими качества сельскохозяйственных угодий и объемов производства продовольствия – с другой [Kaufmann, 2021, p. 196].

4. Еще один способ справиться с нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве, вызванной миграцией, – взаимная помощь жителей сельских поселений в ходе пересадки и сбора урожая. Этот подход позволяет избежать дорогостоящих альтернатив, таких как наем рабочей силы или аренда техники. Автор подчеркивает, что практики взаимопомощи традиционно использовались на протяжении веков, но современные миграции из сельских районов ставят новые проблемы. Так, многие жители деревни, которые обычно участвовали во взаимном обмене труда, мигрировали, а население, которое остается в деревне, имеет иной демографический состав (это в основном пожилые люди, женщины, больные люди и дети), ограничивающий практики взаимопомощи [Kaufmann, 2021, p. 197].

5. Наем внешних работников также является одним из способов решения проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы в сельской местности из-за миграции. По идеологическим причинам это не было распространенным явлением в эпоху Мао, однако в настоящее время становится все более обычной практикой в китайских селах. Когда у людей меньше времени на занятие земледелием, но больше финансовых возможностей благодаря работе в городе, то они нанимают внешних по отношению к домохозяйству работников [Kaufmann, 2021, p. 199].

6. Использование трудосберегающих технологий становится выходом для оставшихся в селах членов семей, которым не хватает опыта и / или сил самостоятельно возделывать свои рисовые поля. Подобные технологии включают в себя применение средств механизации и специальных химикатов, а также довольно неожиданных технических решений. К последним относится возведение цементных гребней между полями, которые предотвращают рост травы, сокращая тем самым затраты труда на прополку. Автор отмечает, что в условиях роста миграции в города механизация получает все большее распространение в сельской местности. Тем не менее, использовать

возможности механизации могут лишь жители села, обладающие необходимым финансовым капиталом [Kaufmann, 2021, p. 200].

7. Прямой посев – один из способов сохранить рисовые поля и снизить затраты труда в разгар сезонных работ. Хотя термин «прямой посев» охватывает целый ряд различных методов, в провинциях Китая, затронутых исследованием, он главным образом заключается в посеве предварительно проросших семян. Участвовавшие в исследовании фермеры отмечали, что в их деревнях много людей перешли на прямой посев по причине того, что он требует меньше затрат труда и времени [Kaufmann, 2021, p. 200].

В отличие от стратегий, описанных выше, китайские фермеры прибегают также к подходам, которые ведут к деинтенсификации выращивания риса, в том числе к следующим:

1. Переход от выращивания двух урожаев к одному урожаю риса в год. Автор подчеркивает, что наряду с практикой сдачи в аренду полей, эта стратегия была самой распространенной стратегией среди участников исследования. Она соответствует прежде всего возможностям пожилых людей, которые оставлены в деревне мигрировавшими членами их семей, и выращивают рис только для своего собственного потребления [Kaufmann, 2021, p. 202].

2. Практика оставления полей (прекращение возделывания риса и ухода за почвой) менее распространена среди опрошенных автором фермеров, прежде всего потому, что негативно влияет на стоимость угодий. По оценкам 2011 г., фермеры в Китае переставали обрабатывать порядка 2 млн гектаров сельскохозяйственных угодий ежегодно, в основном по причине миграции. В целом это признается в стране серьезной проблемой из-за ее неблагоприятных последствий для продовольственной безопасности [Kaufmann, 2021, p. 204].

3. Строительство домов – еще одна стратегия использования сельскохозяйственных угодий. Она приводит к потере оросительных прудов и других ирригационных сооружений, а также к сокращению сельскохозяйственных площадей в целом. Последнее стало серьезной проблемой в реформенном Китае. По оценкам, на долю строительства сельского жилья пришлось от 5 до 6% от общего количества «потерянных» сельскохозяйственных угодий в конце прошлого века [Kaufmann, 2021, p. 207].

4. Переход к «сухим» полям – это переход к выращиванию продовольственных культур, которые растут на полях, не требующих такой сложной системы орошения, как рис. В контексте миграции сельских жителей в города одним из основных факторов принятия данного решения является снижение трудозатрат при выращивании новых культур. Наиболее распространенными «сухими культурами», которыми заменяют рис, в Китае становятся сладкий картофель, фасоль, кукуруза и сорго [Kaufmann, 2021, p. 211].

5. Переход к производству товарных культур¹ позволяет получать доход выше, чем от риса. Таким образом, товарное земледелие кажется хорошей альтернативой даже миграции (в том числе по оценкам опрошенных фермеров). Среди товарных культур в исследуемых провинциях получили распространение рапс, чай, фрукты, табак, хлопок и арахис [Kaufmann, 2021, p. 213].

Заключение

Следует отметить, что рецензируемая монография, несомненно, вносит как эмпирический, так и теоретический вклад в корпус знаний о миграции. Уникальность исследования заключается в анализе обширного эмпирического и этнографического материала, позволившем автору расширить представление о том, что можно назвать «происхождением» мигрантов, и подробно изучить «сельский фактор» миграции китайцев в города. Благодаря акценту на роли сельскохозяйственных угодий в принятии решений о миграции, рассматриваемая работа предлагает новый взгляд на изучение стратегий миграций как с точки зрения мигрантов, так и тех, кто остается в сельской местности, но активно участвует в реализации этих стратегий. Этот комплексный подход новаторски расширяет тематику исследований миграций.

Вместе с тем ряд тем, затронутых Л. Кауфман, могли бы стать предметом дальнейшего изучения. В контексте китайской миграции и феномена разделенных домохозяйств особый интерес вызывает анализ особенностей циркулярной миграции. Представления о том, почему отношения внутренних мигрантов с домом, который они покидают, остаются важными и почему большинство китайцев, мигрирующих в города, планируют вернуться в сельские районы в будущем, могут быть расширены в ходе будущих этнографических и социологических исследований.

Список литературы

1. Fan C.C., Wang W.W. The Household as Security: Strategies of Rural-Urban Migrants in China / Migration and Social Protection in China ; ed. by I. Nielsen, R. Smyth. – New Jersey : World Scientific Publishing, 2008. – P. 205–243.
2. Kaufmann L. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – 306 p.
3. Ye J. Stayers in China's "Hollowed-out" Villages: A Counter Narrative on Massive Rural-Urban Migration // Population, Space and Place. – 2018. – Vol. 24, N 2. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/psp.2128> (дата обращения 15.01.2024).

¹ Товарные культуры (cash crops) – сельскохозяйственная продукция, предназначенная для продажи, а не для внутреннего потребления.

FEATURES OF RURAL-URBAN MIGRATION IN CHINA
A review of the book: Kaufmann L. Rural-Urban Migration
and Agro-Technological Change in Post-Reform China. –
Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021. – p. 306.

Olga Pryazhnikova

Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); olga.priazhnikova@inion.ru

Keywords: *China; rural-urban migration; rural-urban farming community; agricultural knowledge transmission; rice farming.*

For citation: Pryazhnikova O.N. Features of rural-urban migration in China. A review of the book: Kaufmann L. Rural-Urban Migration and Agro-Technological Change in Post-Reform China // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 1. – P. 127–136.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 1 (14) / 2024

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>**

**электронный адрес редакции
e-mail: sns-journal@bk.ru**

Подписано в свет – 27/05 – 2024 г.

Формат 60×90/8

Уч.-изд. л. 9,1